

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 3 / 2015

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

основан в 2015 году

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Меркулов Всеволод Игоревич, канд. ист. наук
главный редактор

Жих Максим Иванович
заместитель главного редактора

Лобачева Ирина Ивановна
редактор-переводчик

Члены редакционной коллегии:

Азбелев Сергей Николаевич, докт. филол. наук, проф.

Грот Лидия Павловна, канд. ист. наук

Лубков Алексей Владимирович, докт. ист. наук, проф.

Майоров Александр Вячеславович, докт. ист. наук, проф.

Пузанов Владимир Дмитриевич, докт. ист. наук, проф.

Рыбаков Ростислав Борисович, докт. ист. наук

Суляк Сергей Георгиевич, канд. ист. наук, доц.

Фомин Вячеслав Васильевич, докт. ист. наук, проф.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Кривошеин Александр Васильевич (адвокат)

* * *

Email редакции: mail@histformat.com

Официальный сайт: <http://histformat.com/>

© Исторический Формат, 2015

ISSN 2411-9415

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS:

От редактора / Editorial	5
<i>Кулаков В.И.</i> Король без дружины или дружина без короля. Археологический комментарий к феномену потестарности у древних германцев	6
<i>Vladimir Kulakov</i> A king without retainers or retainers without a king. Archaeological comments on symbolism of early germanic kingship	
<i>Пузанов В.Д.</i> Город Тара - русская крепость на юге Сибири XVI-XVII вв.	14
<i>Vladimir Puzanov</i> Town of Tara – a russian fortress in Southern Siberia in the 16th - 17th centuries	
<i>Пауль А.</i> Lex Angliorum. К вопросу о первой Английской марке Франкской империи	25
<i>Andreas Paul</i> Lex Angliorum. To the question of the first English Mark of the Frankish empire	
<i>Жих М.И.</i> Дулебы и авары в Повести временных лет: славянский эпос или книжная конструкция?	52
<i>Maksim Zhikh</i> The Dulebes and Avars in the Tale of bygone years: the story from a slavic epic or book construct?	
<i>Несин М.А.</i> Градообразование у псковских кривичей в работах В.В. Седова (на примере Изборска и Пскова)	72
<i>Mikhail Nesin</i> Construction of towns by the Pskov's Krivichs in the works of Valentin V. Sedov (Izborsk and Pskov)	
<i>Рожанский И.Л.</i> Кто такие немцы? Ономастика и ДНК-генеалогия	87
<i>Igor Rozhanskii</i> Who are «Nemtsi»? Onomastics and DNA-Genealogy	

<i>Ивокина Л.И.</i>	
Падение Шведской империи и международные отношения в Европе конца XVII – начала XVIII вв.	107
<i>Lyudmila Ivonina</i>	
Fall of the Swedish empire and international relations in Europe in the end of the 17th – beginning of the 18th centuries	
<i>Колтырин С.А.</i>	
Пруссy: происхождение и взаимосвязи	120
<i>Sergey Koltyrin</i>	
Prussians: their origin and ties	
<i>Ануфриев В.П.</i>	
Хронология Шевардинского боя	143
<i>Vadim Anufriev</i>	
Chronology of the battle of Shevardino	
<i>Чорев М.М.</i>	
Монеты преемников Василия I Македонянина как исторические источники	159
<i>Mikhail Choref</i>	
Coins of successors of Basil I Macedonian as historical sources	
<i>Меркулов В.И.</i>	
Начальный период древнерусской истории (обзор учебного пособия Л.П. Грот)	185
<i>Vsevolod Merkulov</i>	
Early history of Rus' (Overview of the textbook by Lidia P. Groth)	
Правила публикации / Terms and Conditions	193

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Перед вами третий номер международного научного журнала «Исторический формат». За прошедшее лето в редакцию поступило много интересных статей, которые теперь предлагаются вашему вниманию. Напоминаем, что все предыдущие выпуски журнала в формате pdf можно свободно скачать на нашем официальном сайте: <http://histformat.com>

«Исторический формат» – это первое в России независимое научное издание по истории, которое выходит в формате Open Science. Журнал является совершенно бесплатным для читателей и для авторов: скачивайте, читайте и используйте в научной работе. При этом, «Исторический формат» существует без финансирования со стороны государства и научно-образовательных структур. Это совместный проект ученых, которые опираются только на общественную поддержку, на поддержку людей, которые неравнодушны к истории. Редакция выражает признательность Семенову А.С. и исследовательской группе Deep Dive за содействие в выпуске этого номера.

Каждый желающий может войти в состав Общественного попечительского совета журнала. Попечители получают прямую причастность к изданию, могут указывать свой статус в качестве общественной или благотворительной деятельности и т.д. Состав Общественного попечительского совета публикуется в каждом номере «Исторического формата» вместе с составом редакционной коллегии – известными историками, поскольку вклад общественных попечителей в издание тоже очень важен. Также редакция благодарит всех тех, кто нашел возможность оказать помощь журналу. Для нас очень актуально ваше прямое участие, потому что других помощников у нашего проекта пока нет: <http://histformat.com/donate/>

По-прежнему принимаются и рассматриваются ваши рукописи к публикации (правила оформления указаны в конце номера), которые следует направлять по электронной почте: **mail@histformat.com**

Желаем вам всего доброго и новых научных открытий!

*Всеволод Меркулов,
кандидат исторических наук,
главный редактор*

УДК 94(363)

КОРОЛЬ БЕЗ ДРУЖИНЫ ИЛИ ДРУЖИНА БЕЗ КОРОЛЯ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ФЕНОМЕНУ ПОТЕСТАРНОСТИ У ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ

В.И. Кулаков

Институт археологии Российской академии наук

Россия, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

e-mail: drkulakov@mail.ru

SPIN-код: 3764-2260

Авторское резюме

Современное состояние изученности европейской археологии I тысячелетия н.э. позволяет выделить признаки изменения социальной структуры различных этнических обществ на грани перехода от родоплеменной организации к пред- и раннегосударственным системам. Западногерманские племена – хатты, хавки, фризы, саксы – вплоть до вхождения последних в состав державы Карла Великого не имели традиций королевской власти. Отсутствие признаков социальной градации в вельбарских и черняховских древностях с большой долей осторожности позволяет предполагать существование у части восточных германцев демократической (точнее – общенародной) идеи власти. Общественные принципы, укоренившиеся у северогерманских племён, характеризовались сочетанием в руках племенного «короля» культовых функций. У южных германцев власть короля совмещала как традиционный авторитет родоплеменного аристократизма, так и элемент прямого принуждения путём действий королевской дружины и/или периодической поддержки римских легионов. Представленный эскиз отражения идей европейской потестарности в археологическом материале пред- и раннегосударственного периода в числе прочего выявляет причины сложения различных форм ментальности у населения *Barbaricum*.

Ключевые слова: король, дружина, древние германцы, потестарность, политогенез.

A KING WITHOUT RETAINERS OR RETAINERS WITHOUT A KING. ARCHAEOLOGICAL COMMENTS ON SYMBOLISM OF EARLY GERMANIC KINGSHIP

Vladimir Kulakov

Abstract

The current state of archaeological knowledge concerning the 1st millennium AD allows identification of characteristic changes in the social structure of various ethnic communities on the brink of transition from tribes to pre- and early states. In each tribe the political power of the king could vary significantly. West Germanic tribes – the Chatti, Chauci, Frisii, Saxons – had no tradition of royal power up until they became part of the kingdom of Charles the Great. Lack of signs of social stratification in Wielbark and Chernyakhov antiquities suggests that part of East Germanic tribal governments were based upon principles of democracy – power of the people. North German tribal kings were also high priests. Kings of South Germans strengthened their traditional authority of tribal aristocracy by some forms of direct coercing through their retainers and /or intermittent support of the Roman legions. The presented sketch of early

Germanic kingship, reflected in the European archaeological materials, points to the reasons for development of different mentalities in the peoples of Barbaricum.

Keywords: king, retainers, early Germans, kingship, politogenesis.

* * *

Современное состояние изученности европейской археологии I тысячелетия н.э. позволяет выделить признаки изменения социальной структуры различных этнических обществ на грани перехода от родо-племенной организации к пред- и раннегосударственным системам. В частности, для погребальных древностей Балтии, Северной и Восточной Европы (V – начало XI вв.) определён комплекс признаков, условно именуемый дружинной триадой. Этот комплекс включает «...изменение характерного ранее для родовой традиции погребального обряда, декоративный стиль, включающий разные культурно-этнические черты и наличие разноэтнических элементов...» в составе воинских коллективов, именуемых «дружина» (Кулаков 1988: 122).

Наиболее адекватное определение феномена дружины предложено Л. Дрэггером: «Дружина (*Gefolgschaft*; *Folowers*, ... *Retainers*; *Suite*) – объединение воинов вокруг военного предводителя, позднее ближайшее военное окружение князя или короля» (Дрэггер 1986: 52). Превращение дружины из временного воинского образования (для одного набега или битвы) в постоянно действующий социальный институт соответствует предгосударственному уровню развития потестарности. Такая организация стала для его вождя готовым инструментом для создания государства – института легализованного насилия над безоружным населением, противопоставлявшемся вождю и его дружине.

На всём протяжении существования дружины её члены были подчинены лишь своему вождю, причём его власть покоилась не на принадлежности к родовой аристократии, а исключительно на личном мужестве и удачах в походах. Дружинники повиновались своему вождю на основании клятвы, дающейся ему каждым из членов дружины в знак личной верности. Этот нюанс дружинных отношений характерен как для раннеримского времени (Тацит 1969: 359), так и для эпохи викингов, когда такая клятва обозначалась древнеисландским термином *vær* (Кулаков 1999: 197).

Признаки дружинной триады на балтийском материале реализуются уже в середине V в. (Кулаков 1998: 107-109), в момент появления на юго-западной границе балтского мира группы разноэтнических профессиональных воинов, упомянутых Иорданом как *gens Vidivaria* (Иордан 1997: 138). Специфика социальной идентичности этих воинов отражена в их готском по происхождению самоназвании – «воины/люди Видьи» (окружение вождя ранних пруссов, известного в английской поэзии как «Видья», в прусских легендах как «Видевут»: Кулаков 2004: 36-64), что показывает их некую сакральную связь со своим вождём.

В археологическом материале Западной Европы I-II вв. н.э. высокий социальный статус путём специфической формы обрядности, обилия предметов вооружения и римских «импортов» (подкурганые «княжеские погребения» группы

Lübsow в междуречье рек Висла и Везер) подчёркивается лишь для высшего слоя германской родовой аристократии – упомянутых Тацитом «королей» (Eggers 1953: 58-62). Позднее, ок. 250-300 гг. в племенном ареале тюрингов возникают также связанные с племенной аристократией «княжеские погребения» типа Hassleben-Leuna (Schulz 1953), структурно сходные с комплексами группы Lübsow.

Все перечисленные выше специфические формы погребальных комплексов выделяются на фоне массы малоинвентарных трупосожжений рядовых общинников. Наконец, с конца V в. в обряде западных германцев происходит стабилизация: репрезентативные по обряду и снаряжения погребения с роскошными мечами-спатами содержат останки членов королевских династий (например, одного из ранних Меровингов – короля Хлодвига в Турней), могилы с набором боевого наступательного и оборонительного снаряжения принадлежат как воинам королевского войска (Menghin 1983: 170), по «Салической правде» – *convivae regis*, так и свободным общинникам.

Таким образом, лишь в эпоху пост-Недао (т.е. для второй половины V в. н.э.) на западе нашего континента в погребальной обрядности представителей властных структур ранних «варварских» государств формируется достаточно устойчивая система признаков их социального статуса. Для более раннего времени в большинстве племён континентальных германцев подобного рода система отсутствует (или археологически не прослеживается). Например, на поздней фазе развития черняховской культуры, соответствующей времени создания и драматического крушения «державы Германариха», нет никаких признаков, которые могли бы выделить в массе погребений воинов великого конунга восточных готов. Массовые черты обрядности IV в. – распространение ингумаций, сопровождение мужских погребений оружием – соответственно связываются с влиянием римских традиций и воспринимаются как обозначение статуса мужчины-воина (Schultze 1983: 272, 273). Лишь сопровождение захоронения германского вождя останками подчинённых ему воинов (Niederstötzingen, Kr. Heidenheim) указывают на вхождение последних в состав дружины (Paulsen 1967: 140). В прусских древностях подобный обычай хорошо известен в VIII-XI вв. (Кулаков 1989: 36-43).

Для того, чтобы конкретизировать археологический комментарий к различным видам потестарности на западе континента на рубеже эпох античности и средневековья, необходимо конкретизировать принципы формирования королевской власти в «варварских» обществах Европы на пред- и раннегосударственном этапах. Используя накопленный за последние десятилетия опыт палео-социологических исследований, А.И. Селицкий выделил различные формы становления королевской власти в германских племенах (Селицкий 1999: 68-70):

1. Западногерманские племена – хатты, хавки, фризы, саксы – вплоть до вхождения последних в состав державы Карла Великого не имели традиций королевской власти. Решения принимались на племенном народном собрании, административные функции по областям (позднее – герцогствам) принимались военными вождями, возглавлявшими в походах дружины. Таким образом, максимумом власти у этих народов обладало собрание соплеменников

(традиционное право легитимности общенародного решения, фактически – народная «демократия»), часть своей власти делегировавших региональным военным лидерам.

Социальная градация в таком варианте потестарности, т.е. формальное разделение властных функций между всеми соплеменниками поровну, в погребальных древностях отражения не предполагает. Отсутствие признаков социальной градации в вельбарских и черняховских древностях с большой долей осторожности позволяет предполагать существование у части восточных германцев (прежде всего – у остроготов и гепидов) указанной формы идеи власти. Благодаря отмеченной специфике племенной (народной) «демократии» (в том числе – локальные возможности власти военного вождя, как результат – отсутствие упорядоченной и постоянной дружины) могущество державы Германариха оказалось столь эфемерным. Видимо, готское слово *driugan* следует понимать не как термин «дружина» в его древнерусском и общепринятом ныне значении, а как «военная служба = временная воинская повинность» (Braune 1905: 147). Таким образом, у части древнегерманских племён дружина, пусть и неуловимая археологически, существовала, но королевской власти в ходе её деятельности не сложилось.

2. Общественные принципы, укоренившиеся у северогерманских племён, характеризовались сочетанием в руках племенного «короля» культовых функций. Культовый, а не силовой смысл властного авторитета скандинавских конунгов-жрецов максимальное отражение получил в вендельских погребальных традициях, реализовавшись, в частности, в материале курганов Уппсалы. Многовековые традиции этого варианта властных функций привели к тому, что дружинные вожди, на протяжении всего I тысячелетия н.э. стихийно пытавшиеся найти себе и своим воинам место в современной им социальной структуре, постоянно были вынуждены покидать земли предков. Так немногочисленные, но весьма действенные северные дружины принимали активное участие в «варварских» войнах с Римской империей. По указанным выше причинам основной сферой деятельности позднейших отрядов викингов стали земли вне Скандинавии.

Как и у северных германцев, культовый акцент власти племенных вождей представлен в раннесредневековых обществах славян и западных балтов. Относительно славян Восточной Европы подобный вывод можно сделать лишь на основе данных письменных источников (Новосильцев 1965: 396), в археологическом материале VIII-IX вв. показатели сакрализации власти местных князей пока не выявлены. Культовая потестарность у западных балтов и части западных славян в рамках идеи «священного царства» (по Дж. Фрэзеру) обозначена как в сообщениях хронистов, так и в археологическом материале IX в. (Кулаков 1990: 191). При этом погребения прусских жрецов-вайделотов, реально обладавших как культовой, так и мирской властью, характеризуются радикальным отсутствием находок (Кулаков 1990: 193).

Захоронению родовых «королей» пруссов соответствовали сложные заупокойные церемонии (Топоров 1990: 13-20). По своей внутренней структуре могилы этих «королей» (прусс. – *kongos*) вряд ли отличались от дружинных

погребений X-XI вв., обязательными для которых были оружие и конское захоронение. В большинстве случаев погребения с поименованными признаками содержат элементы дружинной триады (см. выше) и принадлежат прусским дружинным формированиям, возникшим в ходе движения викингов и никогда не признававшим над собой королевской власти. Итак, дружины на севере и на востоке Европы в разное время существовали, однако, дружинным вождям (дисл. *konungar*) приходилось бороться за власть с племенными вождями (дисл. *höfðingar*), устойчиво пользовавшимися сакральным авторитетом.

3. Последняя из известных современной науке форм «варварской» потестарности была реализована южногерманскими племенами, достаточно рано вступившими в непосредственный контакт с римской цивилизацией. В данной версии власти короли совмещали как традиционный авторитет родоплеменного аристократизма, так и элемент прямого принуждения путём действий королевской дружины (*Retainers, Suite*) и/или периодической поддержки римских легионов. Мистическая слагаемая властных полномочий у южногерманских королей была слабее, нежели у их скандинавских, славянских или балтских «коллег». Это было связано с сильным влиянием античных, а затем и арианских культовых традиций, уже в IV в. н.э. радикально ослабивших систему германской отеческой религии. Возможно, именно этот аспект, на который ранее археологи не обращали должного внимания, является причиной отсутствия признаков дружинной триады в погребальном материале значительной части европейского *Barbaricum*. Здесь – принципиальное различие между севером и югом Европы. «Скандинавия эпохи викингов... – это то, чем могла стать и не стала германская Европа, “сбитая с пути истинного” слишком близким знакомством с Римом и христианизацией» (Хлевов 1999: 56).

Отсутствие у южногерманских племён заметной культовой слагаемой власти не предполагало осуществления жрецами (их наличие здесь даже в позднеримское время проблематично) дискретного ранжирования жизни подконтрольный им социумов, в том числе – в погребальной обрядности, этом зеркале социальных институтов. Инициатива нарочитых форм королевских погребений принадлежала, судя по всему, ближайшему окружению «варварских» владык (т.е. членам их семей и ближним дружинникам). Погребения же дружинников, не обладавших кодифицированными правами *comiti*, редко осуществлявшиеся в спокойной обстановке ввиду бурного течения западноевропейской истории V-VI вв., по своей конструкции и инвентарю могли не отличаться от могил рядовых общинников.

Немалую роль в отсутствии археологических признаков дружины сыграла и церковная пропаганда, явно не приветствовавшая появление материальных инсигний у королевской воинской свиты, которая как сословие стала оформляться не ранее VII в. Ок. 550 г. в наставлениях графу Регинону Фульгенций Руспийский вспоминает слова Иоанна Крестителя о том, что христианский воин должен быть весьма скромен и довольствоваться лишь своим жалованием (Флори 1999: 69). Учитывая такой идеологический прессинг со стороны церкви, ожидать некие черты погребальной обрядности, которые отличали бы воинов-дружинников в массиве южногерманских погребений, не приходится. Таким образом, археологически

дружинные элементы у части древнегерманских племён трудноуловимы, будучи размытыми во многом ввиду влияния традиций римского лimesа. Эти же традиции способствовали, в частности, созданию комплекса внешних прерогатив королевской власти (в том числе – таких властных атрибутов, как корона, скипетр, держава, неизвестных у властителей остальных германских и прочих племён).

Представленный эскиз отражения идей европейской потестарности в археологическом материале пред- и раннегосударственного периода в числе прочего выявляет причины сложения различных форм ментальности у населения *Barbaricum*. Элементы народной «демократии» (вариант 1), приоритет духовных ценностей (вариант 2) и сугубый прагматизм власти (вариант 3) не только обозначил различие параметров древностей трёх основных частей «варварской» цивилизации раннесредневековой Европы, но и по сей день реализуется в национальном характере и в политических приоритетах различных народов нашего континента, да и некоторых заморских территорий. К сожалению, отсутствие компромисса между указанными формами ментальности не способствует естественному ходу социального прогресса не только в границах национальных государств, но и во всём мире.

ЛИТЕРАТУРА

- Дрэггер 1986 - *Дрэггер Л.* Дружина // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.
- Иордан 1997 - *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. СПб., 1997.
- Кулаков 1988 - *Кулаков В.И.* Дружинные элементы в могильниках пруссов VII – начала XI в. // Археологические памятники европейской части РСФСР. Погребальные древности. М., 1988.
- Кулаков 1989 - *Кулаков В.И.* Погребения военачальников прусской дружины // Краткие сообщения Института археологии. 1989. Вып. 198.
- Кулаков 1990 - *Кулаков В.И.* Погребальный обряд пруссов в эпоху раннего средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
- Кулаков 1999 - *Кулаков В.И.* Балтийский акцент в движении викингов (этнические диффузии и традиции искусства) // *Archaeologia Litwana*. Vol. I. Vilnius, 1999.
- Кулаков 2004 - *Кулаков В.И.* Боги Видевута // *Letonica*. Nr. 10. Rīga, 2004.
- Новосильцев 1965 - *Новосильцев А.П.* Восточные источники о славянах и Руси VI-IX вв. // Новосильцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Селицкий 1999 - *Селицкий А.И.* К вопросу о генезисе королевской власти у древних германцев // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1999.
- Тацит 1969 - *Тацит Корнелий Публий.* Сочинения. Т. I. Л., 1969.
- Топоров 1990 - *Топоров В.Н.* Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
- Флори 1999 - *Флори Ж.* Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999.
- Хлевов 1999 - *Хлевов А.А.* Дружина Севера как исторический феномен // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1999.
- Braune 1905 - *Braune W.* Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte. Bd. I. Gotische Grammatik. Halle, 1905.
- Eggers 1953 - *Eggers Y.J.* Lübsow, ein germanischer Fürstensitz der älteren Kaiserzeit // *Prähistorische Zeitschrift*. 1953. Bd. 34/35, 1949/50.
- Menghin 1983 - *Menghin W.* Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart, 1983.
- Paulsen 1967 - *Paulsen P.* Alamannische Adelsgräber von Niederstotzingen (Kr. Heidenheim). Stuttgart, 1967.

Schulz 1953 - *Schulz W.* Leuna, ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. 1953. Bd. I.

Schultze 1983 - *Schultze E.* Grabsitte und Grabkult // Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Berlin, 1983. Bd. II.

REFERENCES

Braune 1905 - *Braune W.* Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte. Bd. I. Gotische Grammatik [Collection of short grammars of Germanic dialects], Halle, 1905 [in German].

Drjeger 1986 - *Drjeger L.* Družhina [Družhina], in: Social'no-jekonomicheskie otnoshenija i sionormativnaja kul'tura [Social and economic relations and sotsionormativny culture], Moscow, 1986 [in Russian].

Eggers 1953 - *Eggers Y.J.* Lübsow, ein germanischer Fürstensitz der älteren Kaiserzeit [Lübsow: a Germanic prince's seat of the older imperial time], in: Prähistorische Zeitschrift [Prehistoric magazine], 1953, Bd. 34/35, 1949/50 [in German].

Flori 1999 - *Flori Zh.* Ideologija mecha. Predystorija rycarstva [Ideology of a sword. Background of knights], St. Petersburg, 1999 [in Russian].

Hlevov 1999 - *Hlevov A.A.* Družhina Severa kak istoricheskij fenomen [North team as historical phenomenon], in: Skandinavskie chtenija 1998 goda. Jetnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty [Scandinavian readings 1998. Ethnographic and cultural and historical aspects], St. Petersburg, 1999 [in Russian].

Iordan 1997 - *Iordan.* O proishozhdenii i dejanijah getov. Getica [About an origin and acts of get. Getica], St. Petersburg, 1997 [in Russian].

Kulakov 1988 - *Kulakov V.I.* Družhinnye jelementy v mogil'nikah prussov VII – nachala XI v. [Družhinny elements in burial grounds of pruss of VII – the beginnings of the XI century], in: Arheologicheskie pamjatniki evropejskoj chasti RSFSR. Pogrebal'nye drevnosti [Archaeological monuments to the European part of RSFSR. Funeral antiquities], Moscow, 1988 [in Russian].

Kulakov 1989 - *Kulakov V.I.* Pogrebenija voenachal'nikov prusskoj družhiny [Burials of military leaders of a Prussian team], in: Kratkie soobshhenija Instituta arheologii [Short messages of Institute of archeology], 1989, Vyp. 198 [in Russian].

Kulakov 1990 - *Kulakov V.I.* Pogrebal'nyj obrjad prussov v jepohu ran-nego srednevekov'ja [Funeral ceremony of pruss during an era of the early Middle Ages], in: Issledovanija v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kul'tury. Pogrebal'nyj obrjad [Researches in the field of balto-Slavic spiritual culture. Funeral ceremony], Moscow, 1990 [in Russian].

Kulakov 1999 - *Kulakov V.I.* Baltijskij akcent v dvizhenii vikingov (jetnicheskie diffuzii i tradicii iskusstva) [The Baltic accent in the movement of Vikings (ethnic diffusions and traditions of art)], in: Archaeologia Lituana [Lithuanian archeology], Vol. I, Vilnius, 1999 [in Russian].

Kulakov 2004 - *Kulakov V.I.* Bogi Videvuta [Videvut's gods], in: Letonica [Studying of Lithuania], Nr. 10, Rīga, 2004 [in Russian].

Menghin 1983 - *Menghin W.* Das Schwert im Frühen Mittelalter [The sword in the early Middle Ages], Stuttgart, 1983 [in German].

Novosil'cev 1965 - *Novosil'cev A.P.* Vostochnye istochniki o slavjanah i Rusi VI-IX vv. [East sources about Slavs and Russia the VI-IX centuries], in: Novosil'cev A.P. i dr. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [Old Russian state and its international value], Moscow, 1965 [in Russian].

Paulsen 1967 - *Paulsen P.* Alamannische Adelsgräber von Niederstotzingen (Kr. Heidenheim) [Nobility graves of Alemanni of Niederstotzingen], Stuttgart, 1967 [in German].

Selickij 1999 - *Selickij A.I.* K voprosu o genezise korolevskoj vlasti u drevnih germancev [To a question of genesis of the royalty at ancient Germans], in: Skandinavskie chtenija 1998 goda. Jetnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty [Scandinavian readings 1998. Ethnographic and cultural and historical aspects], St. Petersburg, 1999 [in Russian].

Schultze 1983 - *Schultze E.* Grabsitte und Grabkult [Grave custom and grave cult], in: Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa [The Germans. History and culture of the Germanic tribes in Central Europe], Berlin, 1983, Bd. II [in German].

Schulz 1953 - *Schulz W.* Leuna, ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit [Leuna: a Germanic funeral place of the Late-Roman imperial time], in: Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte [German academy of the sciences in Berlin. Writings of the section for prehistory and early history], 1953, Bd. I [in German].

Tacit 1969 - *Tacit Kornelij Publij.* Sochinenija [Compositions], T. I, Leningrad, 1969 [in Russian].

Toporov 1990 - *Toporov V.N.* Konnye sostjazanija na pohoronah [Horse competitions on a funeral], in: Issledovanija v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kul'tury. Pogrebal'nyj obrjad [Researches in the field of balto-Slavic spiritual culture. Funeral ceremony], Moscow, 1990 [in Russian].

Кулаков Владимир Иванович – Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии Российской Академии наук.

Kulakov Vladimir – Doctor of historical sciences, lead research associate at the Department of archeology of Migration period and early Middle Ages of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 94(57)

ГОРОД ТАРА – РУССКАЯ КРЕПОСТЬ НА ЮГЕ СИБИРИ XVI-XVII ВВ.

В.Д. Пузанов

Курганский государственный университет

Россия, 640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25

e-mail: oid@kgsu.ru

SPIN-код: 6026-6252

Авторское резюме

Крепость Тара была основана русским правительством для борьбы с Кучумом за бассейн р. Иртыша. Но и после разгрома Кучума город долгое время был военным центром, главная задача которого состояла в борьбе с кочевниками за южные территории Сибири. Автор изучает многочисленные архивные документы, касающиеся истории крепости и её гарнизона.

Ключевые слова: Тара, Южная Сибирь, Московская Русь, крепости.

TOWN OF TARA – A RUSSIAN FORTRESS IN SOUTHERN SIBERIA IN THE 16th - 17th CENTURIES

Vladimir Puzanov

Abstract

The Fortress of Tara was founded by the Russian government to fight with Kuchum Khan for the Irtysh River basin. But even after the defeat of Kuchum the town had long been a military center and constantly fought with nomadic people for the territory of Southern Siberia. The author reviews numerous archival documents related to the history of the fortress and its garrison.

Keywords: Town of Tara, Southern Siberia, Tsardom of Muscovy, fortresses.

* * *

Город Тара был основан правительством для борьбы с Кучумом за бассейн р. Иртыша, но и после разгрома Кучума долго был военным центром, главная задача которого состояла в борьбе с кочевниками за южные территории Сибири. В 1594 г. из Москвы была отправлена военная экспедиция князя Андрея Елецкого на юг Сибирского царства, чтобы создать форпост русской власти в Среднем Прииртышье. В этот край после строительства Тюмени и Тобольска отступил Кучум, собирая дань с местного населения. Андрей Елецкий должен был изгнать Кучума и ногаев из южных татарских волостей и привести их под власть царя. Андрей Елецкий в 1594 г. основал город Тару на юге русских владений Сибири (Миллер 1937: 354).

Почему главой военной экспедиции, посланной для основания Тары, был назначен князь Андрей Елецкий? Андрей Васильев сын Елецкий происходил из рода князей Елецких, которые на протяжении поколений несли сторожевую службу на

юге Владимирской Руси. Елец являлся одной из южных крепостей Рязанской земли, которая по своему южному положению часто видела набеги кочевников. Елецкие вели свой род от князя Ивана Козельского, принадлежали к потомкам князей Чернигова. Первые воеводы Тары А.В. Елецкий и Ф.Б. Елецкий родились в младшей ветви Елецких, которая происходила от Семена Юрьевича Елецкого (История родов русского дворянства 1991: 52).

Князья Елецкие были Рюриковичи по происхождению, однако, будучи боярами рязанских князей, они после объединения Руси не вошли в боярскую элиту московской знати. Елецкие входили в Государев двор, иногда выполняли важные поручения царей, были воеводами, стряпчими, стольниками. В 1582 г. князь И.М. Селезнев Елецкий был назначен царем воеводой большого полка войска, посланного в Казанский край. Воевода передового полка А.Я. Измайлов оспорил это назначение, заявив, что *«ему Андрею меньше князя Ивановича Елецкого быть не в местно потому что преж всего Елецкие князья служили рязанским князьям великим и бывали с прадедом его и з дедом и с иными рязанскими бояры»*. Однако царь не отменил этих назначений, но разрешил записать челобитье А.Я. Измайлова в разряде и после службы дать ему суд.

А.В. Елецкий начал свою службу в Твери при дворе царя Симеона Бекбулатовича. По данным боярских списков конца XVI – начала XVII вв., князь А.В. Елецкий входил в нижнюю группу Государева двора и в элиту служилых землевладельцев Боровского уезда. Князь А.В. Елецкий служил среди выборных дворян по Боровску, имея довольно крупный оклад в 500 четей (Боярские списки 1979: 56). По данным разрядов, начало боевой деятельности князя А.В. Елецкого было положено в Ливонскую войну. В ноябре 1577 г. в Корелу царем был назначен новый воевода М.А. Безнин, а с ним стольники и дворяне с письменным головой князя И.А. Солнцевым – Засекиным удела царя Симеона Бекбулатовича. В том числе были головы из удела царя Симеона Бекбулатовича: из Твери князь Григорий Солнцев – Засекин и князь А.В. Елецкий (Разрядная книга 1984: 640).

В 1588 г. князь А.В. Елецкий был послан в Новгород. Он стал известен в качестве полководца после Ливонской войны. Конец этого конфликта не стал завершением борьбы Русского государства и Литвы. На рубеже государств шли частые набеги, стычки. В 1592 г. князь А.В. Елецкий служил одним из четырех воевод Чернигова (в списке А.В. Елецкий упомянут вторым воеводой после Григория Никитина Борисова Бороздина).

В 1592 г. по приказу царя А.В. Елецкий возглавил поход русских войск из Чернигова в район Киева. В это время литовские люди поставили острог на спорной территории между Русью и Литвой. Войско из трех полков, которым командовал воевода большого полка А.В. Елецкий, разбило литовцев и разрушило поставленные ими укрепления. В результате, территория осталась за Русским государством (Разрядная книга 1989: 41). В 1593 г. А.В. Елецкий и Ф.Б. Елецкий служили на государевой службе на юге, защищая южные укрепления от набегов кочевников. Победа над литовцами была замечена в Москве, и в 1593 г. А.В. Елецкий был назначен воеводой крупной военной экспедиции на р. Иртыш.

Позднее А.В. Елецкий был направлен воеводой в южные крепости Русского государства для борьбы с набегами кочевников. После службы в Сибири князь А.В. Елецкий служил три года воеводой в Ливнах, где упоминается под 1597 г. В 1597-1599 гг. А.В. Елецкий упомянут в списке воевод украинских городов. В 1599 г. А.В. Елецкий служил воеводой вместе с И.А. Басмановым; позднее он служил в Москве. В 1600 г. А.В. Елецкий был назначен приставом к польскому послу Сапеге, в 1601 г. встретил посла Швеции. Служба князя Андрея Васильевича Елецкого способствовала усилению значения рода Елецких. По данным боярского списка 1606 г., к этому году князь Федор Андреевич Елецкий и князь Семен Андреевич Елецкий служили государю стольниками и были посланы на службу под Калугу.

Вторым воеводой Тары стал князь Федор Борисов сын Елецкий, который служил в конце XVI – начале XVII в. с князем А.В. Елецким в выборе по Боровску. Федор Борисов сын Елецкий был троюродным братом А.В. Елецкого (Редкие источники по истории Руси 1977: 167). К 1588 г. ему был назначен оклад 350 четей. В 1588 г. он с А.В. Елецким был послан в Новгород. Возможно, он также с А.В. Елецким был послан и на Тару в 1594 г., а затем после основания города сменил здесь князя А.В. Елецкого, который прибыл на Русь. В 1595 г. князь Ф.Б. Елецкий упомянут в качестве воеводы Тары, и был он им до 1597 г. В феврале 1597 г. царь Федор Иоаннович послал в Сибирь новых воевод. Позднее князь Ф.Б. Елецкий получал назначения в украинные города, в 1598 г. был засечным воеводой у Белевской и Бобриковской засеке; в 1599 г. он служил воеводой Воронежа.

В экспедицию князя Андрея Елецкого были посланы значительные силы из Москвы, Поволжья и Сибири. По данным Книги Записной, в походе 1594 г. участвовали служилые люди городов Сибири, а также Казани, Перми и Вятки. В наказе Андрею Елецкому предписывалось взять в экспедицию 147 московских стрельцов, 554 конных человек из Казанского края, в том числе 300 башкир и 100 казанских и свияжских татар, 100 человек литвы, черкас и казаков конных и 100 служилых татар Тобольска, 40 человек литвы, черкас и казаков конных и 50 конных татар Тюмени, а также несколько сотен ясачных татар волостей юга Сибири. Всего отряд Андрея Елецкого насчитывал 1541 человек ратных людей.

Андрей Елецкий, после основания города и утверждения русской власти в бассейне реки Иртыша, должен был отпустить обратно большинство служилых людей и сформировать первый гарнизон Тары: *«в новом городе оставить людей по росписи, смотря по делу»*. В Москве планировали, что в Таре останутся на зиму 100 московских стрельцов, 40 тюменской литвы, черкас и конных казаков, 100 тобольской литвы, черкас, конных казаков и 50 тобольских татар. В наказе князю Андрею Елецкому предлагалось при необходимости брать дополнительные военные силы из городов Тобольска и Тюмени. В Таре тюменские служилые люди находились около года. Позднее тюменский воевода князь Григорий Долгорукий жаловался царю, что их удерживают в Таре еще к 30 мая 1595 г., что вызвало определенные проблемы в самой Тюмени: *«а на Тюмени людей мало, посылать в проезжие станицы и в отъезжие караулы неково»*. Позднее посылки служилых людей в Тару из других городов Сибири продолжились.

После основания Тары русские военные отряды оттуда подчинили русской власти южные ясачные волости Сибирского царства, а в 1598 г. нанесли решающее поражение Кучуму, разбив его войско. По данным «Нового летописца», поход на Кучума из Тары состоялся по повелению Бориса Годунова. Русские служилые люди Тары взяли в плен 8 цариц и 3 царевича и большую часть двора Кучума, который бежал с малым отрядом. После этого поражения Кучум уже не был серьезным соперником Русского государства в Азии.

Назначением города Тары был контроль над ясачным населением южной части Сибирского царства по среднему течению реки Иртыша. Тарский уезд был одним из крупнейших в Западной Сибири по числу ясачного населения. В 1594 г. в уезде было 955 плательщиков ясака. Таким образом, все ясачное население насчитывало более 4-х тысяч человек. Однако по ряду причин, прежде всего окраинного положения Тарского уезда, число плательщиков ясака часто менялось. К 1624 г. в Тарском уезде имелось 650 плательщиков ясака, на которых был положен оклад на 1 802 рубля (РГАДА, Ф. 214, Кн. 11, Л. 304).

В 1624 г. по дозору в ясак было положено дополнительно 182 человека, и общее число ясачных людей, таким образом, увеличилось до 831 человека. Однако этот дополнительный набор был проведен с большим напряжением. Наложенную сверх старых платежей сумму 470 рублей никогда не удавалось собрать полностью. В 1620 гг. южные тарские волости были заняты ойратами. В 1628 г. часть ясачного населения Тарского уезда восстала и ушла к ойратам и Кучумовичам. В 1634 г. число плательщиков ясака снизилось до 657 человек. Позднее ясачное население Тарского уезда росло медленно. Только к началу XVIII в. число плательщиков ясака было восстановлено до уровня 1594 г., составив в 1707 г. 910 человек.

На рубеже XVI-XVII веков на территории Тарского уезда начинается борьба между русскими и группами ойратов за власть над южными тюркскими группами, которые ранее входили в Сибирское царство. После военного разгрома русскими Кучума в 1598 г., контролировавшего часть этих территорий, русским пришлось столкнуться здесь с ойратами. В сентябре 1606 г. ойраты тайши Урлюка заняли часть ясачных волостей Тарского уезда, захватывая промысловые места, беря в плен ясачных людей.

В 1610 г. отряд из 200 ойратов совершил набег под Тару, разграбив по пути ряд ясачных волостей. В 1615 г. ясачные татары верхних волостей Тарского уезда сообщили, что они не могут платить ясак полностью: *«а как на них приходят наши изменники непослушники ойратские люди и воют их и детей в полон емлют»*. К этому времени ойраты захватили часть южных промыслов и зверовий. Служилые люди Тары писали в 1615 г., что к городу *«прилегли многие орды и царевичи, собрався с ойратскими людьми и с ногаи»* в 7-8-ми днях от города и нападают на город и волости. В 1618 г. на ясачные волости Тарского уезда совершил нападение царевич Ишим с ойратами, а осенью тайша Зенгул, что вызвало отправку 2-х военных экспедиций из Тары. В 1634 г. на город Тару было совершено два набега ойратов 12 сентября и 13 октября. События 1634 г. стали эпохой наиболее острой борьбы русских и ойратов за территорию Тарского уезда, после которой отношения приняли более спокойный характер.

Однако и позднее Кучумовичи и ойраты часто совершали набеги на уезд, из них наиболее крупным стал набег 1659 г. В 1658 г. в Москву была послана с Тары челобитная ясачных людей всех волостей, просивших у царя отправить служилых людей на Кучумовичей и ойратов за то, что они грабят, побивают и берут в плен их на зверовьях и промыслах, нападают на уезд и слободы. Однако ответа из Москвы на эту челобитную не поступило, после чего ясачные люди просили у воеводы присылки к ним служилых людей. Воевода отправил весной 1659 г. отряд служилых людей, который стоял на юге до осени, после чего ясачные люди просили не посылать к ним больше служилых людей, считая, что в это время кочевники не пойдут в набег. Кучумовичи и ойраты, собрав 1 000 воинов, воспользовались уходом русского отряда и в ноябре 1659 г. разорили 5 верхних волостей Тарского уезда, побив и захватив в плен около 700 ясачных людей и имущество. Затем кочевники отошли на верховья Иртыша, где располагались их кочевья, обещая скоро организовать новый набег на Тарский уезд и разорить его до конца. По данным ясачных людей, смелость кочевникам придавало знание того факта, что без царского указа местным воеводам запрещалось посылать служилых людей на кочевья Кучумовичей и ойратов.

Воевода Тары князь М.Н. Шаховской сообщал, что без организации поиска волостям Тарского уезда и других дальних сибирских городов слободам и волостям не устоять. При новом большом набеге нет сил, чтобы уберечь даже подгородные волости: *«люди будут большие и мне... вашего царева города волостей уберечь нечем, на Таре ваших государевых служилых людей конных и пеших мало, а город украинный»*.

Воевода отмечал, что в Таре имеются многочисленные родственники казаков и стрельцов, «дети, братья и племянники», которые составляли резерв военных сил гарнизона, но без государева указа с назначением жалования он не смеет их верстать. Воевода Тары просил у царя разрешения на зимний поход, обещая разгромить кочевников и отбить захваченных ясачных людей.

2 декабря 1659 г. воевода М.Н. Шаховской отправил крупный отряд из детей боярских, литвы, черкас, литовского списка и конных казаков и служилых татар найти кочевников и разгромить их. 16 декабря 1659 г. русский отряд, найдя и разгромив только группу в 50 ойратов, участвовавших в набеге, вернулся в Тару. В феврале 1660 г. царь Алексей Михайлович потребовал организации крупного поиска в поле силами 3-х городов: кроме гарнизона Тары, в нем должны были принять участие служилые люди – русские и татары Тюмени и Тобольска, прибывшие «на сход». Воевода Тары должен был отправить силы 3-х городов последней зимней дорогой по пластам промыслать над Кучумовичами и ойратами, а затем отправить к ним посланников, которым надо было узнать, в чем причина набеге. Если кочевники не признают себя виновными, то царь предполагал организовать новый, еще более грандиозный поход на улусы, в котором участвовали бы служилые люди всего востока Русского государства – городов Сибири, Казани, Астрахани, а также казаки Яика и Дона. В июне 1660 г. из 3-х русских украинских городов – Тары, Тюмени и Тобольска – были направлены крупные отряды для наказания ойратов. Позднее на Тарский уезд часто нападали отряды ойратов. В 1667 г. под Тару приходили из района Урала Кучумовичи и башкиры.

Тара обладала серьезными укреплениями и вооружением. По данным списка Тары 1696 г., отряд князя Андрея Елецкого в 1594 г. поставил город рубленый в 1 версте от р. Иртыш, над притоком этой реки. Позднее одна стена города над рекой обвалилась, и в 1607 г. воевода князь Сила Гагарин поставил эту стену силами служилых людей. Городовой список 1627 г. отмечал наличие на Таре 11 укрепленных башен, 6 в городских стенах, из них 2 на воротах и 5 в остроге. На башнях стояли 7 пищалей. Кроме того, в городе имелся рубленый круглый раскат о восьми углах, где стояла пищаль. Г.Ф. Миллер справедливо полагал, что город Тара чаще других сибирских городов подвергался нападениям, и потому «об его укреплениях больше всего заботились» (Миллер 1941: 77).

В 1673 г. воевода князь Федор Мещерский построил новую стену города с тремя башнями от реки. В 1683-1685 г. воевода Гаврила Елагин поставил три остальные стены города. В 1638 г. воевода князь Федор Барятинский поставил на Таре новый острог, но его стены к 1656 г. обвалились. В 1656 г. воевода Иван Чаадаев поставил новый острог. В 1673 г. воевода Федор Мещерский поставил на Таре острог без башен для скорости строительства. Однако и этот острог быстро развалился. В 1680 г. острог был перестроен служилыми людьми. В 1686 г. на Таре был построен новый острог без башен. По данным списка 1696 г., с одного конца город и острог Тары были прикрыты рекой, с поля был прорыт ров на 700 метров и поставлены двойные надолбы. Однако к 1696 г. эти надолбы обвалились, а новые служилые люди не ставили «за скудостью». В целом, укрепления Тары были значительны. В 1688 г. рубленый город с башнями лежал на расстоянии 345 метров, а острог на 1 300 метров. К 1688 г. на Таре имелось 5 церквей, 690 дворов русских людей, бухарцев, служилых татар и захребетных татар (РГАДА, Ф. 214, Кн. 925, Л. 141).

Экспедиция Андрея Елецкого получила для нового города 23 пищали. В Москве были даны пищаль в 4 гривенки ядро, к ней 200 ядер железных, пищаль девятипядные в 2 гривенки ядро, к ней 200 ядер железных, 10 пищалей затинных, к ним 2 000 ядер, 10 пищалей долгих, к ним 2 000 ядер. Также Андрей Елецкий должен был взять пищаль девятипядную и 200 ядер в городе Пелыме, у воеводы Петра Горчакова.

В 1626 г. в городе имелось 18 пищалей, пищаль полуторная, к ней 280 ядер железных, 2 пищали девятипядные, к ним 270 ядер железных, пищаль скорострельная железная, 10 затинных пищалей. К 1647 г. в городской казне города состояло 16 пищалей, из них 1 скорострельная железная и 10 затинных, а также 107 самопалов и пищалей ручных. К 1677 г. число пищалей возросло до 19 (5 медных, 3 железных, 1 скорострельная железная, 10 затинных), в то же время отмечалось, что ядер к затинным пищалям больше нет. К 1701 г. в городе было 17 пищалей, 5 пищалей медных, 2 пищали железных, 10 пищалей затинных.

По данным списка 1624 г., в городе находился храм во имя Успения Пресвятой Богородицы, колокольня, государева съезжая изба, казенный амбар для пушнины, казенный амбар для запасов, две государевы житницы для хлеба и двадцать житниц жалованных людей, воеводский двор и дворы стрельца, пушкаря и воротника. В остроге стояли церковь во имя святых Бориса и Глеба и церковь святого Николая, поставленные мирской силой. У церкви святого Николая находился женский

монастырь из 9 келий. Кроме того, в остроге имелся гостиный двор с лавками для приезжих торговцев и 223 дворов жителей Тары.

Большинство этих дворов принадлежало жалованным людям, 1 воеводский двор, 1 двор головы, 2 двора детей боярских, 2 двора чиновников, 2 двора атаманов, 42 двора конных казака литовского списка, 53 двора конных казаков, 51 двор пеших казаков, 43 двора стрельцов, 4 двора пушкарей, 5 дворов отставных стрельцов, 4 двора причта, 1 двор толмача, 1 двор кузнеца, 2 двора посадских людей, 2 двора крестьян, 1 двор гулящего человека. Кроме того, 73 служилых человека жили на подворьях. За острогом Тары на посаде имелось 46 дворов, из которых 38 дворов принадлежало служилым людям, 3 двора отставным служилым людям, 5 дворов крестьянам. Всего к 1624 г. в Тарском уезде имелось 10 крестьян ссыльных людей, которые работали 43 десятины государевой пашни. В списке отмечается, что своей пашни крестьяне не имели. Главную роль в организации пашни в Тарском уезде играли служилые люди.

Гарнизон Тары до 1635 г. по своей величине находился на втором месте среди городов Тобольского разряда после столицы Сибири Тобольска, а позднее, после усиления гарнизона Тюмени, отступил на третье место. Тара представлял собой военную крепость, город, где служилые люди составляли не просто большую часть населения, но долгое время были вообще единственной категорией русского населения в городе и уезде. Списки первой половины XVII в. специально отмечали, что в Таре нет посадских людей. (РГАДА, Ф. 214, Кн. 209, Л. 42).

Традиционно служилые люди Тары делились на две большие группы, в составе которых имелось по несколько корпораций. Как постоянно указывалось в наказах воеводам Тары, представители корпораций литвы, черкас и немцев и конных казаков служили основой русских сил в дальних походах, в мирное время из них воеводы составляли конные станицы, которые посылались по территории уезда узнавать вести о Кучумовичах, ногайх и ойратах – соперниках русской власти на юге Сибири. В городе и остроге, на караулах и на сторожах стояли пешие казаки и стрельцы. Таким образом, конные служилые люди представляли русскую власть на территории всего уезда и получали самые большие оклады жалованья из всего служилого мира Тары. В частности, к 1626 г. конные казаки литовского списка получали от 7 до 9 рублей на год, а пешие казаки и стрельцы от 4 до 5 рублей.

Помимо этого, первую четверть века воеводы посылали конных служилых людей Тары и на другие службы по территории уезда, на лыжную и струговую службу, а также в экспедиции на озеро Ямыш. В феврале 1621 г. конные служилые люди Тары обратились с челобитьем к царю Михаилу Федоровичу с просьбой снять с них часть служб. Служилые люди Тары писали, что «конная служба добре тяжела», в результате прихода в южную часть Тарского уезда ойратов, которые «прикочевали к Тарскому городу близко, и зверовья и добычи у наших ясачных татар отняли». В частности, они просили назначать на всякие посылки лыжные и речные, к озеру Ямыш пеших казаков и стрельцов. В марте 1621 г. от царя пришла грамота, приказывавшая воеводам устроить перебор служилых людей на Таре, конным казакам, желающим перейти в пешие, перейти в эту корпорацию, а на их место поверстать пеших казаков.

По материалам разрядных книг, к 1627 г. в Таре имелось 144 человека конной службы (72 литвы и литовского списка конных казаков и 72 человека конных казаков) и 200 человек пешей службы (100 стрельцов и 100 пеших казаков). В реальности, к 1629 г. на Таре служили под началом головы конных казаков 122 конных служилых людей, 59 человек литвы и немец, 63 конных казаков, 218 служилых людей, атаман и 108 пеших казаков, 99 стрельцов, 10 пушкарей. Кроме того, в районе города имелось мирное население, жили 25 крестьян и под городом 24 бухарца. В 1633 г. количество служилых людей составило 152 человека конницы (80 человек литвы, черкас, немцев и казаков литовского списка и 72 человек конных казаков) и 192 человека пеших казаков и стрельцов.

Большие изменения произошли в Тарском гарнизоне в 30-е гг. XVII в. В 1627 г. на Таре имелось всего 424 человека из русских служилых людей и служилых татар. К 1629 г. в гарнизоне осталось всего 342 человека, в результате ойратского натиска на юг Тарского уезда и вызванного этим тюркского движения. К 1633 г. гарнизон смог восстановить свою численность, количество служилых людей составило 429 человек.

По данным Черепановской летописи, 300 человек с женами и детьми были присланы в Тару из Вологды и Нижнего Новгорода для пополнения Тарского гарнизона. В 1635 г. царь приказал перевести в Сибирь «в Тобольск к прежним тобольским служилым людям в прибавку для оберегания от воинских людей и для всяких государевых сибирских прибылых служб» Холмогор 500 стрельцов, Вологды 200 стрельцов, Устюга Великого 50 стрельцов, Каргополя 20 стрельцов, Нижнего Новгорода 140 иноземцев. Первоначально предполагалось, что в Тобольск отправится 110 служилых людей: 50 стрельцов Устюга Великого, 20 стрельцов Каргополя, 40 иноземцев Нижнего Новгорода; на Тару: 200 стрельцов Вологды, 100 иноземцев Нижнего Новгорода; в Тюмень: приказ стрельцов в 500 человек с головою и сотниками. В Тару служилые люди отправились через Тобольск, где воевода Тобольского разряда провел смотр. На нем выяснилось, что фактическое количество служилых людей меньше, чем указано в царской грамоте. Так, иноземцев из Нижнего Новгорода было 2/3 от необходимой численности – 95 из 140 человек. Выяснилось, что воевода Нижнего Новгорода В. Шереметев отправил в Сибирь только 97 иноземцев, 1 из которых умер, а один черкас сбежал в Туринске. 37 иноземцев воевода оставил в городе, заявив, что они не указаны в росписи, присланной из Москвы, а 5 человек умерли в Нижнем Новгороде. В Тобольске хотели увеличить роту иноземцев, как это было принято в Сибири, поверстав их родственников, на что они сообщили, что подобного резерва у них нет, в Тобольск пришли «все головами своими сами».

Затем иноземцы обратились с челобитьем, заявив, что обнищали в результате срочного перехода зимой, и без выплаты жалования им не дойти от Тобольска до Тары. Воевода довел численность отряда до 100 человек верстанием родственников, выдал иноземцам по 2 с полтиной рубля, чети ржи, чети овса и в июне 1635 г. отправил всех на Тару. Жалование служилым людям было предписано давать по примеру тобольских иноземцев и стрельцов, первое время до постройки собственных домов воевода должен был разместить их в дворах служилых и жилацких людей Тобольска. Помимо жалования, в указе содержалось требование

наделить служилых людей землей по 2 десятины на человека, которая до особого распоряжения была освобождена от оброка. Служилые люди посылались в Сибирь в сопровождении семей на подводах «в Тобольск с великим поспешением».

В результате пополнения на 300 служилых людей, в 1635 г. в Таре имелось 19 начальных людей и 713 рядовых. В результате к 1638 г. Тарский гарнизон составил уже 734 человека. По списку 1647 г. в Таре было 728 служилых людей, в 1660 г. – 698, в 1672 г. – 760, в 1678 г. – 729, в 1685 г. – 730. В 1696 г. на Таре служили 786 служилых людей. К 1703 г. на Таре служили 2 головы, 50 детей боярских, 6 сотников, 329 конных казаков, 327 пеших казаков, 17 пушкарей, 64 служилых татар – всего 795 человек.

К 1632 г. в Таре имелось 442 человека жалованных людей, которые получали по окладам 2 440 рублей. В 1702 г. на Таре имелись 815 жалованных людей, служилых людей, оброчников и ружников, которые получали годовое жалование 4 871 рубль.

В 1704 г. на Таре имелось 10 ружников с окладом 34 рубля, 18 чет ржи, 11 чет овса, 19 пудов соли. Служилыми людьми командовали ротмистр литовский и голова тюркский, который имел оклад 12 рублей, 3 пуда соли. За хлебное жалование голова тюркский служил с пашни. 51 детей боярских с окладом 437 рублей, 109 чет ржи, 106 чет овса, 138 пудов соли. Из них 28 детей боярских служили за хлебное жалование 121 чет ржи, 113 чет овса с пашни. Начальные люди гарнизона, трое сотников и трое атаманов, имели оклад 56 рублей, 17 чет ржи, 14 чет овса, 18 пудов соли. Из них 3 служили с пашни за 16 чет ржи, 16 чет овса. 1 городничий и 6 чиновников служили с окладом 56 рублей, 35 чет ржи, 35 чет овса, 23 пуда соли.

328 литвы, черкас и конных казаков служили с окладом 2 407 рублей, 328 чет ржи, 222 чет овса, 654 пудов соли. Из них 241 человек служили за хлебное жалование 858 чет ржи, 587 чет овса с пашни; 327 пеших казаков служили с окладом 1 404 рублей, 535 чет ржи, 410 чет овса, 652 пуда соли. Из них 158 человек служили за хлебное жалование 472 чет ржи, 361 чет овса с пашни. 64 служилых татар с окладом 339 рублей, 75 пудов соли. 1 вож, 3 толмача служили с окладом 28 рублей, 6 чет ржи, 6 чет овса, 9 пудов соли. 2 толмача служат с пашни за 7 чет ржи, 5 чет овса. 10 пушкарей, 2 воротников, 4 сторожа, заплечный мастер с окладом 81 рубль, 44 чет ржи, 30 чет овса, 35 пудов соли. 4 пушкаря служили с пашни за 15 чет ржи, 10 чет овса. 12 человек получали 6 чет ржи, 24 пуда соли. Всего на Таре получали жалование 815 человек с окладом 4 865 рублей, 1 105 чет ржи, 842 чет овса, 1 672 пудов соли. Из них 438 человек служили за хлебное жалование 1 106 чет ржи, 1 106 чет овса с пашни.

В списке Тары 1696 г. в конце списка служилых людей отмечаются 609 человек, их родственников детей, братьев и племянников, не зачисленных в службу. Эти люди составляли военный резерв администрации Тары. После 1635 г. гарнизон увеличился за счет служилых иноземцев и стрельцов – двух наиболее профессиональных групп военных людей. Список 1638 г. отмечает наличие 324 людей конной службы (182 чел. литвы, черкас, немец и казаков литовского списка, 142 чел. конных казака) и 333 человек пешей службы (100 пеших казаков и 233 стрельцов). К 1649 г. стрельцы насчитывали 225 человек, а пешие казаки 98 человек. Такие колебания объяснялись

обычно командировками на Восток. Список 1677 г. отметил, что 30 человек пеших казаков и 22 стрельца были посланы из Тары в 1655 г. в Даурию.

Несмотря на увеличение гарнизона Тары, его сил было недостаточно для защиты уезда и даже самого города при нападении крупных сил кочевников. В 1660 г., когда резко обострились отношения с ойратами, воевода Тары князь Михаил Шаховской писал в Тобольск, что в случае крупного набега ойратов «большими людьми» в 3-4 тысячи человек «мне города и волости уберечь некем, на Таре служилых людей мало, разосланы служилые люди многие по государевым службам в острожки на бережение конные и пешие, и в осаде мне от воинских людей сидеть будет не с кем».

Большие изменения происходят в служилом мире Тары в 60-е гг. XVII в., в период строительства полкового «нового строя». В Таре на новую службу было прибрано 170 человек, 110 человек из родственников людей конной службы зачислили в рейтары, 60 человек детей пеших казаков и стрельцов в солдаты. Один из детей боярских города Тары стал поручиком в полку рейтар. После расформирования полков часть солдат вернулась на Тару – всего 44, а отряд рейтар служил в городе до 1676 г. В списке 1696 г. отмечалось, что отставным рейтарам Тары было велено служить государеву конную службу.

В 60-е гг. XVII в. в два раза увеличилась группа детей боярских, с 18 чел. по списку 1660 г. до 38 чел. по списку 1672 года. В 1668-1670 гг. из Москвы на Тару на житье прислали несколько партий шляхты поляков и литовцев, Петр Соколовский, Михаил Вишневецкий, Дмитрий Вишневецкий и другие, которых зачислили в дети боярские города. Всего на Тару было послано 18 человек, но семь из них остались на службе в Казани, а один сын боярский Василий Ромашевский бежал с Тары. Новым служилым людям назначили оклады от 7 до 12 рублей денег и хлебного жалования. В 1696 г. на Таре служили 49 детей боярских.

Таким образом, после серьезного укрепления гарнизона, которое правительство проводило на протяжении XVII в. гарнизон Тары увеличился в 2 раза. После 1635 г. количество служилых людей на Таре изменялось незначительно. Наиболее крупным изменением во второй половине XVII в. стали события, связанные с формированием полков «нового строя» и их роспуском, в котором приняли участие тарские служилые люди и их родственники.

ЛИТЕРАТУРА

Боярские списки 1679 - Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979.

История родов русского дворянства 1991 - История родов русского дворянства. М., 1991.

Миллер 1937 - Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.

Миллер 1941 - Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2.

Разрядная книга 1948 - Разрядная книга 1465-1605 гг. М., 1984. Т. 3. Ч. 1.

Разрядная книга 1989 - Разрядная книга 1465-1605 гг. М., 1989. Т. 3. Ч. 3.

Редкие источники по истории Руси 1977 - Редкие источники по истории Руси. М., 1977.

REFERENCES

Bojarskie spiski 1979 - Bojarskie spiski poslednej chetverti XVI – nachala XVII v. i rospis' russkogo vojska 1604 g. [Seigniorial lists of the last quarter of XVI – the beginnings of the XVII century and a list of the Russian army of 1604], Moscow, 1979 [in Russian].

Istorija rodov russkogo dvorjanstva 1991 - Istorija rodov russkogo dvorjanstva [History of childbirth of the Russian nobility], Moscow, 1991 [in Russian].

Miller 1937 - *Miller G.F.* Istorija Sibiri [History of Siberia], Moscow; Leningrad, 1937, T. 1 [in Russian].

Miller 1941 - *Miller G.F.* Istorija Sibiri [History of Siberia], Moscow; Leningrad, 1941, T. 2 [in Russian].

Razrjadnaja kniga 1948 - Razrjadnaja kniga 1465-1605 gg. [Digit book of 1465-1605], Moscow, 1984, T. 3, Ch. 1 [in Russian].

Razrjadnaja kniga 1989 - Razrjadnaja kniga 1465-1605 gg. [Digit book of 1465-1605], Moscow, 1989, T. 3, Ch. 3 [in Russian].

Redkie istochniki po istorii Rusi 1977 - Redkie istochniki po istorii Rusi [Rare sources on stories of Russia], Moscow, 1977 [in Russian].

Пузанов Владимир Дмитриевич – Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета.

Puzanov Vladimir – Doctor of historical sciences, Professor at the Department of national history and document science of Kurgan state university.

Email: oid@kgsu.ru

УДК 94(363.2)

LEX ANGLIORUM. К ВОПРОСУ О ПЕРВОЙ АНГЛИЙСКОЙ МАРКЕ ФРАНКСКОЙ ИМПЕРИИ

А. Пауль

Российско-немецкий исторический семинар (Любек, Германия)

e-mail: mail@histformat.com

SPIN-код: 7859-7721

Авторское резюме

В статье рассматривается вопрос об этнической интерпретации «англов» в названии раннесредневекового франкского законодательного свода *Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum*. Автор указывает на недостатки принимавшихся ранее версий и делает попытку проанализировать причины появления этого документа. На основании исторического фона предлагается новая интерпретация, связывающая «англов» с населением ютландской Англии.

Ключевые слова: Франкская империя, Тюрингия, Ютландия, англ, ободриты, законы, *Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum*.

LEX ANGLIORUM. TO THE QUESTION OF THE FIRST ENGLISH MARK OF THE FRANKISH EMPIRE

Andreas Paul

Abstract

The article considers the question of ethnic interpretation of the «Angles» in the title of the early medieval Frankish law code *Lex Angliorum et Werinorum hoc est Thuringorum* («Law of the Angles and Warini, that is, of the Thuringians»). The author points to the shortcomings of earlier versions and attempts to analyze reasons for the emergence of this law-book. He proposes a new interpretation based on the historical background which relates the «Angles» to the people of Jutlandic England.

Keywords: Frankish Empire, Thuringia, Jutland, Angles, Obodrits, law code, *Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum*.

* * *

I. *Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum*.

«Тюрингская гипотеза»

Среди многочисленных сводов законов для племён и народов, подчинённых франками и включённых ими к началу IX века во Франкскую империю, один документ сильно выделяется своим названием и, несмотря на предпринимавшиеся в течение двух прошлых столетий многочисленные попытки интерпретации, до сих пор оставляет немало открытых вопросов.

Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum известен в настоящий момент лишь в печатном издании Иоганна Херольда конца XV века¹. Сама рукопись, по которой производилась печать, в наше время не сохранилась. Однако сомнений в аутентичности источник не вызывает, так как текст можно проверить по *Lex Thuringorum*, сохранившийся в единственной рукописи Корвейского кодекса и датированный первой половиной X века. По вопросу изучения этого документа существует достаточно обширная немецкоязычная историография с детальным разбором как особенностей самих законов, так и времени и причин их принятия². Общепринятым до настоящего времени является датировка принятия *Lex Thuringorum* вместе с другими «племенными законами» Каролингами на Аахенском сейме 802/803 гг.

Сложность исторической интерпретации в данном случае заключается в том, что все прочие «племенные законы» Франкской империи, как принятые в 802/803 гг. (*Lex Thuringorum, Lex Saxonum, Lex Frisionum, Lex Francorum Camavorum*), так и более ранние (*Lex Salica, Lex Ribuaria, Baiuvariorum*) предназначались для вполне германских племён, входивших во Франкскую империю по мере её расширения (салические, рипуарские и хамавские франки, бавары, тюринги, фризы и саксы), о которых повествует множество современных событиям франкских источников, в названии же *Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum* фигурируют племена англов и варинов, о нахождении которых в подчинении франков напрямую не сообщает ни один источник.

Другим отличием *Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum* от прочих племенных сборников законов Франкской империи является указание в названии сразу трёх, а не одного племени. Дополнительной сложностью при этом является наличие и просто *Lex Thuringorum*, без упоминания англов и варинов. Причём – в более раннем списке.

Чтобы устранить эти противоречия, в немецкой историографии вопроса на протяжении более столетия предлагалась «тюрингская гипотеза», согласно которой название документа предлагалось трактовать как указание на проживание племён англов и варинов в землях тюрингов.

За отсутствием каких-либо упоминаний племён англов и варинов на территории Тюрингии как в IX веке, так и ранее, в письменных источниках, в качестве аргументов «тюрингской гипотезы» до сих пор приводилась исключительно топонимика: название области Engilin (также Englide/Engeli/Engli/Engleheim) в Тюрингии и упоминавшийся в Анналах Мюассака под 805 годом топоним Werinofelde (в другом написании Hwerenofelde). Однако при ближайшем рассмотрении такая конструкция кажется далеко не бесспорной, если и вообще достаточно обоснованной.

¹ Текст источника доступен по изданиям Карла фон Рихтхофена (*Lex Angliorum et Werinorum*: 119-144), Клаудиуса фон Шверина (*Leges Saxonum*: 57-66) и Карла Экехарда (*Die Gesetze des Karolingerreiches*: 36-58).

² Так как сами по себе тюрингские законы не относятся прямо к рассматриваемому в статье вопросу, далее мы ограничимся лишь кратким обзором общепринятых в наше время положений. Более детальную информацию см.: Lingelbach 2001 или новую работу на эту тему: Grahn-Hoek 2009: 415-456 с дальнейшими ссылками и указанием историографии.

Это озвученное К. ф. Рихтхоффеном уже в XIX веке предположение в дальнейшем принималось как данность исследователями как самих *Lex Thuringorum*, так и смежных вопросов, таких как история племени варинов в Германии (Springer 2006: 274-281), англы и варины в произведении Тацита (Musch 1967: 446) или возможность существования племени варинов на территории Германии в славянские времена (Herrmann 1985: 10).

Такое положение вещей, при котором исследователи, не особенно утруждая себя обоснованием, лишь ссылались на предположение как на доказанный факт, привело к тому, что «тюрингская гипотеза» так и осталась совершенно не проработанной. В то время как об истории самой Франкской империи за это время было установлено и уточнено множество новых и неизвестных до этого деталей, никаких новых (с XIX века) аргументов сторонникам «тюрингской гипотезы» найти так и не удалось. Вопрос, по сути, остался совершенно неизученным. Вместе с тем и трактовка самих топонимов выглядит достаточно спорной и привлечённой единственно из-за отсутствия более подходящих объяснений.

Анналы Муассака сообщают о походе сына Карла Великого на богемцев в 805 году (*Chronicon Moissiacense*: 805). Путь войска из Саксонии в Богемию проходил через области *Hwerenofelda* и *Demelcion*. Последняя должна была быть известной позднее областью далеминцев, одного из сербских племён. Месторасположение её можно определить на основании более поздних источников. Титмар Мерзебургский сообщал, что славянским названием далеминцев было *глomачи*, а название это, как и всей области, в свою очередь, происходило от названия родника *Ломмач*: *«Ломмач – это источник, расположенный не далее, чем в 2-х милях от Эльбы, который, образуя собой стоячее озеро... И вся та область, протянувшаяся от Эльбы вплоть до реки Хемниц, берёт своё название от этого источника»* (Титмар: I, 3).

После описанного Титмаром и произошедшего в начале – первой трети X века завоевания области далеминцев Генрихом Птицеловом, для охраны рубежей была основана крепость Майссен. Таким образом, историческая область далеминцев должна была находиться в среднем течении Эльбы, к северо-западу от Дрездена, там, где и сейчас ещё находятся Майссен и Ломмач. Исходя из этого, область *Hwerinofelde* также должна была находиться где-то в этих местах, в среднем течении Эльбы, в населённых сербскими племенами славянских землях между Саксонией, Тюрингией и Богемией. Эйнхард и Франкские анналы указывают на прохождение «политической» восточной границы Тюрингии с сербами в интересующем нас в IX веке по реке Заале, а Саксонии со славянами – по реке Эльбе. «Этническая» же граница со славянами указана для начала IX века в Диденхоффском капитулярии (804 г.) намного южнее и западнее, так что среди приграничных со славянами и торгующих с ними городов числится, в том числе, и Эрфурт. Единичные славянские поселения, находки или сообщения о славянах известны и в более западных областях вплоть до Фульды и Рейна, однако, массовое расселение славян в Восточной Тюрингии на запад до Эрфурта подтверждается также археологией и топонимикой.

На протяжении всего средневековья восточная половина Тюрингии была населена славянами. Центральная её часть, междуречье Унштрута и Заале была череполосно населена славянами и немцами уже в VIII-IX вв., а восточная, между

реками Герой и Заале – полностью славянами (Dušek 1983: 18-32). К востоку от рек Заале и Эльба начинались уже неподконтрольные, в отличие от населённых славянами восточных областей Тюрингии и Саксонии, Франкской империи независимые славянские земли. Так и сами Анналы Муассака говорят о славянском правителе Земеле, противостоявшем саксам в их походе в Богемию через области Hwerinofelda и Demelcion. Потому учитывая, что во время первого упоминания топонима Hwerinofelde эти земли уже должны были быть полностью славянскими, использование его в качестве аргумента о находившейся здесь прародине «германских» варингов или место их нахождения в VI веке кажутся неубедительными. Топоним действительно обнаруживает германское словообразование, но его позднее упоминание во время уже достоверного проживания там славян указывает лишь на то, что одну из населённых славянами областей германские соседи называли «Гверена».

Илл. 1. Локализация Demelcion и Hwerenofelde по письменным источникам

Впрочем, и саму этимологию находившейся восточнее Магдебурга области Гверинофельде никак нельзя назвать простой и ясной. Этот топоним известен исключительно из описаний походов франков на лужицких сербов 805-806 гг. Кроме вариантов записи Werinefelde/Hwerenaveldo/Guechaveldo привлекает внимание и форма Regio Genewara/Genevara/Genewana – некое славянское королевство Геневаара, расположенное к востоку от Магдебурга, из которого, согласно Анналам Муассака, оно и было опустошено в 805 году, в упоминании которого можно предположить название всё той же местности, лишь с переставленными – видимо, в результате путаницы – местами слогами (*H-were-na=>Ge-ne-wara*).

Название этой загадочной области упоминается в Анналах Муассака в общей сложности три раза: дважды в 805 году (Hwerenofelda et Demelcion/Werinefelde et Dervillion и Regio Genewara/Genevara/Genewana) и единожды в 806 (Hwerenaveldo/Guechaveldo). Таким образом, из 7 различных форм в различных списках форма

Werinefelde известна лишь для одного упоминания в одном списке, а в остальных случаях преобладает написание с изначальным звуком H/G или даже Gene-. При этом сравнение пар *Hwerenofelda et Demelcion* / *Werinefelde et Dervillion* показывает, что первая пара куда лучше передаёт фонетику топонима Далеминцы, чем вторая, в которой она оказалась искажена до неузнаваемости. Поэтому есть все основания предполагать и лучшую передачу фонетики в форме *Hwerenofelde*, вывести из которой «поле варинов» уже куда сложнее, не говоря уже о форме *Genewara*. Собственно, из единичных упоминаний в 805/806 гг. невозможно даже установить, какая из форм – H[Ge]-were-na или Ge-ne-wara – была опiskeй. В случае, если более близкой к оригиналу была последняя форма с -ne/na- в середине, связывать её с варинами и вовсе нет никаких оснований.

Учитывая, что описание относилось к населённой славянами области, а всё известное о ней представлено тремя беглыми упоминаниями в одном источнике под 805-806 гг., едва ли возможно сейчас быть уверенными, что речь не шла о фонетическом искажении какого-то славянского топонима. Причём, если изначальное происхождение топонима было ещё дославянского происхождения (из так называемого слоя древнеевропейской топонимики), то передача и искажение в этом случае могло быть уже и двойным (германское искажение славянской передачи древнеевропейского топонима). В этом плане можно обратить внимание и на известность *Анналам Муассака* других подобных топонимических реликтов – под тем же 805 годом среди славянских областей неподалёку от *Геневары* упоминается местность *Fergunna*, бывшая дославянским и донемецким древним названием *Рудных гор*.

Впрочем, любые рассуждения на этот счёт можно назвать спекуляцией – недостаточность информации просто не позволяет сделать в этом случае сколько-нибудь надёжных выводов. Куда важнее обратить внимание на то, что, в отличие от области *Далеминцы*, не сообщается о населении *Hwerenofelde* каким-то особенным племенем. В 805 году речь идёт о славянах, а в 806-ом – о сербах, но вовсе не о варилах. В случае с *Hwerenofelde/Genewara* речь шла исключительно о топониме, а не о народе. Неизвестность этого топонима в других многочисленных и подробных источниках, описывающих славянские земли к востоку *Эльбы* и *Заале* впоследствии, при этом, скорее, указывает, что слово это было либо действительно дославянским реликтом, вскоре сменившимся на собственно славянское название, как это произошло и с топонимом *Fergunna*, либо вовсе могло быть связано с какими-то совсем иными вещами, вроде названия города или даже имени правителя (речь должна была идти о каком-то мелком локальном «княжестве» в составе племени *лужицких сербов*) и потому быть забытым после прекращения существования этого самого *Regio*.

Исследователи пытались устранить указанные выше противоречия по-разному: от признания термина «*тюринги*» как обобщённого названия для группы германских племён на территории бывшего королевства *Тюрингии* до признания упоминания *англов* и *варинов* в названии документа лишь как не связанного с реальностью учёного конструктора *фульдского эрудита-книжника*. Последнее предположение не было доказано или как-либо подтверждено источниками,

поэтому не может быть принято, как вероятное. Первое же предположение, хотя и вполне укладывается в исторический контекст, несёт в себе ещё большие противоречия.

«Теоретически» миграция варнов с юга Балтики в Тюрингию не выглядит фантастичной на фоне сообщений Прокопия Кесарийского (Прокопий: IV, 20) о миграции варнов в VI веке к устью Рейна, или сообщении Адама Бременского о передаче восточной Тюрингии после её завоевания саксами и франками неким колонистам. Но даже проигнорировав отсутствие прямых сообщений о переселении варнов конкретно в Тюрингию, ещё сложнее будет объяснить само нахождение местности Hwerinofelde вообще вне пределов не только массового расселения германоязычных народов начала IX века, но и даже исторической области Тюрингия до реки Заале на востоке. Местность эта находилась в славянских землях. Известно, что во время упоминаний в 805 году она управлялась сербским князем Земелей, а в 806-ом – сербским князем Милидухом. Поэтому привлечение её в качестве доказательства присутствия германского племени варинов, как одного из тюрингских изначально или переселившихся к тюрингам позже племён, вызывает лишь недоумение.

Х. Гресслер на основании этого принимал, что *«эта сербская марка (местность Hwerinofelde – А.П.) в более древнее время должна была быть местом обитания тюрингских веринов и от них получить своё наименование»* (Größler 1883: 417). Однако, как и в случае с «фульдским эрудитом» без приведения каких-либо доказательств в пользу предположения, рассматривать его не представляется возможным. То же относится и к попыткам увидеть указание на варинов в Тюрингии в сообщении Фредегара о почти полном уничтожении франками народа варинов в 595 году (в источнике не имеется каких-либо указаний на локализацию этих варинов, в то время как колония варинов, граничащая с франками по Рейну известна из Прокопия Кесарийского).

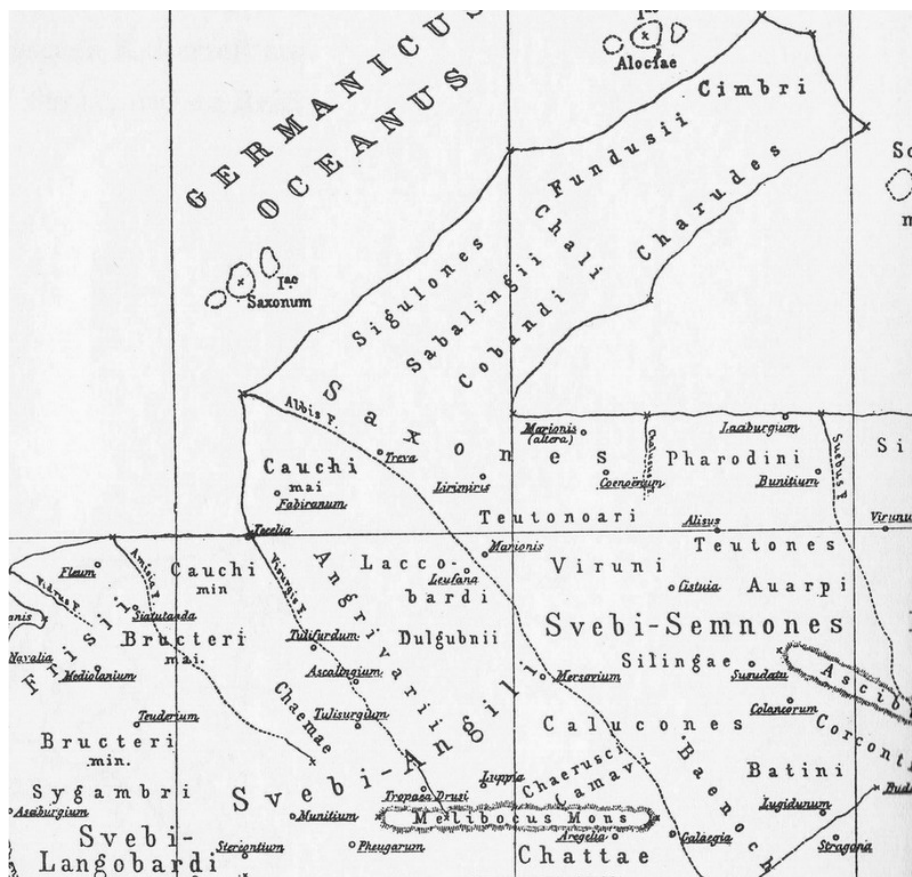
Сама гипотеза о жившем в Германии ещё в IX вв. племени варинов и вдруг неожиданно «исчезнувшем» сразу после установления для них законов в IX веке, кажется достаточно искусственной. Для чего франкам могло потребоваться создавать свод законов для такого малочисленного и незначительного племени, представители которого должны были находиться на грани исчезновения и более никогда не упоминавшиеся в Тюрингии? Сами по себе переселения и какие-то колонии англов и варинов в центральную Германию вполне представимы, но создание юридического документа, свода законов, должно было подразумевать наличие значительных групп населения, сохранявших свою идентичность, самосознание, имевших собственную знать и бывших заметными политическими силами. Чего ни в случае области Engilin, ни, тем более, единожды упоминаемого Werinofelde, никак не наблюдается.

Хорошая изученность племенных лексов Франкской империи показывает, что создавались такие законодательные нормы для вполне реальных и значимых этнополитических сил, с целью удержания и интеграции их во франкское государство, а вовсе не для каких-то абстрактных и незначительных жителей мелких областей. Издание законодательств во Франкской империи проводилось отнюдь не из «этнографического» интереса, чтобы запечатлеть обычаи или традиции каких-то

групп людей, а представляло собой сугубо практическую вещь. Проще говоря, это указывало на то, что франкские правители видели необходимость считаться с правами и интересами каких-то конкретных групп своих подчинённых.

Но даже если принять не подтверждаемое источниками *предположение*, что *гипотетически* жители Engilin и Werinofelde могли именоваться англами и веринами, никакой достаточной доли независимости самоуправления и наличия собственных социальных структур, знати – тех факторов, наличие которых является необходимым условием для внесения в них изменений или юридического закрепления на уровне законодательства – для англов и веринов в Тюрингии мы не находим. Ничего даже отдалённо сравнимого с положением самих франков, баваров, тюрингов, фризов или саксов. Как и было отмечено, главная проблема в этом случае заключается в том, что на проживание именно *племён* англов и веринов в Тюрингии ни в раннем средневековье, ни в эпоху Великого переселения народов, прямо не указывает ни один источник.

Единственным возможным упоминанием англов в средней Германии является сообщение Птолемея ещё II века н.э., поместившего англов-свебов к югу от лангобардов, живших на Эльбе. Причём это единственное упоминание расходится с другими, более информированными и независимыми друг от друга сообщениями источников. Примечательно, что это далеко не единственная неточность Птолемея в описании интересующего нас региона.

Илл. 2. Германия по Птолемею (по: Much 1967)

Более ранние римские источники представляют иную картину расселения германских племён. В первой половине I века н.э. Плиний Старший помещал племя тевтонов в Ютландии, то есть севернее исторической Саксонии. Также и Тацит во второй половине I века н.э. помещал англов в южной Ютландии, а тевтонов – севернее них, между англами и ютами (Huitoni). Птолемей веком спустя также поместил тевтонов севернее англов, но вся картина у него оказывается сдвинута на юг, так, что вместо северной Ютландии тевтоны оказываются уже на южном побережье Балтики, примерно в современной германской федеративной земле Мекленбург. Сами же англы при этом вполне логично оказались ещё южнее – где-то в районе современной федеративной земли Нижняя Саксония.

В качестве другого аргумента в пользу ошибочного «сдвига» целого ряда племён из Ютландии в северную и среднюю Германию Птолемеем можно привести основанную на эпосе эпохи ВПН англо-саксонскую поэму Видсид, повествующую, что¹:

*Offa weold Ongle, Alewih Denum;
se wæs þara manna modgast ealra,
no hwæpre he ofer Offan eorlscype fremede,
ac Offa geslog ærest monna,
cnihtwesende, cynerica mæst.
Nænig efeneald him eorlscipe maran
on orette. Ane sweorde
merce gemærde wið Myrgingum
bi Fifeldore; heoldon forð sibban
Engle ond Swæfe, swa hit Offa geslog.*

*Оффа правил англами, Алевих данами;
он был самым храбрым из всех мужей
не мог сравниться мужеством он лишь с Оффой
ибо Оффа первым из мужей завоевал себе
уже в юности королевство.
Таким мужеством никто в его годы в бою
ещё не отличался. Одним лишь мечём
утвердил он границу с мюргингами
на Ейдоре. Держат её и поныне
англы и свефы, как повелел Оффа.*

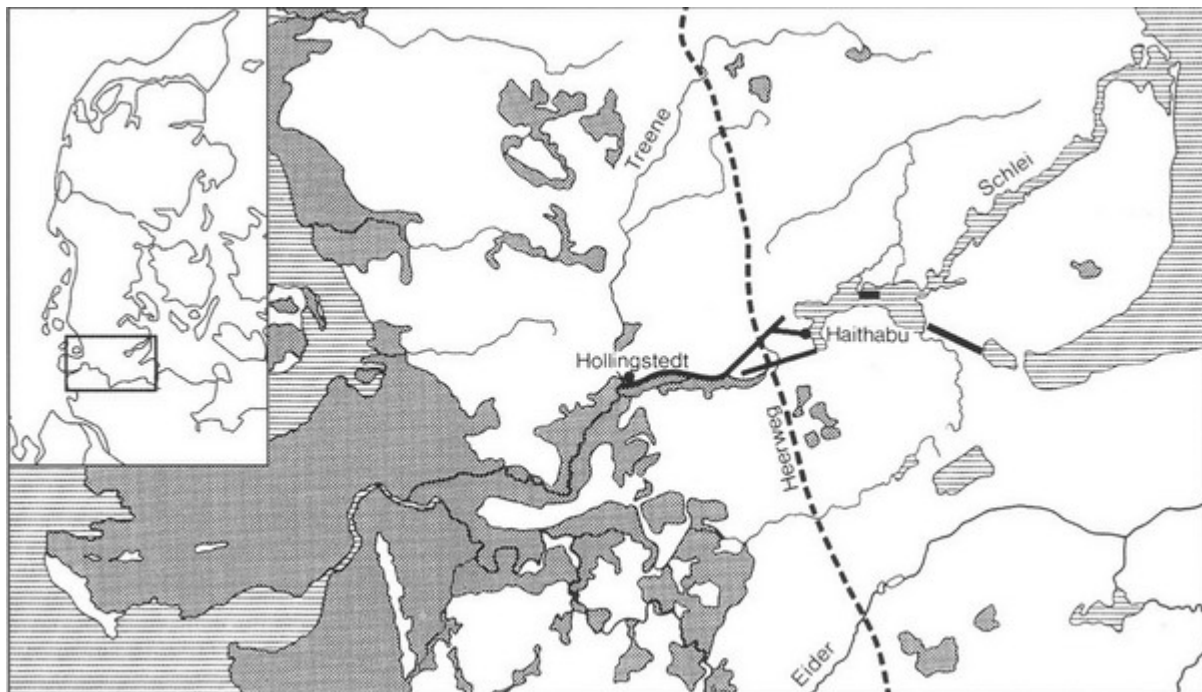
Таким образом, древнеанглийский эпос запечатлел совместное проживание англов и свефов в южной Ютландии, на границе с рекой Эйдор – там же, где описывают англов и все другие, за исключением Птолемея, источники. Но кроме ошибочной локализации этому противоречию предлагалось и другое объяснение. Исследователями давно обращено внимание на противоречие Птолемея другим источникам, с одной стороны, и на неизвестность ему писавшего в I веке Тацита – с другой. Поэтому не без оснований предполагается, что локализация германских племён Птолемея могла основываться на каких-то ещё более ранних, чем времена Тацита, источниках. В таком случае, «неточности» могли бы оказаться реальным расселением племён до н.э., а сравнение их с Тацитом – показывать миграции. Впрочем, подтвердить такое предположение также не представляется возможным.

Следуя же общепринятой методологии, информацию, подтверждаемую целой группой независимых источников и археологией, стоит рассматривать, безусловно, в более приоритетном порядке, чем единственное и противоречащее всем прочим сообщение Птолемея. Тем более что и связь топонима Englida с англами в центральной Германии также не является однозначной.

¹ Widsith: 35-44. Перевод на русский язык осуществлён автором с немецкого перевода по: Offa: 58. Древнеанглийский текст приводится по тому же изданию.

Предполагается, что наименование племени англов происходит от топонима Angel – названия населёемой ими области в южной Ютландии. В свою очередь, происхождение самого топонима Angel объясняется происходящем из индо-европейского корня др.-герм. **angwa* – «узко». Производными от этого же корня в германских языках, согласно В. Лауру, являются нем. *Anger* и датс. *Eng* – «поляна» семантически связанные с понятием «спиральности, закрученности», а также норвежские топонимы на *-anger*, характерные для названий фьордов. Родственными им являются лат. *apicis* – «закрученное», гр. ἄγχος – «долина, ущелье». Название области в таком случае должно было происходить от описания географических особенностей местности – узкого, извилистого залива Шлей в южной Ютландии (Laur 1992: 356).

Залив Шлей с древности и до средневековья действительно должен был играть очень важную роль в жизни ютландских англов. Согласно данным лингвистики и археологии, часть английского населения должна была остаться здесь даже после ухода большей части англов на Британские острова. Причиной этому, по всей видимости, стало выгодное для торговли географическое положение, представлявшее из себя кратчайший путь из Северного в Балтийское море, не огибая при этом Ютландский полуостров. Путь этот из Северного моря должен был проходить сначала по реке Эйдер и далее, по одному из её притоков – реке Треене – на северо-восток, к региону современного города Холлингштедт. Отсюда, минуя небольшой сухопутный участок протяжённостью около 10 км, можно было попасть к заливу Шлей, а по нему уже – в Балтийское море.

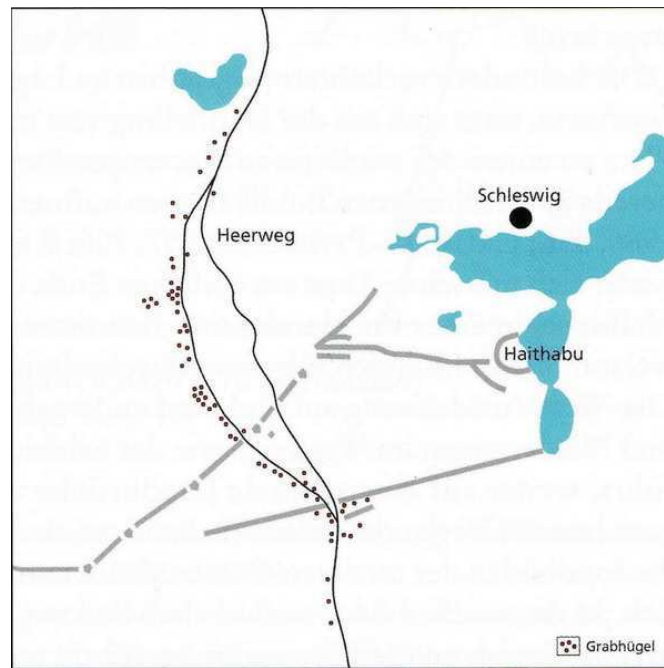
Илл. 3. Расположение Хаитабу/Шлезвига на перекрёстке двух главных торговых путей – из Северного моря в Балтийское и от Эльбы к северу Ютландии. Толстыми черными линиями показаны оборонительные сооружения Даневерк (по: Kalnring 2010)

Расположение столицы англов Хаитабу/Шлезвига именно в этом месте, безусловно, не было случайным. Преодолевших небольшой сухопутный участок, прибывших из Северного моря купцов здесь встречал торговый центр с подходящей инфраструктурой. Именно через этот сухопутный участок проходил сухопутный путь Heerweg/Ochsenweg (герм: «Военный путь/Бычий путь»), ведущий от устья Эльбы (примерно из района современного Гамбурга) до северной оконечности Ютландии.

Илл. 4. Маршрут сухопутного пути Хеервег/Охсенвег (по: Kalming 2010)

Сложение этого маршрута должно было прийтись на глубокую древность – концентрация курганов бронзового века в районе ютландской Англии и её столицы Хаитабу указывает на использование его ещё задолго до нашей эры.

Илл. 5. Концентрация курганов эпохи бронзы на прилегающем к заливу Шлей участке пути Хеервег
(по: Kalmring 2010)

Не кажется случайным и то, что после исхода основной части племени англов из Ютландии в V веке, часть англов, населявшая залив Шлей и, в особенности – сухопутный участок, на котором пересекались Хеервег и торговый маршрут из Северного в Балтийское море – осталась на своих местах, очевидно, не решившись променять столь стратегически важное и экономически выгодное расположение на новые неведомые земли. Также и в раннем средневековье наибольшая концентрация населения продолжала оставаться в Ютландской Англии именно на этом участке¹.

Именно здесь, на пересечении двух главных торговых путей пересекались купцы и товары из всех соседних с Англией областей – по Рейну и Северному морю через реки Эйдер и Треене с запада, из Франкии и Фризии; по сухопутному пути Хеервег/Охсенвег с севера из Ютландии и с юга из Саксонии; и с запада, по заливу Шлей – из славянских южнобалтийских земель – предлагая каждый свои товары. Самим купцам здесь предоставлялась необходимая инфраструктура. К примеру, Адам Бременский описывает, что прибывавшие в Шлезвиг саксонские купцы из Гамбурга (по Хеервегу) имели возможность нанять здесь корабль и отправиться с товаром в славянские земли к крупным торговым городам Деммин и Юмна, и далее – в Земландию и на Русь (Адам: II 21 (18)).

Едва ли можно переоценить значение торговли и стратегически выгодного расположения на перекрёстке основных путей для населения ютландской Англии. Создание и обслуживание инфраструктуры на юго-западе залива Шлей составляло основную часть их благосостояния, подобно роли моря для этнических групп, живущих рыбалкой, или горных лугов – для пастушеских общностей. Происходившее от географических особенностей залива Шлей наименование англов,

¹ Ср.: Пауль 2015, карты 5 и 6.

в таком случае, можно было бы сравнить с именем славянского племени поморян, основную часть экономики которого составляла морская торговля и рыбалка, а наименование племени происходило от особенностей географического положения.

Исходя из такой этимологии, вполне объяснимо появление подобных германских топонимов, отражавших схожие географические особенности местности, в разных частях германского мира и совершенно независимо друг от друга. К примеру, норвежский топоним Öngul, происходящий от названия узкого залива (Laur 1992: 356) и являющийся, таким образом, полным аналогом ютландской Англии, особенно наглядно показывает независимое происхождение «английских» топонимов. Потому поиски в таких топонимах «следов миграций племени англов» по различным частям германского мира (к примеру – Тюрингии), при отсутствии упоминания в этом же месте, кроме топонима, ещё и аналогичного этнонима, выглядят настолько же необоснованными, как и гипотетические поиски «миграций племени поморян» в огромном количестве разбросанных по славянскому миру топонимов с основой «море» или «помор».

Очевидно, что связь в обоих случаях обратная: схожие по звучанию топонимы возникали из родственных диалектов местного населения независимо. Гипотетически также независимо от всех этих топонимов могли происходить и схожие названия местных жителей – хорошим примером в этом случае опять станут не связанные друг с другом поморяне на юге Балтики и поморы на Белом море. Но для того, чтобы стать настоящим этнонимом, названием исторического народа, сначала требовалось сложение на территории с таким названием большой и сильной общности, обладавшей собственным самосознанием и игравшей заметную роль в жизни других соседних племён, народов и государств. Из всех «английских» германских областей такое историческое развитие известно только для ютландской Англии в I-X/XI вв. (не считая её британской колонии), но никак не для тюрингской Englde или норвежской Öngul. Потому и в упоминаниях англов в IX веке на континенте без указания точной локализации кажется разумнее всего подозревать именно ютландских англов. Решающее значение в этом случае имеет исторический фон.

II. Исторический фон времён появления Lex Angliorum: политика Карла Великого в отношении вошедших в империю и соседних с ней «варварских народов».

Историками давно замечена активизация франкской политики в начале IX века, в особенности после становления Карла Великого императором и до его смерти, в отношении соседних с империей и недавно вошедших в неё «варварских народов». На протяжении VI-VIII вв. франкам путём постоянных усилий удалось завоевать и включить, частично уничтожив местное население, а частично – заставив его подчиниться, в свою империю целый ряд континентально-германских племён. В VI веке при помощи саксов были подчинены тюринги. Их земли частично были разделены между союзниками (франками и саксами), а частично отданы под заселение неким новым колонистам (Адам: I 4-5), очевидно – славянам, заселение

которыми восточной Тюрингии с VII века хорошо фиксируется письменными источниками, лингвистикой и археологией (Пауль 2014а). Затем пришла очередь и самих саксов, подчинение которых, однако, сильно затянулось и продлилось большую часть VIII века. В этих саксонских войнах франки полагались уже на новых союзников – славян-ободритов, живших к северо-востоку от саксов. Как и тюрингская война, война с саксами отличалась большой жестокостью, депортациями и частичным геноцидом населения исторической Саксонии. В результате, в конце VIII века франкам удалось подчинить большинство саксонских племён вплоть до реки Эльбы на севере и востоке.

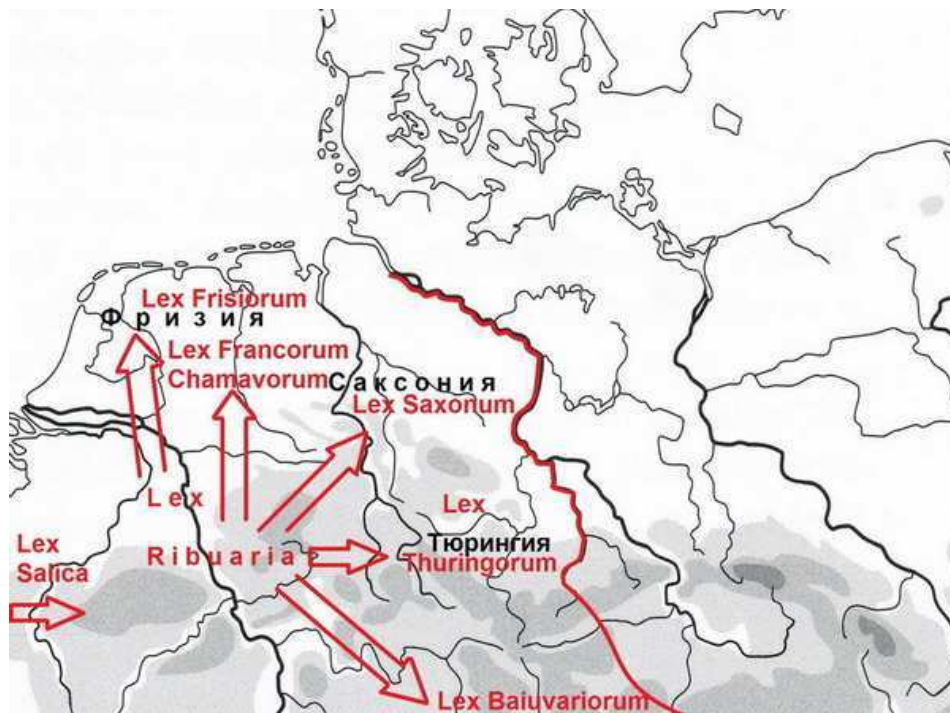
В 789 году франки совместно с ободритами и лужицкими сербами предприняли поход на союзных саксам и враждебных ободритам вильцев, заставив их князя Дражко признать верховенство Карла и обезопасив этим восточную границу Франкской империи. В 795 году Карл Великий совершил поход к своей новой северной границе на Эльбе, в область Барденгау, чтобы встретиться здесь со своим союзником ободритским правителем Витцаном. Последний, однако, попал в засаду при переходе Эльбы и был убит саксами (Annales Regni Francorum: 795). За этим последовали новые военные походы франков и ободритов на северных саксов, сопровождавшиеся значительным разорением их земель.

Жёсткая политика франков по отношению к оказывавшим им сопротивление племенам начала несколько меняться в начале IX века, после утверждения Карла Великого императором. Вместо физического уничтожения и переселений подчинённым племенам теперь предоставляется возможность стать полноценными гражданами империи, если они принимали её религию, законы и признавали верховенство императора. Среди наиболее значительных, направленных на христианизацию и интеграцию языческих племён во Франкскую империю мероприятий можно отметить принятие на Аахенском сейме в 802/803 гг. законодательных документов *Lex Francorum Camavorum* (Законы франков-хамавов), *Lex Thuringorum* (Законы тюрингов), *Lex Frisionum* (Законы фризов) и *Lex Saxonum* (Законы саксов).

Все указанные выше «племенные законодательства» Франкской империи были основаны на уже действовавших сводах законов самого племени франков. Наиболее ранними из таких документов являются восходящие к VI веку *Lex Salica* (Законы салических франков). По мере расширения Франкской империи это законодательство не раз дополнялось. После объединения салических и рипуарских франков в едином государстве в VII веке были созданы *Lex Ribuaria* (Законы рипуарских франков), частично основанных на *Lex Salica*. В VIII веке появились *Lex Baiuvariorum* (Законы баварцев). В начале IX века законодательство Франкской империи было дополнено законами франков-хамавов, фризов, саксов, тюрингов, варинов и англоv.

Эйнхард описывает принятие «племенных законодательств» во время Карла Великого следующим образом: «Приняв императорский титул, Карл обратил внимание на то, что многое в законах его народа было несовершенно — ведь франки имели два закона, которые во многих местах очень различались. Он задумал добавить то, что недоставало, устранить расхождения и исправить плохо или с ошибками изложенное.

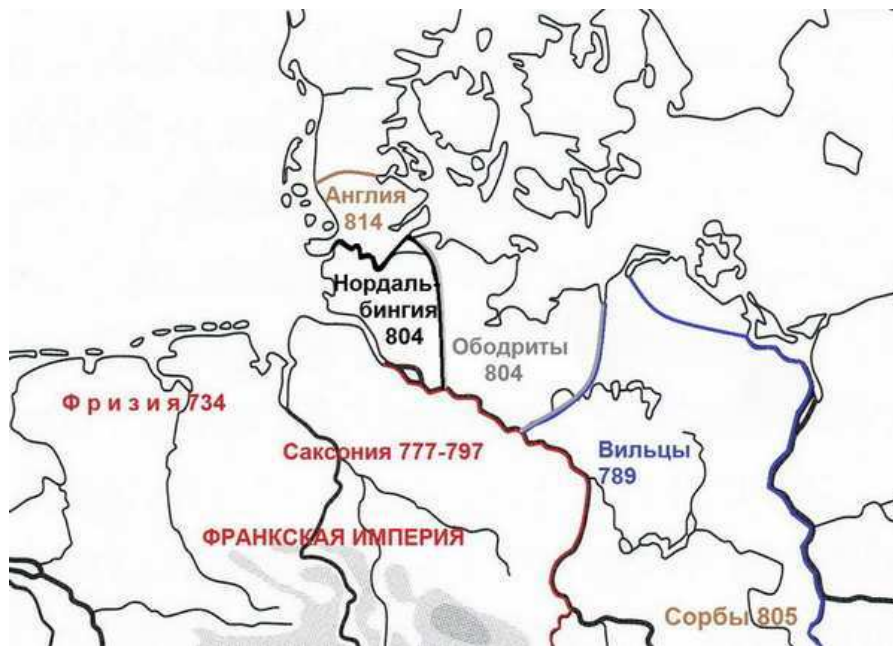
Ничего из этого он не исполнил, если не считать того, что добавил к законам несколько глав, но и они не были завершены. Однако он приказал описать и письменно изложить устные законы всех подвластных ему народов» (Эйнхард: 29).

Илл. 6. Расширение Франкской империи на восток до 802/803 гг. и «племенные законодательства»

О самом же расширении Франкской империи в это время сообщается, что Карл «столь основательно расширил уже достаточно большое и могущественное королевство франков, полученное от отца Пипина, что прибавил к нему почти двойное количество [земель]. Ведь раньше власти короля франков подчинялись только та часть Галлии, что лежит между Рейном, Легером и [Атлантическим] океаном к Балеарскому морю; часть Германии, населенная франками, называемыми восточными, что располагается между Саксонией и [реками] Данубием, Рейном и Салой, которая разделяет туринов и сорабов; кроме того, власть королевства франков распространялась на аламанов и баваров. Карл же подчинил в упомянутых войнах сначала Аквитанию, Васконию и весь хребет Пиренейских гор вплоть до реки Ибер, которая начинается у наваров и пересекает плодороднейшие поля Испании, вливаясь в Балеарское море под стенами города Дертосы. Затем он присоединил всю Италию, протянувшуюся на тысячу и [даже] более миль от Августы Претории до южной Калабрии, где, как известно, сходятся границы греков и беневентцев. Потом он присоединил Саксонию, которая является немалой частью Германии и, как полагают, вдвое шире той ее части, что населена франками, хотя, возможно, и равна ей по длине; после того и ту и другую Паннонию, Дакию, расположенную по ту сторону Данубия, а также Истрию, Либурию и Далмакию, за исключением приморских городов, которыми вследствие дружбы и заключенного союза Карл разрешил владеть константинопольскому императору. Наконец, он так усмирил все варварские и дикие народы, что населяют Германию-между реками Рейном, Висулой, а также океаном и Данубием (народы те почти схожи по языку, но сильно отличаются обычаями и

внешностью), что сделал их данниками. Среди последних самые замечательные [народы]: велатабы, сорабы, ободриты, богемцы; с ними Карл сражался в войне, а остальных, число которых гораздо больше, он принял в подчинение [без боя]» (Эйнхард: 15).

Илл. 7. Расширение Франкской империи на север до 814 года и «племенные законодательства»

Чрезвычайно любопытно, что, несмотря на большую схожесть с племенным законодательством самих франков VII века, принятые в начале IX века законодательства представляли собой не столько закрепление архаичных традиционных законов подчинённых племён, как это представлялось Эйнхарду, сколько «реформацию» таковых франками с учётом реалий и политики Франкской империи IX века.

К примеру, *Lex Saxonum* предшествовали два других «саксонских законодательства» – *Capitulare de partibus Saxonie* (782/785 гг.) и *Capitulare Saxonicum* (797 г.), создававшиеся по мере подчинения саксонских провинций. Однако составленный после окончательного присоединения последней, ещё сопротивлявшейся области саксов Нордальбингии *Lex Saxonum* содержит ряд существенных отличий по сравнению с этими более старыми документами. Так, если в *Capitulare de partibus Saxonie* вира за убийство представителя знатного сословия саксов, эделинга, в 6 раз превышала виру за убийство свободного сакса, то в *Lex Saxonum* эта вира была увеличена вдвое, превышая виру за убийство свободного уже 12 раз. Помимо этого, в отличие от старых саксонских законодательств, вира за убийство свободного сакса вообще не определялась в *Lex Saxonum*. Такое «кастообразное», очень привилегированное положение саксонских эделингов исследователями признаётся нехарактерным для других «племенных законодательств», основанных на *Lex Ribuaria* (Lück 2008: 121). Объяснение этому находится во франкских письменных источниках того времени.

В середине IX века Нитхард, сообщая о выделении новой социальной прослойки стеллингов, упоминает и крайне интересную информацию о соотношении старых традиционных законов саксов и законов, предписываемых им в империи франков: «Саксов, как это известно всем жителям Европы, император Карл, всеми народами по праву называемый «Великим», многими различными трудами обратил от языческого идолопоклонства к христианской религии и истинному Богу. Те же издревле нередко славилась как благородные и воинственные люди. Весь их народ разделён на три сословия: одно из них на их языке называется эделинги (Edhilingui), другое фрилинги (Frilingi), а третьи лаццы (Lazzi), что означает: благородные, свободные и слуги. Сословие благородных во время ссоры Лотаря со своим братом разделилось на две партии, одна из которых поддерживала Лотаря, а другая Людвига. И пока события происходили таким образом, Лотарь, узнав, что после победы его братьев, народ, бывший на его стороне, страдая от разнообразной нужды, хочет отойти, стал искать поддержку, где только мог. Поэтому он начал раздавать государственные имения в частное пользование, поэтому же одним он даровал свободу, а другим обещал даровать её после победы. Из-за этого же он отправил послов в Саксонию и пообещал фрилингам и лаццам, которых было огромное множество, что если они присоединятся к нему, снова **восстановить у них те законы, которые имели их предки, в то время, когда они ещё были идолопоклонниками. И те, сверх всякой меры желая этого, взяли себе новое имя «стеллинги», объединились и, изгнав из своей земли чуть ли не всех господ, стали жить по старому обычаю, каждый по желанному им закону.** Кроме того, Лотарь призвал на помощь норманнов и отдал им в подчинение часть христианского народа, кроме того, разрешив им грабить остальных христиан. Оттого Людвиг опасался, что норманны и славяне, бывшие соседями саксов, называвших себя стеллингами, могут объединиться с ними, попытаться завоевать империю и, вторгнувшись в земли империи, и как бы не истребили в них христианскую веру»¹ (выделено автором).

Исходя из расположения стеллингов на границе с данами и славянами, речь в данном случае должна была идти о нордальбингских саксах, живших к северу от Эльбы и включенных в империю позднее других. Союзные франкам ободриты разбили войско восставших против франков саксов-нордальбингов на реке Свентане в Вагрии, обеспечив этим окончательное подчинение Саксонии империи франков в 804 году.

Описанное Нитхардом объединение стеллингов должно было произойти в первой трети IX века, то есть на одно или два десятилетия позже, во время правления датского короля Гериольда (814-827), передача которому части Фризии и была названа здесь передачей «части христианского народа в подчинение норманнам»².

Таким образом, введение *Lex Saxonum* с его привилегированным положением «касты» эделингов после окончательного присоединения Нордальбингии не только не соответствовало традиционному укладу самих нордальбингских саксов, но и стало причиной их последующих бунтов, изгнания эделингов и сближения с данами и

¹ Нитхард: IV 2 (перевод с немецкого – А.П.).

² Нитхард упоминает Гериольда среди вассалов Лотаря чуть ранее, в отрывке III 7.

славянами. Приведённое выше сообщение Нитхарда прямо указывает на то, что принятый в начале IX века *Lex Saxonum* был нововведением франков, навязанным им силой, наравне с христианством, а не их собственным традиционным племенным законодательством.

Подводя итог, можно отметить две особенности для принятых в 802/803 гг. во Франкской империи племенных законодательств:

1) в качестве основы для всех них использовался уже существовавший документ *Lex Ribuaria*, представлявший из себя племенное законодательство самих франков;

2) реформация *Lex Ribuaria* для новых племён могла не только не сходить с обычаями самого племени, но и прямо им противоречить;

3) принятие ряда законов на сейме 802/803 гг. было частью политики франков по христианизации и интеграции во Франкскую империю подчинённых ими племён.

Таким образом, указание «племени» в «племенном законодательстве» в некоторых случаях указывало не столько на запись традиционных законов этого племени, сколько представляло собой предписание, которые этому племени надлежало исполнять в составе Франкской империи. Составление *Leges* IX века в немалой степени было законодательной реформой, инновацией и нововведением франков, предназначенным для интеграции языческих племён во Франкскую империю. При этом на первый план при их составлении выходило не закрепление законом архаических укладов и традиций, а актуальные политические потребности франкской политики и её союзников (к примеру, привилегии сословию эделингов).

Любопытно, что, как показывает немецкий исследователь Х. Люк, даже на фоне этих общих реформаторских тенденций всех *Leges* 802/803 гг., *Lex Thuringorum* выделяется среди них своей инновативностью, представляя собой «высший уровень франкского законодательства» (Lück 2008: 122). Учитывая это, наравне с отсутствием более древних франкских законодательных сводов для тюрингов, велика вероятность того, что и инновативный *Lex Thuringorum* мог основываться вовсе не на древнем традиционном укладе племени тюрингов, а представлять собой франкские предписания к их провинции, с учётом предшествующего христианизаторского и интеграционного опыта империи, современных событиям политики и реалиям Тюрингии. Очевидно, что для понимания происходивших в начале IX века законодательных реформ Франкской империи, нужно учитывать сложившуюся на тот момент внешнеполитическую ситуацию на её границах, вхождение в неё новых племён и народов и приобретение новых союзников.

После разгрома саксов-нордальбингов ободритами в 804 году, Карл Великий прибыл в город Холлингштедт в северной части Саксонии, чтобы короновать их правителя Дражко (*Annales Mettenses priores*: 804). Кроме этого, в благодарность за военную поддержку, Карл передал в лен ободритам две саксонские провинции: Нордальбингию (между реками Эльбой и Эйдером) и Вигмодию (между реками Везер, Вюмме и Эльбой). Однако, вместе с этим, принятие короны из рук Карла означало для правителя ободритов и смену отношений. Вместо военного союзника с этих пор он становился вассалом императора франков, хотя и находясь на особом

привилегированном отношении по сравнению с другими племенами Франкской империи (в отличие от фризов, тюрингов или саксов, на землях ободритов не осуществлялась христианизация, не строились франкские крепости и не назначались франкские наместники).

Франкская политика этого времени по отношению к новым подданным империи была крайне насыщена. В том же 804 году для христианизации восточного племени саксов-харцингов было основано новое епископство в Хальберштаде. В 805 году в Дидденхофе был принят капитулярий, регулирующий торговлю с ещё не полностью вошедшими в империю славянскими соседями, бывшими на положении «подчинённых союзников» и остававшихся язычниками. В торговых городах по всей линии соприкосновения славянско-германского мира запрещалась продажа славянам оружия и были назначены военные наместники. В 806 году на реках Заале (на тюрингско-сербской границе) и Эльбе (на саксонско-вильцской границе) были основаны новые крепости. В 808 году ещё одна крепость Хохбуки была основана в северном течении Эльбы на саксонско-линонской границе.

В 808 году датский король Готтфрид совершил удачный поход на ободритов, вынудил Дражко выплатить дань и дать в заложники своего сына, после чего дошёл до самой Эльбы, угрожая Саксонии и Карлу. Однако уже через два года Готтфрид был убит в результате внутренне-датской борьбы за власть, а завоёванные им земли вернулись в подчинение Карла Великого.

Готтфрида сменил Хемминг, заключивший с франками мир. Однако уже спустя два года Хемминг был убит, а Датское королевство вновь погрузилось в борьбу за власть. В результате оно было разделено между племянниками Готтфрида Зигфридом и Ануло. Согласно Адаму Бременскому, после смерти Ануло, его сторонники добились передачи власти в подконтрольной ему ранее части Датского королевства в пользу Регинфреда и Гериольда. Однако борьба за власть в Дании на этом не закончилась.

III. Английская марка Франкской империи 814-828 гг.

Вскоре Регинфред был убит, а проигравший борьбу потомкам Готтфрида Гериольд был изгнан из своего королевства. Чтобы вернуть власть, ему не оставалось ничего иного, как прибегнуть к помощи франков, бывших единственной политической и военной силой в центральной Европе, способной послать в южную Ютландию достаточное для победы над данами число войск (все граничившие с Ютландией на континенте народы и племена – фризы, саксы, ободриты и вильцы – уже были к этому времени подчинёнными империи франков).

В 814 году Гериольд отправился к Карлу Великому с просьбой о военной помощи в возвращении своей части Датского королевства. Взамен он обязывался признавать верховную власть Карла, то есть становился вассалом императора (*Annales Regni Francorum*: 815), и принять христианство. В случае успеха этого предприятия, юридическое положение страны Гериольда должно было стать идентичным таковому у королевства ободритов. Официально королевства и тех, и других становились частью Франкской империи, как и прочие континентально-

германские племена (тюрингов, саксов, фризов), но в реальности получали всё же несколько более привилегированное положение, при котором франки не назначали в эти новые «марки» управителей по своему усмотрению и не размещали там свои гарнизоны.

Можно отметить и совершенно идентичную политику Карла Великого в отношении Гериольда и Дражко в начале IX века: обоим в наиболее трудные для них моменты оказывалась военная помощь¹ и отдавались в лен значительные и экономически привлекательные соседние области², так что территориально владения обоих правителей от этого увеличивались практически вдвое. Очевидно, такие кратковременные выгоды представлялись соблазнительными языческим племенным правителям, или же у них в какой-то момент просто не было иного выбора (как в случае Гериольда в 814 году). Однако такая «дружественная» политика Карла была лишь инвестициями в будущее, по римской схеме «разделяй и властвуй». Такая политика франкских и позже немецких императоров по отношению к соседним славянским и датским княжествам или королевствам оставалась неизменной на протяжении столетий.

Особенно чётко её суть уловил и описал в конце XII века Саксон Грамматик. Повествуя о принятии подданства немецкого императора поморскими князьями Богуславом и Казимиром в 1181 году, он сообщал, как император предложил славянским князьям сделать их правителями «своих же собственных земель», аргументируя это тем, что принятие титулов вассалов императора легитимизирует их права в империи и сравнивает их положение с таковым Генриха Льва, до этого покушавшегося на их земли (Saxo Grammatixus, 15.5.5). Иронизируя над таким положением вещей, датский хронист указывал, что если бы славянские правители знали, что променяли этим поступком доставшуюся им от предков независимость на ничего не значащие титулы и вместо величия получили клеймо позорного рабства, то предпочли бы лучше умереть, чем согласиться на такие условия (Saxo Grammaticus, 15.5.11).

В другом отрывке, этот же источник сообщает о том, как немногим ранее, в 1162 году, вынужден был признать верховную власть Фридриха Барбароссы и датский король Вальдемар Великий. Начав с вложения в уста Вальдемара гордых слов о предпочтении смерти подобному рабству зависимости от императора (Saxo Grammaticus, 14.28.15), Саксон пытается выгородить своего короля таким образом, что тот объявил себя императорским вассалом, лишь получив при этом выгодные для себя условия – обещание передачи ему некоторых славянских областей, а также не обязывая себя являться к императорскому двору вместе с другими вассалами и предоставлять датское войско для имперских нужд. Для большей убедительности придворный Саксон, уже совсем сменяя тон к концу повествования, заключает, что ничего позорного в вассальной зависимости от римского императора для датского

¹ Дражко: в 798 году против вильцев, в 808 году – против Готтфрида, в 809 году предоставлены саксонские войска для войн с вильцами и смельдингами; Гериольду: предоставлены саксонские и ободритские войска для завоевания ютландской Англии в 815 г.

² Дражко – Нордальбингия и Вигмодия, Гериольду – Рустрингия (часть Фризии) и торговый город Дорестада.

короля на самом деле и не было, приводя в пример короля Британии, также получившего владения в лен от Галлии (Saxo Grammaticus, 14.28.16).

Хотя оба эти эпизода от времён Карла Великого и отделяет более трёх столетий, такие подробные описание крайне ценны, так как помогают лучше понять суть отношений Римской империи с зависимыми от них «варварскими» королевствами, методы, которыми достигалось вхождение их в империю и что в действительности означала и как воспринималось легитимизация титула у римского императора самими до этого независимыми правителями. К примеру, отношения Фридриха Барбароссы и Вальдемара Великого, Богуслава и Казимира в рассказе Саксона Грамматика вполне сравнимы с таковыми Карла Великого и Дражко или Людвига Благочестивого и Гериольда по данным франкских источников.

Очень схожим образом и в IX веке «союзники франков», признав верховенство Карла, легитимизировали этим передачу ему власти в своих наследных владениях – их королевства становились марками империи, а будущее развитие тормозилось не прекращавшейся с этих пор веками борьбы за независимость с превышающими силами противника.

После заключённого с Гериольдом соглашения, в 815 году Карл приказал подчинённым ему ободритам и саксам оказать новому вассалу военную поддержку. Франкские анналы сообщают, что под руководством франкского посланника, саксонско-ободритское войско перешло бывшую датскую границу империи на реке Эйдер и продвинулось вглубь Дании до области Синленде. Сообщение о взятии 40 заложников при возвращении во Франкскую империю указывает на попытку добиться вассальной зависимости этой области. Взятие заложников от знати при наложении дани было нормой межгосударственных отношений в центральной Европе IX века. Франки забирали заложников у саксов практически после каждого подавления их восстания, также заложники брались после победы Карла над вильцами, в дальнейшем – и у ободритов. Такая же практика существовала и у данов – после завоевания ободритов и принуждения их короля Дражко к выплате дани Готтфрид взял в заложники сына Дражко.

Речь должна была идти об исторической английской провинции Датского королевства, располагавшейся как раз между рекой Эйдер и областью Синленде. Анализ письменных источников, лингвистики и археологии показывает, что до X или, возможно, даже XI вв. здесь ещё должно было сохраняться население, представляющее из себя в значительной доле остатки племени англов (Пауль 2015).

Исходя из того, что, оказывая помощь Гериольду в восстановлении контроля над его королевством, войска союзников заняли ютландскую Англию, выходит, что именно эта часть Дании и должна была быть королевством Гериольда, переданным им в империю франков в 814 году. Другие письменные источники лишь подтверждают это предположение.

Несмотря на поход 815 года, восстановить свою власть в ютландской Англии Гериольду удалось лишь много позже, в 819 году. Так как принятие христианства было вторым, кроме принятия вассалитета, условием франкской помощи (Римберт: 7), во время правления Гериольда (819-827 гг.) началась христианизация ютландской

Англии. Франкские анналы сообщают об удачной миссии реймского епископа Эбо в 822-823 гг. «до датских краёв» в страну Гериольда, в результате которой было крещено много народа.

В 826 году Гериольд принял в Майнце крещение «вместе с женой и великим множеством данов» (*Annales Regni Francorum*: 826), после чего вместе с будущим Гамбургским и Бременским архиепископом Ансгарием отправился со своей свитой обратно (Римберт: 7). Другие сообщения Римберта позволяют подтвердить локализацию владений Гериольда именно в ютландской Англии. В седьмой главе «Жития Ансгария» указывается, что «Гериольд, **который правил как король одной частью данов, из-за ненависти и вражды подвергся нападению других королей страны и был изгнан из своей страны**» (выделено автором – А.П.).

Далее Римберт продолжает рассказ о миссии Ансгария в королевство Гериольда после его крещения в Майнце: «Отправившись из Кёльна, они [Гериольд со свитой и Ансгарий – А.П.] прибыли в Дорстат, и после того, как они пересекли соседнюю страну фризов, добрались они до расположенных возле датской границы областей. Но, так как королю Гериольду зачастую находиться в своей стране не было безопасно, император пожаловал ленное владение по другую сторону Эльбы, чтобы он мог находиться там во время опасности» (выделено автором) (Римберт: 7).

Указание Римберта на нахождение страны Гериольда на «датской границе», о прохождении которой по реке Эйдер достоверно известно из других источников (Пауль 2015), как и о выделении Гериольду в лен областей в Нордальбингии в пределах Франкской империи, где он быстро мог бы укрыться от внезапного нападения сыновей Готтфрида, не оставляют сомнений в том, что королевством Гериольда должна была быть ютландская Англия. Убедиться в этом легко из последующих сообщений Франкских анналов, описывающих как раз такой эпизод военного столкновения сыновей Готтфрида с Гериольдом и франкским гарнизоном на границе с Англией.

В 827 году Гериольд в очередной раз был изгнан из Дании сыновьями Готтфрида и попытался им отомстить. В 828 году анналы королевства франков сообщают, что:

«Herioldus rerum gerendarum nimis cupidus conductam et per obsides firmatam pacem incensis ac direptis aliquot Nordmannorum villulis inrupit. Quod audientes filii Godofridi contractis subito copiis ad marcam veniunt et nostros in ripa Egidore fluminis sedentes ac nihil tale opinantes transito flumine adorti castris exiunt eisque in fugam actis cuncta diripiunt ac se cum omnibus copiis suis in sua castra recipient» (выделено автором).

«Гериольд, чрезмерно желая войны, нарушил договор о мире, скреплённый предоставлением заложников, напал на имения норманнов, разорил и сжёг некоторые из них. Узнав об этом, сыновья Годфрида немедленно собрали войско, пришли в марку и, перейдя реку, напав из укреплений, отбросили наших, стоящих на берегу реки Эгидоры, и ни о чём подобном не подозревающих».

Термин *marca*, употреблённый во Франкских анналах для датских территорий за рекой Эйдер, из которых был изгнан Гериольд и в которых теперь правили сыновья Готтфрида, предельно точен. Под «марками» понимались зависимые от империи страны у её границ, и именно Карл Великий прославился основанием

таких марок. Для управления марками обычно назначался маркграф, а на границах основывались крепости и оставлялись гарнизоны. И если такой гарнизон на реке Эйдер прямо описывается Франкскими анналами, то в роли «маркграфа», очевидно, до 827 года должен был выступать сам Гериольд. Как и было отмечено выше, королевства ободритов и Гериольда состояли во Франкской империи на привилегированном положении в том плане, что правящие династии там не заменялись утверждёнными императором пришлыми правителями, подобно Саксонии.

Иначе дело обстояло во время создания второй Датской марки в начале 930-х гг. Адам Бременский сообщает, что «*король Оттон подчинил своей власти почти все королевства, которые отпали после смерти Карла, он поднял оружие против данов, которых ранее разбил в войне ещё его отец. Ибо они, ища ссоры, убили в Хедебю послов Оттона вместе с маркграфом и полностью вырезали всю колонию саксов. Желая отомстить за это дело, король тут же вторгся в Данию со своим войском. Перейдя границу Дании, расположенную тогда у Шлезвига, он огнём и мечом разорил всю область до самого крайнего моря... На обратном пути в Шлезвиге против него выступил Харальд, и вступил с ним в битву. Обе стороны мужественно сражались, однако победу одержали саксы, а даны были побеждены и отступили к кораблям. Наконец, приняв мирные условия, Харальд подчинился Оттону; получив королевство из его рук, он обещал ввести в Дании христианство. Немедля, Харальд был крещён вместе с женой Гунхильдой и малолетним сыном, которого король, подняв из святой купели, назвал Свенот-Отто. В это же время Дания по эту сторону моря, – местные жители называют её Ютландией, – была разделена на три епископства и подчинена Гамбургской епархии. В Бременской церкви сохранились грамоты короля, которые свидетельствуют о том, что король Оттон держал в своей власти Датское королевство в такой мере, что даже назначал [тамошних] епископов. А из грамот римского престола видно, что папа Агапит, поздравляя Гамбургскую церковь со спасением язычников, пожаловал Адальдагу всё, что было пожаловано его предшественниками – Григорием, Николаем, Сергием и прочими – Бременскому архиепископству. Он также апостольской властью предоставил ему право назначать епископов как в Данию, так и среди прочих народов севера» (выделено автором) (Адам: II 3).*

Таким образом, очевидно, что подробно описанное Адамом положение второй Датской марки с 931/934 гг. было идентично таковому же для марки времён Гериольда, отличаясь от неё лишь назначением маркграфа извне. Несмотря на то, что реальный контроль над второй Датской маркой был потерян саксами уже в 983 г., официально она числилась как в составе империи до 1036 году, когда, согласно Адаму, император Конрад передал датскому королю *Sliaswig cum marcha, quae trans Egdoram est* («город Шлезвиг вместе с маркой, расположенной за рекой Эйдор», Адам: II 54). Можно обратить внимание на дословную идентичность в описании и формулировке Датской марки у Адама и во Франкских анналах. В обоих случаях речь шла об Английской марке со столицей (резиденцией маркграфа и епископством) в Шлезвиге. Не менее любопытно, при этом, и представление им подчинения «Датской марки» Оттоном как продолжения завоевательной

(«марочной») политики Карла Великого, что действительно подтверждается общим анализом современных событиям источников.

IV. *Lex Angliorum et Werinorum, hoc est [lex] Thuringorum.*

«Ютландская гипотеза»

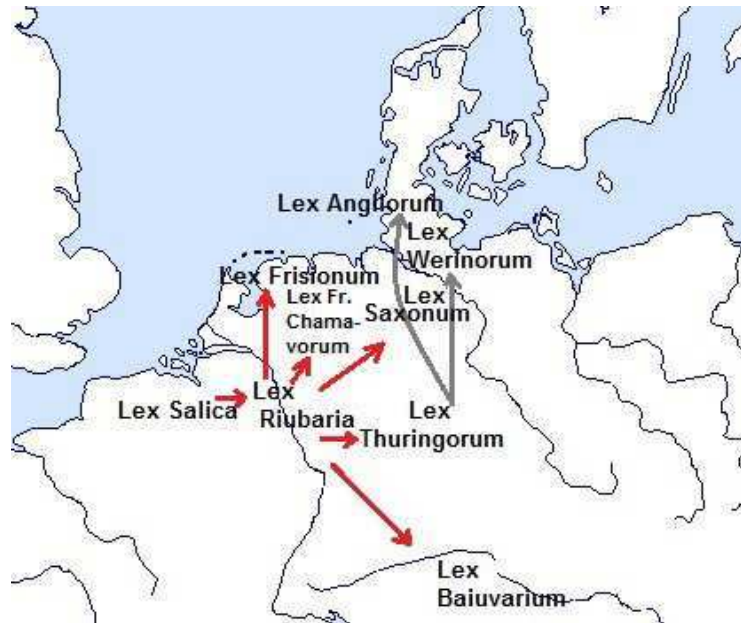
Итак, на основании анализа общего исторического фона начала IX века, можно заключить, что принятый во Франкской империи *Lex Angliorum* с гораздо большей степенью вероятности мог относиться к населению Английской марки в южной Ютландии. Время принятие документа должно было прийтись, в таком случае, на период правления Гериольда – между 814 и 827 гг., то есть на один или два десятилетия позднее принятия *Lex Thuringorum* в Аахене. Противоречий в таком предположении удастся избежать, если предположить, что подобно тому, как *Lex Thuringorum* был основан на уже существовавшем своде законов *Lex Ribuariorum*, так и *Lex Angliorum* мог быть основан на уже существовавшем *Lex Thuringorum*, что и отразилось в названии.

На этом месте не лишним будет заметить, что и сама интерпретация названия *Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum* как указания на тождественность племён англов, варинов и тюрингов, представляла из себя не более, чем попытку связать упомянутых в нём англов и варинов с Тюрингией. Однако поиски англов в Тюрингии на основании сомнительной топонимики кажутся излишними при известности куда более достоверного нахождения англов в составе империи в ютландской марке.

В действительности же, не сложно заметить, что слова *Angliorum*, *Werinorum* и *Thuringorum* стоят в названии документа в одном падеже, таким образом, что дословный перевод на русский звучал бы как «Законы англов, варинов, что есть тюрингов». Логично будет предположить, что *Thuringorum* в этом случае относится к *Lex* наравне с *Angliorum* и *Werinorum*, а не к двум последним. То есть именно представленные в документе **законы** англов и варинов, являлись [законами] *тюрингов* (*Lex Angliorum et Werinorum, hoc est [lex] Thuringorum*), а не сами народы англов и варинов были тюрингами.

Эйнхард сообщает о принятии Карлом «племенных законодательств», что оно производилось для *всех* вошедших в империю при Карле народов (Эйнхард: 29). «Законы варинов» же, тождественные законам англов и основанные на законах тюрингских, могли в таком случае предназначаться для «марки ободритов», также вошедшей в состав Франской империи уже в 804 году. Анализ письменных источников даёт основания видеть в термине «ободриты» немецкий экзотоним, появившийся или в результате перенесения названия одного из балканских славянских племён на южнобалтийское, или по имени основателя правящей династии; в то же время, другим их наименованием могло быть «варины» (Пауль 2014б). В то же время, принятие законов «англов и варинов» на основании уже принятых «законов тюрингов» могло бы объяснить и факт существования этого документа и в виде просто *Lex Thuringorum*, без связи с англами и варинами. Время

создания *Lex Thuringorum* в таком случае пришлось бы на 802/803 гг., а *Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum* – на период между 814 и 828 гг.

Илл. 8. Предполагаемая схема распространения и взаимосвязи франкского «племенного» законодательства в VI-IX вв.

Если приведённые выше предположения верны, то юридический документ *Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum* стоит рассматривать как редкий источник по планам интеграции двух новых северных марок в состав империи франков. Планам этим, однако, не было суждено сбыться – с первой трети IX века ободриты и даны начали совместную борьбу с Франкской империей, сумев ценой бесконечных войн на протяжении целого столетия (до 931/934 гг.) отстаивать свою независимость.

ЛИТЕРАТУРА

Адам - Славянские хроники. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский / Перевод с латинского И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовский, редактор-составитель И.А. Настенко. М., 2011.

Нитхард - Nithards vier Bücher Geschichten / übers. von J.v.Jasmund und W. Wattenbach. 5. Auflage. Leipzig, 1911.

Пауль 2014а - Пауль А. Славяне в Центральной Германии // Международный исторический журнал «Русин». 2014. № 1 (35).

Пауль 2014б - Пауль А. Варини, которых называли ободриты. 2014 / Электронный ресурс: <http://pereformat.ru/2014/04/varini-obodriti/> (дата обращения – 10.06.2015).

Пауль 2015 - Пауль А. Древняя Англия. К вопросу о судьбе остатков племени англов в Ютландии в средневековье // Исторический формат. Международный научный журнал. 2015. № 2.

Прокопий - Прокопий Кесарийский. Война с готами / Перевод С.П. Кондратьева. М., 1950.

Титмар - Титмар Мерзебургский. Хроника / Перевод с латинского И.В. Дьяконова. М., 2005.

Эйнхард - Эйнхард. Жизнь Карла Великого // Историки эпохи Каролингов / перевод с латинского М.С. Петровой. М., 1999.

Adam - Magister Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum // Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches. Band 11. Darmstadt, 2000.

- Annales Regni Francorum - Annales Regni Francorum // Monumenta Germaniae Historia. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover, 1895.
- Annales Mettenses priores - Annales Mettenses priores // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover & Leipzig, 1905.
- Chronicon Moissiacense - Chronicon Moissiacense // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannover: Impensis Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826. T. I.
- Die Gesetze des Karolingerreiches - *K.A. Eckhardt*. Die Gesetze des Karolingerreiches 714-911. 3: Sachsen, Thüringer, Chamaven und Friesen // Germanenrechte. 1934. 2/3.
- Dušek 1983 - *Dušek S.* Geschichte und Kultur der Slawen in Thüringen. Weimar, 1983.
- Grahn-Hoek 2009 - *Grahn-Hoek H.* Das Recht der Thüringer und die Frage ihrer ethnischen Identität. Mit einer Bemerkung zur Entstehung von Begriff und Institution «Adel» // Die Frühzeit der Thüringer. Archäologie, Sprache, Geschichte, cur. H. Castritius – D. Geuenich – M. Werner – Th. Fischer, in Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 63. Berlin; New York, 2009.
- Größler 1883 - *Größler H.* Wo sassen die Weriner der lex Thuringorum und die ihnen benachbarten Heruler? // Neue Mitteilungen aus dem Gebiet historisch-antiquarischer Forschungen. Bd. 16. 1883.
- Herrmann 1985 - *Herrmann J.* Die Slawen in Deutschland. Berlin, 1985.
- Kalmring 2010 - *Kalmring S.* Der Hafen von Haithabu. Neumünster, 2010.
- Landau 2007 - *Landau P.* Die Lex Thuringorum – Karls des Großen Gesetz für die Thüringer, Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. 118. Wien, 2001.
- Laur 1961 - *Laur W.* Die Ortsnamen in Schleswig-Holstein mit Einschluß der nordelbischen Teile von Groß-Hamburg und der Vierlande. Neumünster, 1961.
- Laur 1992 - *Laur W.* Historisches Ortsnamenlexikon von Schleswig-Holstein. 2. Aufl. Neumünster, 1992.
- Lex Angliorum et Werinorum - *K.F.von Richthofen*. Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum // Monumenta Germaniae Historica. Leges. 5. 1875-1889.
- Leges Saxonum - *Claudius Freiherr von Schwerin (Hrsg.)*, Leges Saxonum und Lex Thuringorum (Monumenta Germaniae Historica. Fontes iuris IV). Hannover/Leipzig, 1918.
- Lingelbach 2001 - *Lingelbach G.* Lex Thuringorum // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. 18, 2. Aufl., 2001.
- Lück 2008 - *Lück H.* Der wilde Osten: fränkische Herrschaftsstrukturen im Geltungsbereich der Lex Saxonum und Lex Thuringorum um 800 // Von den leges barbarorum bis zum ius barbarum des Nationalsozialismus: Festschrift für Hermann Nehlsen zum 70. Geburtstag; Köln, 2008.
- Much 1967 - *Much R.* Die Germanen des Tacitus. Heidelberg, 1967.
- Offa 58 - Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte, Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie / hrsg. vom Institut für Ur- und Frühgeschichte und dem Archäologischen Landesmuseum der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. Neumünster, 2003.
- Pliny - *Pliny*. Natural history. II. Libri III-VII / with an English translation in ten volumes by Rackham H. Cambridge; London, 1961.
- Rimbert - *Rimbert*. Vita Anskarii // Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgischen Kirche und des Reiches. Darmstadt, 2000.
- Springer 2006 - *Springer M.* Warnen // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 2. Auflage. Band 33. Walter de Gruyter. Berlin; New York, 2006.
- Tacitus - *Tacitus*. Germania. Übers., Erl. u. Nachw. von Manfred Fuhrmann, Reclam, Stuttgart, 1971.

REFERENCES

- Adam - *Magister Adam Bremensis*. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum [Deeds of the Bishops of Hamburg], in: Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches [Sources of the History of Hamburg's church and Holy Roman Empire of the 9. And 11. Century], Band 11, Darmstadt, 2000 [in Latin].
- Adam - Slavjanskije hroniki. Adam Bremenskij, Hel'mol'd iz Bosau, Arnol'd Ljubekskij / Perevod s latinskogo I.V. D'jakonova, L.V. Razumovskij, redaktor-sostavitel' I.A. Nastenka [Slavic chronicles. Adam

from Bremen, Helmold from Bosau, Arnold from Lübeck / Translation with Latin I.V. Dyakonov, L.V. Razumovsky, editor I.A. Nastenko], Moscow, 2011 [in Russian].

Annales Regni Francorum - Annales Regni Francorum [Royal Frankish Annals], in: Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum [Monuments of the German History. Writers of the German events in the use of schools], Hannover, 1895 [in Latin].

Annales Mettenses priores - Annales Mettenses priores [Earlier Annals of Metz], in: Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum [Monuments of the German History. Writers of the German events in the use of schools], Hannover & Leipzig, 1905 [in Latin].

Chronicon Moissiacense - Chronicon Moissiacense [Chronicle of Moissac], in: Monumenta Germaniae Historica. Scriptores [Monuments of the German History. Writers.], Hannover: Impensis Bibliopolii Avlici Hahniani, 1826, T. I [in Latin].

Die Gesetze des Karolingerreiches - K.A. Eckhardt. Die Gesetze des Karolingerreiches 714-911. 3: Sachsen, Thüringer, Chamaven und Friesen [The Laws of the Frankish Empire 714-911. 3: Saxons, Thuringians, Chamavs and Frisians], in: Germanenrechte [Germanic laws], 1934, 2/3 [in German].

Dušek 1983 - Dušek S. Geschichte und Kultur der Slawen in Thüringen [History and culture of the Slavs in Thuringia], Weimar, 1983 [in German].

Jejnhard - Jejnhard. Zhizn' Karla Velikogo [Charles the Great's life], in: Istoriki jepohi Karolingov / perevod s latinskogo M.S.Petrovoj [Historians of an era the Carolingians / Translation with Latin M. S. Petrova], Moscow, 1999 [in Russian].

Grahn-Hoek 2009 - Grahn-Hoek H. Das Recht der Thüringer und die Frage ihrer ethnischen Identität. Mit einer Bemerkung zur Entstehung von Begriff und Institution 'Adel' [The law of the Thuringians and the question of their ethnic identity. With remark to the formation of the term and institution 'Adel'], in: Die Frühzeit der Thüringer. Archäologie, Sprache, Geschichte, cur. H. Castritius – D. Geuenich – M. Werner – Th. Fischer, in: Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde [Thuringians early times. Archeology, language, history. H. Castritius – D. Goyenikh – M. Werner – T. Fisher, in: Supplement volumes to 'Real lexicon of research of the German ancient'], 63, Berlin; New York, 2009 [in German].

Größler 1883 - Größler H. Wo sassen die Weriner der lex Thuringorum und die ihnen benachbarten Heruler? [Where sate the Werins of the 'Law of the Thuringians' and their neighborings Heruls?], in: Neue Mitteilungen aus dem Gebiet historisch-antiquarischer Forschungen [New releases from the historic-antiquarian area of Researching], Bd. 16, 1883 [in German].

Herrmann 1985 - Herrmann J. Die Slawen in Deutschland [Slavs in Germany], Berlin, 1985 [in German].

Kalmring 2010 - Kalmring S. Der Hafen von Haithabu [Port of Hedeby], Neumünster, 2010 [in German].

Landau 2007 - Landau P. Die Lex Thuringorum – Karls des Großen Gesetz für die Thüringer, Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung [Law of Thuringians – Charles the Great's Law for the Thuringians. Magazine for the Law's history. Germanic section], 118, Wien, 2001 [in German].

Laur 1961 - Laur W. Die Ortsnamen in Schleswig-Holstein mit Einschluß der nordelbischen Teile von Groß-Hamburg und der Vierlande [Place names of the Schleswig-Holstein with inclusion of Great-Hamburg and Vierlande], Neumünster, 1961 [in German].

Laur 1992 - Laur W. Historisches Ortsnamenlexikon von Schleswig-Holstein [Historical place names lexicon of the Schleswig-Holstein], 2, Aufl., Neumünster, 1992 [in German].

Lex Angliorum et Werinorum - K.F.von Richthofen. Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum [Law of Angles and Werins, which is Thuringians], in: Monumenta Germaniae Historica. Leges. [Monuments of the German History. Laws], 5, 1875-1889 [in Latin].

Leges Saxonum - Claudius Freiherr von Schwerin (Hrsg.), Leges Saxonum und Lex Thuringorum [Laws of Saxons and law of Thuringians], in: Monumenta Germaniae Historica. Fontes iuris IV [Monuments of the German History. Springs of right IV], Hannover/Leipzig, 1918 [in German].

Lingelbach 2001 - Lingelbach G. Lex Thuringorum [Law of the Thuringians], in: Reallexikon der germanischen Altertumskunde [Real lexicon of research of the German ancient], 18, 2, Aufl., 2001 [in German].

Lück 2008 - Lück H. Der wilde Osten: fränkische Herrschaftsstrukturen im Geltungsbereich der Lex Saxonum und Lex Thuringorum um 800 [Wild east: frankish rule's formations and the scope of law of Saxons and law of Thuringians], in: Von den leges barbarorum bis zum ius barbarum des Nationalsozialismus: Festschrift für Hermann Nehlsen zum 70 Geburtstag [From the leges barbarorum to the ius barbarum of the Nazism. Magazin to the 70-th birthday of Herman Nelsen]; Köln, 2008 [in German].

Much 1967 - Much R. Die Germanen des Tacitus [Germanic peoples of Tacitus], Heidelberg, 1967 [in German].

Nithard - Nithards vier Bücher Geschichten / übers. von J.v.Jasmund und W. Wattenbach [Nithard's four books History. Translation with Y. for Yasmund and W. Wattenbach], 5, Auflage, Leipzig, 1911 [in German].

Offa 58 - Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte, Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie / hrsg. vom Institut für Ur- und Frühgeschichte und dem Archäologischen Landesmuseum der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel [Reports and releases of the Prehistory, early History and medieval archeology/ Published by Institute for Prehistory and early History and Kiel's archeological museum of the Christian-Albrecht-University], Neumünster, 2003 [in German].

Paul 2014a - Paul A. Slavjane v Central'noj Germanii [Slavs in the Central Germany], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2014, № 1 (35) [in Russian].

Paul 2014b - Paul A. Variny, kotoryh nazyvali obodrity [Varini whom called Obotrites], 2014, Electronic resource: <http://pereformat.ru/2014/04/varini-obodriti/> (Date of access – 10.06.2015) [in Russian].

Paul 2015 - Paul A. Drevnjaja Anglija. K voprosu o sud'be ostatkov plemeni anglov v Jutlandii v srednevekov'e [Ancient England: to a question of destiny of the remains of Angles in Jutland in the Middle ages], in: Istoricheskij format. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal [Historical format. International scientific magazine], 2015, № 2 [in Russian].

Pliny - Pliny. Natural history. II. Libri III-VII / with an English translation in ten volumes by Rackham H. Cambridge; London, 1961 [in English].

Prokopij - Prokopij Kesarjskij. Vojna s gotami [War with Goths] / Perevod S.P. Kondrat'eva, Moscow, 1950 [in Russian].

Rimbert - Rimbert. Vita Anskarii [Saint Ansgar's life], in: Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgischen Kirche und des Reiches [Sources of the History of Hamburg's church and Holy Roman Empire of the 9. and 11. Century], Darmstadt, 2000 [in German].

Saxo Grammaticus: Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. [Deeds of the Danes] Ed. J. Olrik rt H. Ræder. Digitized and converted by Ivan Boserup. København, Det Kongelige Bibliotek, 1996

Springer 2006 - Springer M. Warnen [The Warins], in: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 2. Auflage. Band 33. Walter de Gruyter ['Real lexicon of research of the German ancient. 2-th Edition. Volume 33. Publishing house 'Walter de Gruyter'], Berlin; New York, 2006 [in German].

Tacitus - Tacitus. Germania. Übers., Erl. u. Nachw. von Manfred Fuhrmann, Reclam [Germania. Translation, explanation and the proofs with Manfred Furman, Publishing by house 'Reclam'], Stuttgart, 1971 [in German].

Titmar - Titmar Merzeburgskij. Hronika / Perevod s latinskogo I.M. D'jakonova [The chronicle / Translation with Latin I.M. Dyakonov], Moscow, 2005 [in Russian].

Пауль Андрей – Общественно-научный проект

«Российско-немецкий исторический семинар» (Любек, Германия).

Paul Andreas – Public and scientific project

«The Russian-German Historical Seminar» (Lübeck, Germany).

E-mail: mail@histformat.com

УДК 94(367)

ДУЛЕБЫ И АВАРЫ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ: СЛАВЯНСКИЙ ЭПОС ИЛИ КНИЖНАЯ КОНСТРУКЦИЯ?*

М.И. Жих

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

Researcher ID: F-3154-2014

ORCID ID: 0000-0003-2212-6416

SPIN-код: 6149-3974

Авторское резюме

В Повести временных лет сохранился рассказ о противостоянии кочевников-аваров и славян дулебов. По мнению некоторых учёных, он имеет книжное – византийское, западнославянское или южнославянское – происхождение. В статье делается вывод, что перед нами одно из народных славянских преданий, относящихся к циклу о борьбе с врагами-кочевниками, попавшее в летопись. Наиболее вероятно, что оно представляло собой фрагмент эпоса волинских дулебов. Его книжное происхождение или попадание на Русь какого-то паннонского/западнославянского предания о дулебах остаётся недоказанным.

Ключевые слова: дулебы, авары, эпос, Повесть временных лет, славяне.

THE DULEBES AND AVARS IN THE TALE OF BYGONE YEARS: THE STORY FROM A SLAVIC EPIC OR BOOK CONSTRUCT?

Maksim Zhikh

Abstract

The Tale Of Bygone Years (Primary Chronicle) captured the story about confrontation between the nomadic Avars and the Slavic Dulebes. According to some scientists, the story originated from Byzantine or West- or South Slavonic books. In contrast, the author concludes that the Chronicle depicted one of the Slavic folk tales related to the period of fight against nomadic enemies. Most likely, it was a fragment of Volhynian Dulebes' epic. The bookish origin of the story or its Pannonian or Western Slavonic source remains unproven.

Keywords: Dulebes, Avars, epic, Tale of Bygone Years, Slavs.

* * *

Этногеографическое введение к Повести временных лет (далее – ПВЛ) является в источниковедческом отношении одной из наименее изученных её частей.

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, проект 5.38.265.2015.

Достаточно сказать о том, что даже время создания этого памятника не установлено. Поскольку оно отсутствует в Новгородской Первой летописи, отразившей, по мнению А.А. Шахматова, предшествующий ПВЛ летописный свод конца XI в., то «выпадает» из шахматовской и следующих за ней реконструкций истории начального летописания. Следующие за схемой А.А. Шахматова учёные определяют время написания этногеографического введения началом XII в., временем создания самой ПВЛ (Рыбаков 1963: 217, 219-220 и сл.; 1982: 120 и сл.).

Однако, если в летописи этногеографическое введение впервые было введено в начале XII в. при составлении ПВЛ, то из этого никак не следует автоматически, что оно было написано именно в то время (ведь ряд мест в начале НПЛ можно рассматривать и как «выжимку» из него). Вполне возможно, что изначально введение существовало как самостоятельный памятник, впоследствии включённый в летописи (Кузьмин 1977: 296-326; 2003: 189-192). А.Г. Кузьмин, указывая, в частности, на то, что в этногеографическом введении Поморье включено в состав ляшских земель, датирует ядро этого произведения концом X – началом XI в. (Кузьмин 2003: 192, 207-208), так как вторично власть польских князей над Поморьем установилась лишь в 20-е гг. XII в.

Одной из частных источниковедческих проблем, связанных с этногеографическим введением к ПВЛ, является вопрос об использовании его автором/авторами каких-то произведений кирилло-мефодиевской традиции, вероятно, связанных с помещённым в ней под 6406 г. Сказанием о славянской грамоте, на возможность чего не раз указывалось в науке (Шахматов 1940: 80-92; Рыбаков 1963: 231-232; Кузьмин 1977: 297-326; 2003: 192-193). Вместе с тем, вопрос этот остаётся недостаточно изученным, что позволяет зачастую ограничиваться декларативным указанием на такие источники введения к ПВЛ и произвольно связывать с ними те или иные известия.

Очевидно, что подавляющее большинство сообщений этногеографического введения имеет восточнославянское/древнерусское происхождение: легенда о Кие и полянской дани хазарам, легенда о прародителях радимичей и вятичей Радиме и Вятко, рассказ о восточнославянских обычаях, сказание о путешествии апостола Андрея, описание этногеографии Восточной Европы, пути из варяг в греки и т.д.

Даже знаменитый рассказ о расселении славян с Дуная, который чаще всего связывают, так или иначе, с кирилло-мефодиевской традицией¹, вызывает в этом смысле вопросы. Слова «*Во мнозехъ же времяхъ сели суть Словени по Дунаевѣ, где естъ ныне Оугорьска земля и Болгарьска*» (ПСРЛ. I: 5; ПСРЛ. II: 5) указывают на то, что написаны они уже после падения Великой Моравии, сокрушённой как раз венгерским нашествием. Кроме того, уравнивание Венгрии и Болгарии и некоторая как бы отстранённость автора от них производит впечатление того, что этот пассаж написан не в Подунавье, а каким-то «внешним» по отношению к нему наблюдателем, жившим где-то в другом регионе славянской ойкумены и уже после гибели Моравии.

¹ Историографический обзор см.: Авенариус 1993.

Таким «внешним» автором вполне мог быть и древнерусский книжник, тем более, что невозможно сколько-нибудь надёжно разделить летописные известия о расселении славян, а большая часть из них посвящена именно восточным славянам и, скорее всего, имеет местное происхождение. Соответственно, прямое возведение даже известия ПВЛ о дунайской прародине славян к произведениям кирилло-мефодиевской традиции неочевидно, а весь рассказ о происхождении и расселении славян написан, скорее всего, на Руси, так как его первостепенное внимание к Восточной Европе вне сомнения (ср.: Рыбаков 1963: 232-235).

Во избежание произвольных суждений, вопрос об использовании в этногеографическом введении к ПВЛ произведений кирилло-мефодиевской традиции (как и вопрос об источниках, времени и месте написания введения в целом) нуждается в серьёзном всестороннем исследовании, ибо пока здесь больше вопросов, чем ответов.

Сказанное имеет прямое отношение к знаменитому известию о дулебах и аварах, которое периодически некоторые исследователи пытаются вырвать из восточноевропейского контекста (Волинь, где помещает дулебов ПВЛ), и объявить литературным памятником, восходящим не то к византийской, не то к кирилло-мефодиевской традиции. Насколько обоснованы такие суждения и кем же были дулебы Повести временных лет?

Летопись повествует, что «Словеньску же языку якоже рекохомъ, жиоуще на Дунаи, придоша от Скуфъ, рекше от Козаръ, рекомии Болгаре [и] седоша по Дунаеви, [и] населници Словеномъ быша. Посемъ придоша Оугри Белии, [и] наследииша землю Словеньску. Си бо Оугри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя царя Перьсаго. Въ си же времена быша и Обри, [и]же ходиша на Иркълия царя и мало его не яша. Си же добре воеваху на Словенех, и примучиша Дулебы, суцая Словены, и насилье творяху женамъ Дулепскимъ. Аще поехати будяше Обърину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести Обърена. [и] тако мучаху Дулебы. Быша бо Объре теломъ велици, и оумомъ горди, и Богъ потреби я, [и] помроша вси, и не остася ни единъ Объринъ. [и] есть притъча в Руси и до сего дне: “погибоша аки Обре”, ихже несть племени ни наследъка. По сихъ же придоша Печенези, паки идоша Оугри Чернии мимо Киевъ послеже при Олзе» (ПСРЛ. I: 11-12; ПСРЛ. II: 9).

Рис. 1. «Примучивание» дулебов обрами. Миниатюра Радзивиловской летописи

Многие исследователи рассматривали этот рассказ как свидетельство существования на Волыни в VI-VII вв. значительного этнополитического объединения дулебов, разгромленного аvaraми (Ключевский 1987: 122-124; Нидерле 2001: 169-170; Мавродин 1945: 85-86; Греков 1953: 441-443; Третьяков 1953: 297-298; Баран 1969; Седов 1982: 90-94; Рыбаков 1982: 236; Фроянов 2001: 724-727; Свердлов 2003: 92; Войтович 2006: 6-12; Жих 2008: 35-37).

Очевидно смещение в летописном пассаже славянской эпической традиции о борьбе дулебов с аvaraми, об иге, установленном кочевниками над славянами, со сведениями о восточном походе византийского императора Ираклия (610-641) и об аварской осаде Константинополя в 626 г., извлечёнными из хроники Георгия Амартола. Исследователи давно заметили это обстоятельство и некоторые из них стали на этом основании предполагать книжное происхождение всего рассказа.

С.А. Гедеонов полагал, что автор ПВЛ для того, чтобы «соображать исторические системы» (Гедеонов 2004: 319) мог «сокращать и облекать в историческую русскую форму» византийские сообщения о славянах и Руси (Гедеонов 2004: 318), в частности, он «умеет приноровить к Руси и самые греческие присловия, ибо знаменитая, чисто библейская притча: “Есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обре, ихъ же несть племени, ни наследъка” была известна грекам уже за два столетия до Нестора; в письме Симеону Болгарскому патриарх Николай говорит об аvaraх: “ἀλλὰ καί οὗτοι ἀπάλοντο, καί οὐδέ λβιψανον τοῦ γένους ὑφίσταται”» (Гедеонов 2004: 318-319).

Хотя сам С.А. Гедеонов своё наблюдение трактовал в контексте привязки летописцем византийского материала к реальным событиям древнерусской истории, известным ему по преданиям, А.С. Кибинь ныне полагает, что оно «ослабило главный аргумент, чётко привязывающий рассказ о притеснениях обров к восточноевропейскому ареалу» (Кибинь 2014: 158).

Но, во-первых, как справедливо указал Л.В. Войтович, «такая мысль (о бесследном исчезновении аvaraх – М.Ж.) в X в. могла прийти в голову практически всем, кто слышал об аvaraх. В письме патриарха нет ни одного намека на телеги, запряженные женщинами» (Войтович 2006: 8). По словам историка «попытки доказать, что составитель Древнейшего свода “изваял” дулебо-аварскую историю из литературного источника, выглядят ученой спекуляцией» (Войтович 2006: 8).

Во-вторых, и слова патриарха Николая Мистика, и приведённая летописцем «притча» имеют очевидную библейскую параллель (рассказ о допотопных исполинах, «сильных, издревле славных людях»: Быт. 6), соответственно, нет оснований предполагать здесь прямую зависимость летописи от византийского источника.

В-третьих, летописец ясно указывает, что приведённая им поговорка бытует на Руси и ни на какие греческие источники не ссылается. Между тем, такие ссылки для него при заимствованиях отсюда каких-то данных обычны: «Глаголетъ Георгий в летописаньи» (ПСРЛ. I: 14; ПСРЛ. II: 10), «при семь цари приходиши Русь на Царьгородъ, якоже пишется в летописаньи Гречьстемъ» (ПСРЛ. I: 17; ПСРЛ. II: 12) и т.д.

Наделение древних врагов чертами мифических великанов, древних насельников земли – традиционный фольклорный мотив, который, очевидно,

существовал и у славян, и который просто был литературно обработан летописцем в духе средневековой, ориентированной на Библию, книжности. Что дело обстояло именно так, подтверждается наличием западнославянской традиции об обрах, в которой они также наделялись качествами древних исполинов. По-чешски «великан» – *obr*, по-словацки – *obor*, *obrovská*, по-польски – *olbrzym* (древнепольское *obrzym*), по верхне-лужицки – *hobr*, по-словенски – *óbər*. Прямую параллель находим в немецком *Hühne* – «великан/исполин/богатырь», производном от этнонима «гунны».

Рис. 2. «Примучивание» дулебов обрами. Рисунок современного художника.
Из книги: Петрухин В.Я. Славяне. М., 1997. С. 31

Обращение к Хронике Георгия Амартола, откуда летописец почерпнул сведения о восточном походе императора Ираклия¹ и аварской осаде Константинополя 626 г.², показывает полное отсутствие там чего-либо похожего на сюжет о притеснении аварами дулебов.

Выявить какой-либо византийский прототип летописного рассказа об аварском иге над дулебами не удаётся. Перед нами оригинальное произведение, в которое добавлены сведения из Хроники Амартола, вводящие его в исторический контекст, коим для русских книжников было «летописание греческое».

Параллель данным ПВЛ находим во франкской «Хронике Фредегара» (ок. середины VII в.), рассказывающей об аварском иге над славянами Паннонской котловины накануне восстания Само: «виниды (славяне – М.Ж.) были “бефульками” гуннов (аваров – М.Ж.) уже с давних пор, так что всякий раз, когда гунны отправлялись войском против какого-нибудь народа, гунны стояли около лагеря, выстроившись в боевой порядок, виниды же сражались. Если им удавалось одержать победу, гунны устремлялись

¹ «...Хоздрой нечестивый посла етера князя на грекы... Царь же Ираклий... на персы исполчися, еще же призвавъ угры на помощь»: Истрин 1920: 434.

² «Тогда и обри (в греческом оригинале οἱ ἄβαροι, в сербском переводе Хроники Амартола – «авари»: ПВЛ 2007: 392) придоша к цареви мира просить с лестию. Их проуготовление прият в Ираклии сътвори слом, ту покояшеть а. Си же, злое в сердце своемъ имуще, к своим сродником послаша вестъ: “Скоро грядите, се бо царь богат у нас есть”. Онем же сверепом бесом никако ж ослабивше, на земли ту придоша. Приобретаниемъ человеколюбивому богу, спасающу правья сердцем, одва в Узантию възвратився, царь приде. Они же, гнавше по нем далече и не състигше, все богатство его взяша и, на Фракисть нагнавше, плениша мужъ и жен тысящ 70. И тако възвратишя в свояси»: Истрин 1920: 434.

вперёд, чтобы захватить добычу, если же виниды бывали тесными, то, укреплённые в силах помощью гуннов, они снова принимались сражаться. Поэтому они и были прозваны гуннами “бефульками”, ибо в битве, дважды строя свои боевые порядки, они шли в бой впереди гуннов. Гунны ежегодно отправлялись зимовать в земли славян и брали себе на ложа жен и дочерей славов; помимо других повинностей, славяне должны были платить гуннам дань (IV. 48)» (Хроники Фредегара 2015: 212. См. также: Свод II: 367).

По источникам, помимо Волыни дулебы известны в западнославянском и в южнославянском ареалах близ Паннонии (сводки соответствующих данных см.: Niederle 1910: 369-370; Королюк 1963; Labuda 1970; ЭССЯ 5: 147-148; Кибинь 2014: 157-158): в грамоте восточнофранкского короля Людовика II (843-876) зальцбургскому архиепископу Адальвину в числе прочих владений фигурирует *Tudleipin*, он же назван и в последующих подтверждениях владений архиепископства; в сфальсифицированной во времена Оттона II (973-983) «Грамоте короля Арнульфа 891 г.» назван *comitatus Dudleipa*; в «Обращении баварцев и карантанцев» (*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*), созданном ок. 870 г. в числе построенных блатенским князем Прибиной (846-860) церковей значится одна *in Dudleipin*; гидронимы и топонимы, производные от **dudlěb-* имеются в Австрии, Словении, Сербии, Хорватии (например: *Duliba* – долина в дивосельском Велебите, *Duliba* – гора в Боснии, *Dufdjlieb* – местность в Каринтии и т.д.); у ал-Масуди в «Золотых копиях и россыпях самоцветов» (ок. 947 г.) назван народ *дулаба* с правителем по имени *Ван.дж С.лаф*, отождествляемым традиционно с чешским королём Венцеславом (921-929), видимо, маркировавший всех чехов в целом; в Южной Чехии известен город Доудлебы (*Dudlebi*), упоминаемый Козьмой Пражским в числе владений Славника (ум. 981); под 1060 г. в тирольских актах фигурирует местность *Dulieb* в районе верхней Дравы.

Сопоставляя приведённые данные (обозначение великанов словами, производными от имени обрвов в западнославянских языках, рассказ хроники Фредегара, наличие имени дулебов в западнославянской ономастике) ряд учёных предположил, что летописный рассказ об аварском иге над дулебами относится не к волынским, а к западнославянским, чешским или же к паннонским дулебам и связан своим происхождением с кирилло-мефодиевской традицией.

Ф. Вестберг следующим образом аргументировал эту гипотезу:

1) авары у восточных славян назывались не «обрами», а «аварами», что явствует из «Слова о полку Игореве», в то же время в «Житии Константина» находим именно «обрвов»;

2) книжный характер оборота «погибоша аки Обре, ихъ же несть племени, ни наследъка»;

3) всё содержание отрывка об аварах и дулебах происходит из какого-то древнего хронографа, византийского или болгарского, что доказывается точностью и достоверностью содержащихся в нём сведений о византийско-персидских и византийско-аварских отношениях, невысказанной для устного предания;

4) земли волынских дулебов лежали в стороне от пути авар в Паннонию (Вестберг 1908: 395-396).

Доводы Ф. Вестберга были полностью приняты А.Е. Пресняковым, по мнению которого, «в истории авар, собственно, нет и места для сколько-нибудь длительного их соседства в местностях, заселенных восточными славянами. Все, что мы знаем о встрече этих славян с аварами, – это известие Менандра о разгроме антов аварами, которые грабили славянскую землю и забирали невольников. Исторической чертой народного предания, сохраненного летописью, могло бы быть разве воспоминание о жестокости авар к поработленным пленникам. Но возможно и другое: что рассказ этот забрел в нашу летопись книжным путем из западнославянского ее источника, где шла речь о притеснениях аварами чешского племени дулебов в духе рассказов об этом латинской Хроники Фредегария» (Пресняков 1993: 264).

Приведённая аргументация, на наш взгляд, не состоятельна. Все «достоверные и точные исторические данные» (Вестберг 1908: 395) летописного рассказа являются, как говорилось выше, заимствованиями из Хроники Амартола, которые вообще крайне многочисленны в начальной части ПВЛ (как недатированной, так и датированной), они словно «прошивают» её (см. о них: Шахматов 1940: 41-61)¹. Ничего похожего на рассказ об аварском иге над дулебами у Амартола нет. Перед нами типичный пример «историзации» летописцем своих славянских данных через византийский материал. Поговорка об исчезновении обров является обычным вариантом повествования о древних врагах.

Упоминаемые в «Слове о полку Игореве» *шеломы оварьскыя* могут быть связаны не с аварами, а с аварцами (Творогов 1995: 22-23). Также вполне возможно, что данный этноним является заимствованием из греческого, соответственно, ничего не говорит о том, как на Руси именовались авары. По словам Н.М. Дылевского, написание «оварьский» с начальным «о» вместо «а», «отвечающим безударному, краткому а (α) греч. αβαρικος вполне соответствует фонетическим нормам заимствования древнеславянским из греческого» (Дылевский 1962: 186).

Имя «обры» использовалось в древнерусской письменности и вне ПВЛ, что указывает на его бытование в русской традиции. Соответствующие примеры приводятся И.И. Срезневским: «*Меръна Обьринъ родомъ*» (*Жит. Фед. Стр. 16. Мин. чет. февр. 348*); «*Магогъ, от сего суть вси языци, иже живутъ на полунощи: Козари, Руси, Объри, Болгари и ини вси*» (*Меф. Пат. Оп. II. 2. 31*); «Объри» употреблено вместо греческого βαρβαροι: «*Аще мы се ныне знаемъ, не мы же тѣчию, нѣ и Оугри и Объри*» (ἀλλά καὶ Σκύθαι καὶ βαρβαροι: *Златостр. XII в. (В)*) (Срезневский 1902: 578). Последний пример можно сопоставить с тем, что, говоря об осаде Константинополя аварами, русские книжники перевели οἱ ἄβαροι как «обры» (см. выше).

«Хроника Фредегара» повествует об аварском иге над славянами Паннонской котловины, как наиболее близкого франкам региона, но совершенно очевидно, что аналогичным образом складывались отношения славян с аварами по всему периметру их соприкосновения. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к сочинениям византийских авторов, которые описывают аваро-славянские отношения в других регионах. Менандр Протектор (VI в.) сообщает: «*правители антов были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье,*

¹ И иногда сопровождаются прямыми ссылками: ПСРЛ. I: 14; ПСРЛ. II: 10.

авары сразу же стали опустошать [их] землю и грабить [их] страну» (Свод II: 317); «с того времени более, чем раньше, стали они (авары – М.Ж.) разорять землю антов, и не переставали поработать жителей, грабя и опустошая [её]» (Свод II: 317).

Тот же автор передаёт слова аварских послов, сказанные в Константинополе в 565 г., которые, дабы получить дары от императора Юстина II (565-578), в числе прочих заслуг аваров перед империей указали: *«и отца твоего, дарами нам изъявлявшего расположение, мы отдавали тем, что и имея возможность, не совершали набегов на ромейскую [землю], но выказывали [и] нечто большее. Ведь из ваших соседей мы разом истребили варваров, постоянно грабивших Фракию, и никого из них не осталось для набегов на фракийские пределы. Ибо боятся они силы аваров, дружественно относящихся к державе ромеев» (Свод II: 319). Очевидно, что «варвары, грабившие Фракию» – это, преимущественно, славяне, ведь далее Менандр рассказывает: «[Тиверий] и побуждает его (кагана авар – М.Ж.) поднять войну против славян, чтобы те, кто разоряет [землю] ромеев, отвлекаемые своими бедствиями и желая помочь отеческой [земле], скорее бы прекратили разграбление ромейской [земли], а другие приняли на себя опасности своей [земли]» (Свод II: 319-320).*

По сообщению Феофилакта Симокатты (580-е гг. – середина VII в.), в 602 г. *«каган (авар – М.Ж.)... направил Апсиха с войском и приказал истребить племя антов» (Феофилакт Симокатта 1957: 180. См. также: Свод II: 43). Удалось ли аварским войскам выполнить задуманное – неизвестно, скорее всего, нет (Литаврин 2001), но показательно само намерение, хорошо передающее колорит аваро-славянских отношений.*

Находившаяся на восточных рубежах Аварского каганата Волынь едва ли могла миновать тяжесть аварских набегов, но она не имела своего Фредегара или Менандра, которые могли бы их описать, так как находилась слишком далеко и от державы франков, и от Византии. Археологические материалы свидетельствуют о значительности аварского погрома на Волыни. Аварами было разрушено городище Хотомель (Кухаренко 1961: 9-10), в нижнем слое которого обнаружены аварские стрелы (Баран 1972: 67-68). Та же участь постигла и городище Зимно (Ауліх 1972: 56-59; Тимощук 1990: 154).

Л.В. Войтович считает, что на своём пути в Паннонию авары прошли через Волынь и завоевали её ок. 561-562 гг. (Войтович 2006: 11), что одно время принималось и нами (Жих 2008: 36), однако, ныне то, что основной путь аварской миграции шёл так далеко от степной полосы кажется нам маловероятным. Логичнее полагать, что Волынь подвергалась аварским набегам с запада, уже из Паннонии, как полагал А.А. Шахматов (Шахматов 1919: 20). К этому склоняют и археологические материалы, так городище Зимно погибает в огне аварской осады только в VII в. (Тимощук 1990: 155).

Идею о том, что в летописном рассказе о «примучивании» аварями дулебов речь идёт не о волынских, а о паннонских дулебах развивал В.Д. Королюк (Королюк 1963; 1964: 99; 1979.)¹. При этом учёный сделал следующую ремарку: «ссылки на то,

¹ Взгляды учёного нашли поддержку Г.А. Хабургаева (Хабургаев 1979: 146-147) и С.В. Кончи (Конча 2005: 24). К аналогичным выводам пришёл чуть раньше С. Кучинский: Kuczyński 1958: 24-31.

что летописный рассказ о насилиях авар (обров) над дулебами относятся не к восточному, а к западному, точнее паннонскому славянству, ни в коей мере не предпрещает ещё вопроса о существовании восточнославянских дулебов. Приведённые выше неоднократные упоминания в русской летописи о восточнославянских дулебах не оставляют никакого сомнения в том, что такое восточнославянское племя было хорошо известно древнерусскому летописцу начала XII в., прекрасно разбиравшемуся в вопросах современной ему исторической географии» (Королюк 1964: 99).

Этот тезис учёного можно и дополнить указанием на то, что *ПВЛ вообще не знает никаких дулебов, кроме волынских* (их археологическую характеристику см.: Баран 1969; 1972; Седов 1982: 90-94; 1999: 41-50), ни западнославянские, ни паннонские дулебы неизвестны её авторам. В этногеографическом введении к ПВЛ сообщается, что «*Бужане зане седоша по Бугу послеже же Вельняне*» (ПСРЛ. I: 11; ПСРЛ. II: 8), то есть дулебы – древние обитатели Волыни. Данный летописный пассаж указывает на то, что на определённом этапе политическая гегемония на Волыни (видимо, как раз в результате ослабления дулебов в войне с аварами) перешла к воляныям (Рыбаков 1982: 236-237; Войтович 2006: 7, 11-12; Жих 2008: 37).

Дулебы названы в числе участников похода Олега на Константинополь в 907 г. (ПСРЛ. I: 29; ПСРЛ. II: 21). Ряд исследователей считает это упоминание искусственным книжным конструктом, диссонирующим с известием о дулебах как древних насельниках Волыни (Середонин 1916: 134; Королюк 1964: 90-91; Седов 1982: 92; Горский 2004: 22-23. Примеч. 6; Кибинь 2014: 158). В защиту известия о дулебах как участниках похода Олега выступил Л.В. Войтович (Войтович 2006: 7). Как бы ни решался этот вопрос, очевидно, что для летописцев дулебы – жители Восточной Европы, наряду с другими участниками олегова похода, которые все совершенно реальны и ничего «книжного» в себе не несут (варяги, словене, чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, вятичи, хорваты, северяне, тиверцы).

Поскольку никаких иных дулебов, кроме волынских, ПВЛ не знает, гипотеза о том, что в легенде об аварском иже над дулебами, речь шла не о них, а о дулебах Чехии или Паннонии, выглядит крайне маловероятной. В этом случае летописец отметил бы, что ему известно о последних, связал бы своё сообщение с ними, но ничего подобного мы не видим.

Нельзя не коснуться вопроса о причинах такого широкого распространения имени дулебов (см. рис. 3). Повторяемость этнонимов – характерная черта славянской ономастики (Трубачев 1974), которая обычно трактуется как следствие славянского расселения VI-VII вв., когда старые праславянские племенные объединения распадались, а их осколки оказывались за сотни километров друг от друга. Впрочем, о некоторых славянских именах (типа «поляне» – «жители поля» на Среднем Днепре и в Польше) нельзя сказать наверняка, имеем ли мы дело с осколками древнего славянского «племени» или же с названиями, конвергентно возникшими на славянской языковой почве. Иначе дело обстоит со славянскими этнонимами, имеющими иноязычное происхождение – здесь мы довольно уверенно можем говорить об общности происхождения их носителей (ср.: Горский 2004: 13. Примеч. 10).

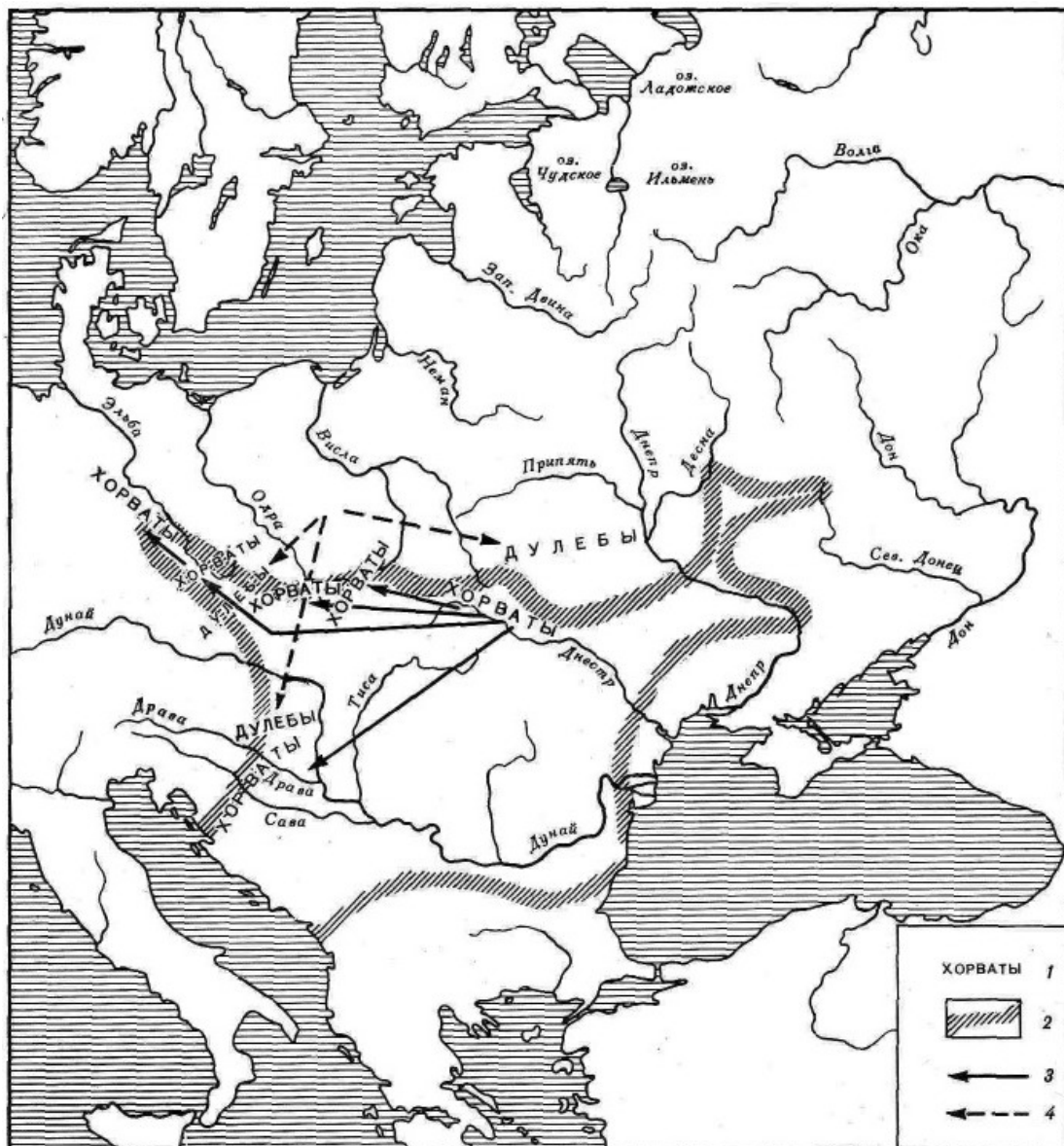

Рис. 3. Распространение праславянских этнонимов в эпоху средневековья
Из книги: Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 132

1 – локализация племен; 2 – ареал славянской керамики второй группы (пражско-корчакской);
3 – направления расселения хорватов; 4 – предположительное направление миграции дулебов

К этой последней группе принадлежит и имя «дулебы», которое имеет германскую этимологию. Согласно О.Н. Трубачеву «в слав. *dudlebi скрывается герм. *daud-laiba- с этимологическим значением “наследство умершего, выморочное наследство”, что хорошо вяжется с раннеисторическим процессом освоения славянами земель, покинутых одно время германскими племенами» (Трубачев 1974: 53).

По мнению В.В. Седова «поскольку этот этноним (дулебы – М.Ж.) имеет западногерманское происхождение, то, видимо, нужно допустить, что славянское племя дулебов сложилось ещё в римское время где-то по-соседству с западногерманским населением. Оттуда дулебы расселились в разных направлениях. Средневековые письменные источники фиксируют дулебов на Волыни, в Чехии, на

Среднем Дунае, между озером Балатон и рекой Мурсой, и в Хорватии на Верхней Драве» (Седов 1979: 132-133). В более поздней своей работе В.В. Седов уточнил, что, по всей видимости, «племенное образование дулебов сложилось ещё в римское время, когда на территории пшеворской культуры имели место внутрорегиональные контакты славян с германцами, в том числе и с западногерманскими племенами» (Седов 1999: 46).

Таким образом, вопрос о том, шло ли расселение дулебов с Волыни (ряд историков предполагал, что именно там находилась их «прародина», а толчок расселению дало аварское нашествие: Корольюк 1979: 56-57; Рыбаков 1982: 236; Войтович 2006: 11; Жих 2008: 36), или откуда-то из Висло-Одерского междуречья (см. рис. 3), остаётся открытым.

С.В. Конча недавно высказал гипотезу, согласно которой дулебы на Волыни – это выходцы из Подунавья, бежавшие туда от аварского ига, они же и были носителями предания о его тяготах, попавшего в летопись (Конча 2005: 28). На наш взгляд, такой трактовке противостоят археологические следы аварского погрома на Волыни, которые указывают на то, что эта земля точно так же, как и Подунавье, страдала под ярмом завоевателей, по крайней мере, какое-то время.

Принципиально иное понимание широкой распространённости имени «дулебы» дал ныне А.С. Кибинь. Развивая идеи В. Поля, К. Фокта и Д.Е. Алимова, исследователь предположил, что дулебы (равно как и сербы с хорватами), поскольку они фиксируются источниками как бы по периферии сферы влияния авар, а их имя имеет западногерманское происхождение, представляли собой изначально некую полиэтничную группировку в составе Аварского каганата, сформировавшую собственную групповую идентичность (возможно, изначально и не имевшую этнического характера), а впоследствии, в период кризиса аварской политики, вышедшую из-под аварского контроля. Соответственно, никакого «праславянского племени» дулебов никогда не существовало (Кибинь 2014: 159-163).

Рассмотрение всего комплекса вопросов, поднятых учёным и связанных с общим пониманием механизмов этногенеза вообще и славянского, в частности, далеко выходит за рамки настоящей статьи, поэтому ограничимся некоторыми предварительными замечаниями.

Размещение дулебов словно по периферии Аварского каганата не свидетельствует само по себе о том, что их становление связано с этой политией. В этом случае скорее ожидалось бы, что они окажутся внутри её границ. Аварское нашествие рассекло славянский ареал и должно было вызвать значительные перемещения славян. Во-первых, славяне, в значительной своей части, должны были уйти из земель занятых аварами, отступить на их окраины, причём, вполне возможно, что такое бегство шло в разные стороны. Во-вторых, миграции славян не могли затрагивать коренные земли каганата, они могли проходить только вдоль его границ.

Ни один источник не знает дулебов (равно как хорватов или сербов) в качестве этносоциальной или какой-то иной группы населения в Аварском каганате, отношения же авар со славянами хорошо описаны в источниках (хроника Фредегара,

Менандр Протектор, Феофилакт Симокатта) и они не выходят за рамки одной из традиционных схем отношений «кочевники-земледельцы».

Важно подчеркнуть и то, что славянский этногенез, становление разных славянских этнополитических объединений, полным ходом шли до появления авар. Последние пришли в Паннонию только в середине VI в., в конце 550-х – начале 560-х гг. (Седов 2002: 229-231; Войтович 2006: 11). В 550-551 гг. Иордан, опираясь на более ранние сведения Кассиодора Сенатора (тот написал свой труд по истории готов между 526/527-533 гг.), писал: «...начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами (Iord., Get. 34)» (Иордан. 2013: 67. См. также: Свод I: 107); «теперь, по грехам нашим, они (венеты – М.Ж.) свирепствуют повсеместно (Iord., Get. 119)» (Иордан 2013: 84. См. также: Свод I: 111). О том, как именно славяне «свирепствуют повсеместно» хорошо известно по византийским источникам, описывающим их нападения на владения империи.

Источники говорят о том, что славяне оказывали пришедшим аварам серьёзное сопротивление, соответственно, имели к моменту их появления как собственную идентичность, так и социально-политическую организацию. Согласно Менандру Протектору, один из славянских правителей Даврентий так ответил аварам на их требование подчиниться и платить дань: «родился ли среди людей и согревается ли лучами солнца тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужой [землей], а не другие нашей. И это для нас незыблемо, пока существуют войны и мечи» (Свод I: 321). Идея о какой-то значительной роли Аварского каганата в славянском этногенезе/социогенезе не находит опоры в источниках.

Оригинальную гипотезу книжного происхождения легенды об аварском иге над дулебами высказал П. Вацци, согласно которому соответствующий рассказ сложился как бы в три этапа: 1) основа рассказа о дулебах и аварах могла быть создана в период пребывания Кирилла и Мефодия в Блатнограде, где они просвещали подданных князя Коцела и относилась к паннонским славянам; 2) из Блатнограда какие-то ученики Кирилла и Мефодия перенесли его в Моравию; 3) после бегства вследствие гонений учеников Кирилла и Мефодия из Моравии в Болгарию туда же, в числе прочего, попал и рассказ о притеснении аварами дулебов. Там он был записан, и этим источником воспользовался составитель этногеографического введения к ПВЛ (Váczy 1974). Гипотеза П. Вацци нашла поддержку А.С. Кибиня (Кибинь 2014: 159).

На наш взгляд, построения венгерского учёного не доказаны. Его гипотеза предполагает довольно сложный кружной путь рассказа об аварском иге из Блатнограда на Русь, который сугубо гипотетичен. Почему он последовательно переписывался в разных странах? В чём была такая важность и ценность его для болгарских книжников? И в чём – для древнерусских? Все эти вопросы остаются без ответа.

Важно и замечание А.А. Шахматова, пытавшегося восстановить в полном виде текст того западнославянского источника кирилло-мефодиевской традиции,

которым располагал составитель ПВЛ, сделанное им ещё в связи с работами Ф. Вестберга и А.Е. Преснякова: «было высказано предположение о том, что рассказ об Обрах, примучивших Дулебов, восходит к тому самому западнославянскому источнику, который лежит в основании Сказания о преложении книг на словенский язык; Дулебы – это не русские Дулебы, а чешские дудлебы (Doudlebi). Предположение остроумно и заманчиво, но признать его вероятность не могу потому, что рассказ о Дулебах не согласуется с общим тоном Сказания, как оно предположительно восстанавливается» (Шахматов 1940: 91). И далее учёный называет повествование об аварском иге «русским народным преданием» (Шахматов 1940: 92).

Поскольку возвести рассказ о «примучивании» дулебов к «Сказанию о славянской грамоте» не удаётся, то получается, что в случае моравско-болгарского происхождения он должен был существовать в качестве отдельного произведения, доступного составителю ПВЛ. Вероятность существования такого отдельного источника выглядит не большой.

Подводя итоги сказанному, мы считаем, что понимание рассказа об аварском иге над дулебами как зафиксированного в летописи предания потомков волынских дулебов (Ключевский 1987: 123; Шахматов 1940: 92; Мельникова 1999: 155; Петрухин, Раевский 2004: 177-179, 236; Войтович 2006: 8; Жих 2008: 36), обработанного летописцем в соответствии со своими принципами историописания, ориентированным на библейские и византийские образцы, является наиболее вероятным. В пользу такого решения вопроса свидетельствуют, на наш взгляд, следующие обстоятельства:

1) Летопись не знает никаких иных дулебов, кроме волынских. Если бы в рассказе об аварском иге шла речь о других дулебах, летописец как-то обозначил бы это, но ничего подобного мы не видим;

2) Восточнославянские легенды и предания широко используются в ПВЛ (легенды о Кие, о Радиме и Вятко, о хазарской дани мечами с полян, о призвании варягов и т.д.);

3) Вся начальная часть ПВЛ словно «прошита» заимствованиями из хроники Георгия Амартола, в этом смысле повествование об аварском иге над дулебами, обрамлённое взятыми у Амартола рассказами о персидском походе Ираклия и нападении авар на Царьград, несколько из неё не выбивается, напротив, прекрасно вписывается в её контекст, так летописец осуществлял «историзацию» восточнославянского материала;

4) Очевидно, что авары подвергали славян притеснениям не только в тех местах, о которых рассказывает хроника Фредегара, но повсюду, где могли (см., например, известия Менандра Протектора). Очевидно и то, что все славяне, ставшие жертвами аварского ига, создавали фольклорные произведения об этом печальном событии, отсюда сходство рассказа ПВЛ с пониманием оброчников как великанов в западнославянской традиции. Возможно, понимание аваров как великанов в славянской традиции восходит к каким-то собственным аварским представлениям о самих себе, своей силе и могуществе (см. рис. 4);

5) Аварское нашествие на Вольту подтверждается археологическими данными (гибель городищ Хотомель и Зимно);

6) Летописец прямо указывает на то, что притча об обрах бытует именно на Руси и подозревать здесь какую-то мистификацию нет оснований (ср.: Шахматов 1940: 92; ПВЛ 2007: 392). Её сходство с библейскими и византийскими аналогами может быть следствием простой конвергенции. В любом случае библейские аллюзии (обры как допотопные исполины, наказанные Богом) наложены летописцем на славянскую фольклорную основу (ср.: Ключевский 1987: 123; Мельникова 1999: 155);

7) Этноним «обры» был хорошо известен древнерусским книжникам и использовался ими.

Рис. 4. «Великий телом» аварский воин ведёт пленника (судя по пластинчатому доспеху – византийца).
Изображение на сосуде из клада, найденного в 1799 г. у селения Надь-Сент-Миклош

Летописец пересказал эпическое предание о войне между аварами и вольтскими дулебами, в котором авары наделены чертами мифических великанов, предшествовавших заселению земли обычными людьми, славянами. В ходе этой войны славяне были разгромлены, и завоеватели возложили на них *уго* (*jъgo) – так в древней Руси обозначались угнетение и насилие, а первоначально, по всей видимости, во времена авро-дулебской войны, – «ярмо, воловь упряжь» (Журавлёв 1996: 143), в которую завоеватели запрягали дулебских женщин.

В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский полагают, что «видимо, в летописи мы имеем дело с фрагментами “земледельческого” эпоса, где эпические враги используют женщин в качестве тягловых животных, налагая на них ярмо – “иго”. Обычай брать дань с плуга – с “рала” (в Древней Руси и других ранних славянских государствах – М.Ж.) – подкреплял это значение» (Петрухин, Раевский 2004: 179).

Б.А. Рыбаков трактовал летописное предание иначе: «печальная повесть об аварских насилиях над дулебами... вероятно, сложилась ещё во времена могущества Аварского каганата и должна была служить целям организации борьбы с насильниками-обрами. Повесть взывает к рыцарским чувствам славян, особенно ярко изображая издевательство чужеземцев над женщинами, используя при этом образ аварского вельможи, возлежащего на телеге, которую везут на себе впряжённые вместо коней женщины побеждённого племени дулебов» (Рыбаков 1963: 37).

Как бы то ни было, перед нами одно из народных славянских преданий, относящееся к циклу о борьбе с врагами-кочевниками, попавшее в летопись. Наиболее вероятно, что оно представляло собой фрагмент эпоса волынских дулебов. Попадание на Русь какого-то паннонского/западнославянского предания о дулебах остаётся не доказанным и нуждается в дополнительной аргументации.

ЛИТЕРАТУРА

Авенариус 1993 - *Авенариус А.* Ранние славяне в Среднем Подунавье: автохтонная теория в свете современных исследований // *Славяноведение*. 1993. № 2. С. 27-41.

Ауліх 1972 - *Ауліх В.В.* Зимнівське городище – слов'янська пам'ятка VI-VII ст. н.е. в Західній Волині. Київ: Наукова думка, 1972. 124 с.

Баран 1969 - *Баран В.Д.* Археологічні пам'ятки VI-VII ст. на території Західної Волині – зажливо джерело до вивчення літописних дулебів // *Український історичний журнал*. 1969. № 4.

Баран 1972 - *Баран В.Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ: Наукова думка, 1972. 244 с.

Вестберг 1908 - *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // *Журнал министерства народного просвещения*. Новая серия. 1908. Часть XIII. Февраль. С. 364-412.

Войтович 2006 - *Войтович Л.В.* Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э. Начальные этапы формирования государственности // *Rossica antiqua: Исследования и материалы*. 2006. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 6-39.

Геденов 2004 - *Геденов С.А.* Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка – В.В. Фомин. 2-е издание, комментированное. М.: Русская панорама, 2004. 656 с.

Горский 2004 - *Горский А.А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.

Греков 1953 - *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 568 с.

Дылевский 1962 - *Дылевский Н.М.* Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным // *Слово о полку Игореве – памятник XII в. М.; Л.*: Издательство АН СССР, 1962. С. 169-254.

Жих 2008 - *Жих М.И.* О предыстории Волынской земли (VI – начало X века) // *Международный исторический журнал «Русин»*. 2008. № 3-4 (13-14). С. 35-57.

Журавлёв 1996 - *Журавлёв А.Ф.* Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // *Очерки истории культуры славян*. М.: Индрик, 1996. С. 116-144.

Иордан 2013 - *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. 2-е издание. СПб.: Алетейя, 2013. 512 с.

Истрин 1920 - *Истрин В.М.* Книги времени и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Пг, 1920. 634 с.

Кибинь 2014 - *Кибинь А.С.* Дулебы в поставарском историко-политическом контексте (новые направления историографии) // *Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии.* СПб.: Нестор-История, 2014. С. 157-165.

Ключевский 1987 - *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть I // *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. I. М.: Мысль, 1987. 432 с.

Конча 2005 - *Конча С.В.* «Дулібський союз» між міфом і дійсністю // *Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка.* Українознавство. 2005. № 9. С. 23-29.

Королюк 1963 - *Королюк В.Д.* Авары (обрывы) и дулебы русской летописи // *Археографический ежегодник за 1962 год.* М., 1963. С. 24-31.

Королюк 1964 - *Королюк В.Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. М.: Наука, 1964. 384 с.

Королюк 1979 - *Королюк В.Д.* Дулебы и анты, авары и готы // *Проблемы типологии в этнографии.* М.: Наука, 1979. С. 53-59.

Кузьмин 1977 - *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М.: Издательство МГУ, 1977. 394 с.

Кузьмин 2003 - *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.

Кухаренко 1961 - *Кухаренко Ю.В.* Средневековые памятники Полесья / *Археология СССР.* Свод археологических источников. Выпуск Е1-57. М.: Издательство АН СССР, 1961. 40 с.

Литаврин 2001 - *Литаврин Г.Г.* О походе аваров в 602 г. против антов // *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне (сборник статей). СПб.: Алетейя, 2001. С. 568-578.

Мавродин 1945 - *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. Л.: Издательство ЛГУ, 1945. 429 с.

Мельникова 1999 - *Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // *Восточная Европа в исторической ретроспективе.* К 80-летию В.Т. Пашуто. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 153-165.

Нидерле 2001 - *Нидерле Л.* Славянские древности / Перевод с чешского Т. Ковалевой, М. Хазанова, ред. А.Л. Монгайта. 2-е издание. М.: Алетейя, 2001. 592 с.

Петрухин 1997 - *Петрухин В.Я.* Славяне. М.: Росмэн, 1997. 112 с.

Петрухин, Раевский 2004 - *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004. 416 с.

ПВЛ 2007 - *Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева, под редакцией В.П. Адриановой-Перетц / 3-е издание с дополнениями М.Б. Свердлова.* СПб.: Наука, 2007. 670 с.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

Пресняков 1993 - *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.

Рыбаков 1963 - *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.: Издательство АН СССР, 1963. 362 с.

Рыбаков 1982 - *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 598 с.

Свердлов 2003 - *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.

Свод I - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I-VI вв.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 472 с.

Свод II - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII-IX вв.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 591 с.

Седов 1979 - *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 158 с.

Седов 1982 - *Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.

Седов 1999 - *Седов В.В.* Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

- Седов 2002 - *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.
- Середонин 1916 - *Середонин С.М.* Историческая география. Пг, 1916. 240 с.
- Срезневский 1902 - *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. Л-П. СПб., 1902. 918 с.
- Творогов 1995 - *Творогов О.В.* Авары // Энциклопедия «Слова о полку Игоре»». Т. 1. А-В. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 22-23.
- Тимошук 1990 - *Тимошук Б.А.* Социальная сущность городища Зимно // Раннеславянский мир: материалы и исследования. Выпуск 1. М., 1990. С. 151-157.
- Третьяков 1953 - *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М.: Издательство АН СССР, 1953. 312 с.
- Трубачев 1974 - *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48-67.
- Феофилакт Симокатта 1957 - *Феофилакт Симокатта.* История / Вступительная статья Н.В. Пигулевской, перевод С.П. Кондратьева, примечания К.А. Осиповой. М.: Издательство АН СССР, 1957. 227 с.
- Фроянов 2001 - *Фроянов И.Я.* К истории зарождения Русского государства // Фроянов И.Я. Начала Русской истории. Избранное. М.: Издательский дом «Парад», 2001. С. 717-751.
- Хроники Фредегара 2015 - *Хроники Фредегара /* Перевод с латинского, комментарии, вступительная статья Г.А. Шмидта. СПб.: Евразия; М.: ИД Клио, 2015. 464 с.
- Шахматов 1919 - *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. 64 с.
- Шахматов 1940 - *Шахматов А.А.* Повесть временных лет и её источники // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1940. IV. С. 9-150.
- ЭССЯ 5 - *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд.* Вып. 5 / Под редакцией О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1978. 232 с.
- Kuczyński 1958 - *Kuczyński S.M.* Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII // *Slavia Orientalis.* 1958. 2.
- Labuda 1970 - *Labuda G.* Du(d)lebowie // *Słownik starożytności słowiańskich.* T. 1, cz. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970.
- Niederle 1910 - *Niederle L.* Slovanske starozitnosti. T. II. Praha, 1910.
- Váczy 1974 - *Váczy P.* A frank háboru és az avar nép // *Századok.* 1974. 5-6. S. 1041-1061.

REFERENCES

- Aulih 1972 - *Aulih V.V.* Zimniv's'ke gorodishhe – slov'jans'ka pam'jatka VI-VII st. n.e. v Zahidnij Volini [Zimno's ancient settlement – a monument of Slavs of the VI-VII centuries in the Western Volhynia], Kiiiv, Naukova dumka Publ., 1972, 124 p. [in Ukrainian].
- Avenarius 1993 - *Avenarius A.* Rannie slavyane v Srednem Podunav'e: avtohtonnaja teorija v svete sovremennyh issledovanij [Early Slavs on average Podunav'ye: the autochthonic theory in the light of modern researches], in: Slavjanovedenie [Slavic studies], 1993, № 2, pp. 27-41 [in Russian].
- Baran 1969 - *Baran V.D.* Arheologichni pam'jatki VI-VII st. na territorii Zahidnoj Volini – zazhlyvo dzherelo do vivchennja litopisnih dulebiv [Archaeological monuments of the VI-VII centuries in the territory of the Western Volhynia – an important source for studying of annalistic duleb], in: Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian historical magazine], 1969, № 4 [in Ukrainian].
- Baran 1972 - *Baran V.D.* Ranni slov'jani mizh Dnistrom i Prip'jattju [Early Slavs between Dniester and Prip'yat], Kiiiv, Naukova dumka Publ., 1972, 244 p. [in Ukrainian].
- Dylevskij 1962 - *Dylevskij N.M.* Leksicheskie i grammaticheskie svidel'stva podlinnosti «Slova o polku Iгоре» po starym i novym dannym [Lexical and grammatical testimonies of authenticity of «Tale of Igor's Campaign» according to old and new data], in: Slovo o polku Iгоре – pamjatnik XII v. [The Tale of Igor's Campaign – a monument of the XII century], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, pp. 169-254 [in Russian].

Feofilakt Simokatta 1957 - *Feofilakt Simokatta*. Istorija / Vstupitel'naja stat'ja N.V. Pigulevskoj, perevod S.P. Kondrat'eva, primechanija K.A. Osipovoj [History / Introductory article of N.V. Pigulevskaya, S.P. Kondratyev's translation, notes K.A. Osipova], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1957, 227 p. [in Russian].

Frojanov 2001 - *Frojanov I.Ja.* K istorii zarozhdenija Russkogo gosudarstva [To history of origin of the Russian state], in: Frojanov I.Ja. Nachala Russkoj istorii. Izbrannoe [], Moscow, Izdatel'skij dom «Parad» Publ., 2001, pp. 717-751 [in Russian].

Gedeonov 2004 - *Gedeonov S.A.* Varjagi i Rus'. V 2-h chastjah / Avtor predislovija, kommentarijev, biograficheskogo ocherka – V.V. Fomin. 2-e izdanie, kommentirovannoe [Varangians and Russia. In 2 parts / the Author of the preface, comments, a biographic sketch – V.V. Fomin. 2nd edition, with comments], Moscow, Russkaja panorama Publ., 2004, 656 p. [in Russian].

Gorskij 2004 - *Gorskij A.A.* Rus': Ot slavjanskogo rasselenija do Moskovskogo carstva [Russia: From Slavic moving to the Moscow kingdom], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004, 392 p. [in Russian].

Grekov 1953 - *Grekov B.D.* Kievskaja Rus' [Kievan Rus'], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1953, 568 p. [in Russian].

Hroniki Fredegara 2015 - *Hroniki Fredegara* / Perevod s latinskogo, komentarii, vstupitel'naja stat'ja G.A. Shmidta [Beginnings of the Russian history. Favourites], St. Petersburg, Evrazija Publ.; Moscow, ID Klio Publ., 2015, 464 p. [in Russian].

Iordan 2013 - *Iordan*. O proishozhdenii i dejaniyah getov / Vstupitel'naja stat'ja, perevod i komentarii E.Ch. Skrzhinskoj. 2-e izdanie [About an origin and acts of get / Introductory article, translation and E.Ch. Skrzhinskaya's comments. 2nd edition], St. Petersburg, Aletejja Publ., 2013, 512 p. [in Russian].

Istrin 1920 - *Istrin V.M.* Knigy vremenyja i obraznyja Georgija Mniha. Hronika Georgija Amartola v drevnem slavjanorusskom perevode. Tekst, issledovanie i slovar'. T. I: Tekst [Georgy Amartol's chronicle in ancient slavjanorussky translation. Text, research and dictionary. T. I: Text], Petrograd, 1920, 634 p. [in Russian].

JeSSJa 5 - *Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov*. Praslavjanskij leksicheskij fond. Vyp. 5 / Pod redakcij O.N. Trubacheva [Etymological dictionary of Slavic languages. Praslavjansky lexical fund. Release 5 / Under O.N. Trubachev's edition], Moscow, Nauka Publ., 1978, 232 p. [in Russian].

Kibin' 2014 - *Kibin' A.S.* Duleby v postavarskom istoriko-politicheskom kontekste (novye napravlenija istoriografii) [Duleba in the post-Avarian historical and political context (the new directions of a historiography)], in: Ladoga v kontekste istorii i arheologii Severnoj Evrazii [Ladoga in the context of history and archeology of Northern Eurasia], St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2014, pp. 157-165 [in Russian].

Ključevskij 1987 - *Ključevskij V.O.* Kurs ruskoj istorii. Chast' I [Course of the Russian history. Part I], in: Ključevskij V.O. Sočinenija v devjati tomah. T. I [Compositions in nine volumes. Volume I], Moscow: Mysl' Publ., 1987, 432 p. [in Russian].

Koncha 2005 - *Koncha S.V.* «Dulibs'kij sojuz» mizh mifom i dijsnistju [«the Dulebsky union» between the myth and reality], in: Vicnik Kivs'kogo nacional'nogo universitetu im. T. Shevchenka. Ukraïnoznavstvo [The messenger of the Kiev national univenrsitet of T. Shevchenko. Ukrainian researches], 2005, № 9, pp. 23-29 [in Ukrainian].

Koroljuk 1963 - *Koroljuk V.D.* Avary (obry) i duleby ruskoj letopisi [Avars (obra) and duleba of the Russian chronicle], in: Arheograficheskij ezhegodnik za 1962 god [Archaeographic year-book for 1962], Moscow, 1963, pp. 24-31 [in Russian].

Koroljuk 1964 - *Koroljuk V.D.* Zapadnye slavjane i Kievskaja Rus' v X-XI vv. [The western Slavs and Kievan Rus' in the X-XI centuries], Moscow, Nauka Publ., 1964, 384 p. [in Russian].

Koroljuk 1979 - *Koroljuk V.D.* Duleby i anty, avary i goty [Duleby and Anta, Avars and Gotha], in: Problemy tipologii v jetnografii [Typology problems in ethnography], Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 53-59 [in Russian].

Kuczyński 1958 - *Kuczyński S.M.* Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII [The Polish-Russian relations at the end of the XII century], in: Slavia Orientalis [Researches of east Slavs], 1958, 2 [in Polish].

Kuharenko 1961 - *Kuharenko Ju.V.* Srednevekoveye pamjatniki Poles'ja / Arheologija SSSR. Svod arheologicheskikh istočnikov. Vypusk E1-57 [Medieval monuments Polesia / Archeology of the USSR. Arch of archaeological sources. Release of E1-57], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961, 40 p. [in Russian].

- Kuz'min 1977 - *Kuz'min A.G.* Nachal'nye jetapy drevnerusskogo letopisanija [Initial stages of Old Russian annals], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1977, 394 p. [in Russian].
- Kuz'min 2003 - *Kuz'min A.G.* Nachalo Rusi. Tajny rozhdenija russkogo naroda [Beginning of Russia. Secrets of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. [in Russian].
- Labuda 1970 - *Labuda G.* Du(d)lebowie [Dulebes], in: Słownik starożytności słowiańskich [Dictionary of Slavic antiquities. Volume 1. Part 2], T. 1, cz. 2, Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970 [in Polish].
- Litavrin 2001 - *Litavrin G.G.* O pohode avarov v 602 g. protiv antov [About a campaign of Avars in 602 g against ant], in: Litavrin G.G. Vizantija i slavjane (sbornik statej) [Byzantium and Slavs (collection of articles)], St. Petersburg, Aletejja Publ., 2001, pp. 568-578.
- Mavrodin 1945 - *Mavrodin V.V.* Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1945, 429 p. [in Russian].
- Mel'nikova 1999 - *Mel'nikova E.A.* Ustnaja tradicija v Povesti vremennyh let: k voprosu o tipah ustnyh predanij [Oral tradition in the Story of temporary years: to a question of types of oral legends], in: Vostochnaja Evropa v istoricheskoj retrospektive. K 80-letiju V.T. Pashuto [Eastern Europe in a historical retrospective. To V.T. Pashuto's 80 anniversary], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, pp. 153-165 [in Russian].
- Niderle 2001 - *Niderle L.* Slavjanskije drevnosti / Perevod s cheshskogo T. Kovalevoj, M. Hazanova, red. A.L. Mongajta. 2-e izdanie [Slavic antiquities / Translation from T. Kovalyova's Czech, M. Hazanov, A.L. Mongajt edition. 2nd edition], Moscow, Aletejja Publ., 2001, 592 p. [in Russian].
- Niederle 1910 - *Niederle L.* Slovanske starozitnosti [Slavic antiquities], T. II, Praha, 1910 [in Czech].
- Petruhin 1997 - *Petruhin V.Ja.* Slavjane [Slavs], Moscow, Rosmjen Publ., 1997, 112 p. [in Russian].
- Petruhin, Raevskij 2004 - *Petruhin V.Ja., Raevskij D.S.* Oчерки istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e [Sketches of history of the people of Russia in the ancient time and early Middle Ages], Moscow, Znak Publ., 2004, 416 p. [in Russian].
- Presnjakov 1993 - *Presnjakov A.E.* Knjazhoe pravo v Drevnej Rusi. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaja Rus' [The Knyazhy right in Ancient Russia. Lectures on the Russian history. Kievan Rus'], Moscow, Nauka Publ., 1993, 635 p. [in Russian].
- PSRL. I - Polnoe sobranie russkikh letopisej, T. I, Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. I. Lavrentyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].
- PSRL. II - Polnoe sobranie russkikh letopisej, T. II, Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. II. Ipatyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].
- PVL 2007 - Povest' vremennyh let / Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihacheva, pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc / 3-e izdanie s dopolnenijami M.B. Sverdlova [The story of temporary years / Preparation of the text, the translation, articles and D.S. Likhachev's comments, under V.P. Adrianova-Peretts's edition / the 3rd edition with M.B. Sverdlov's additions], St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 670 p. [in Russian].
- Rybakov 1963 - *Rybakov B.A.* Drevnjaja Rus'. Skazanija, byliny, letopisi [Ancient Russia. Legends, bylinas, chronicles], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, 362 p. [in Russian].
- Rybakov 1982 - *Rybakov B.A.* Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus' and Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 598 p. [in Russian].
- Sedov 1979 - *Sedov V.V.* Proishozhdenie i rannjaja istorija slavjan [Origin and early history of Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1979, 158 p. [in Russian].
- Sedov 1982 - *Sedov V.V.* Vostochnyje slavjane v VI-XIII vv. [East Slavs in the VI-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 328 p. [in Russian].
- Sedov 1999 - *Sedov V.V.* Drevnerusskaja narodnost' [Old Russian nationality], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].
- Sedov 2002 - *Sedov V.V.* Slavjane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].
- Seredonin 1916 - *Seredonin S.M.* Istoricheskaja geografija [Historical geography], Petrograd, 1916, 240 p. [in Russian].

Shahmatov 1919 - *Shahmatov A.A.* Drevnejšie sud'by russkogo plemeni [Chronicles the Fredegara / Translation with Latin, comments, introductory article of G.A. Schmidt], Petrograd, 1919, 64 p. [in Russian].

Shahmatov 1940 - *Shahmatov A.A.* Povest' vremennyh let i ejo istochniki [The most ancient destinies of the Russian tribe], in: Trudy otdela drevnerusskoj literatury [Story of temporary years and its sources], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1940, IV, pp. 9-150 [in Russian].

Sreznevskij 1902 - *Sreznevskij I.I.* Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam. T. II. L-P [Materials for the dictionary of Old Russian language on written monuments. Volume II. L-P], St. Petersburg, 1902, 918 p. [in Russian].

Sverdlov 2003 - *Sverdlov M.B.* Domongol'skaja Rus': Knjaz' i knjazheskaja vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v. [Domongolsky Russia: The prince and the princely power in Russia VI – the first third of the XIII century], St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 736 p. [in Russian].

Svod I - Svod drevnejših pis'mennyh izvestij o slavjanah. T. I (I-VI vv.) [Arch of the most ancient written news of Slavs. Volume I (the I-VI centuries)], Moscow, Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN Publ., 1994, 472 p. [in Russian].

Svod II - Svod drevnejših pis'mennyh izvestij o slavjanah. T. II (VII-IX vv.) [Arch of the most ancient written news of Slavs. Volume II (the VII-IX centuries)], Moscow, Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN Publ., 1995, 591 p. [in Russian].

Timoshhuk 1990 - *Timoshhuk B.A.* Social'naja sushhnost' gorodishha Zimno [Social essence of the ancient settlement of Zimno], in: Ranneslavjanskij mir: materialy i issledovanija. Vypusk 1 [Early Slavic world: materials and researches. Release 1], Moscow, 1990, pp. 151-157 [in Russian].

Tret'jakov 1953 - *Tret'jakov P.N.* Vostochnoslavjanskije plemena [East Slavic tribes], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953, 312 p. [in Russian].

Trubachev 1974 - *Trubachev O.N.* Rannie slavjanskije jetnonimy – svideteli migracii slavjan [Early Slavic ethnonyms – witnesses of migration of Slavs], in: Voprosy jazykoznanija [Linguistics questions], 1974, № 6, pp. 48-67 [in Russian].

Tvorogov 1995 - *Tvorogov O.V.* Avary [Avars], in: Jenciklopedija «Slova o polku Igoreve». T. 1. A-V [Encyclopedia of «Tale of Igor's Campaign». Volume 1. A-V], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1995, pp. 22-23 [in Russian].

Váczy 1974 - *Váczy P.* A frank háboru és az avar nép [War between francs and Avars], in: Századok [Centuries], 1974, 5-6, pp. 1041-1061 [in Hungarian].

Vestberg 1908 - *Vestberg F.* K analizu vostochnyh istochnikov o Vostochnoj Evrope [To the analysis of east sources about Eastern Europe], in: Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. Novaja serija [Magazine of the ministry of national education. New series], 1908, Chast' XIII, Fevral', pp. 364-412 [in Russian].

Vojtovich 2006 - *Vojtovich L.V.* Vostochnoe Prikarpat'e vo vtoroj polovine I tys. n.e. Nachal'nye jetapy formirovanija gosudarstvennosti [East Prikarpatye in the second half I one thousand AD. Initial stages of formation of statehood], in: Rossica antiqua: Issledovanija i materialy [Rossica antiqua: Researches and materials], 2006, St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2006, pp. 6-39 [in Russian].

Zhih 2008 - *Zhih M.I.* O predystorii Volynskoj zemli (VI – nachalo X veka) [About background of the Volynsk earth (VI – the beginning of the X century)], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2008, № 3-4 (13-14), pp. 35-57 [in Russian].

Zhuravljov 1996 - *Zhuravljov A.F.* Material'naja kul'tura drevnih slavjan po dannym praslavjanskoj leksiki [Material culture of ancient Slavs according to praslavyansky lexicon], in: Oчерki istorii kul'tury slavjan [Sketches of cultural history of Slavs], Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 116-144 [in Russian].

Жих Максим Иванович – Научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Zhikh Maksim – Research associate of Institute of history of St. Petersburg State University.

E-mail: max-mors@mail.ru

УДК 903.43

ГРАДООБРАЗОВАНИЕ У ПСКОВСКИХ КРИВИЧЕЙ В РАБОТАХ В.В. СЕДОВА (НА ПРИМЕРЕ ИЗБОРСКА И ПСКОВА)

М.А. Несин

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41

e-mail: petergof-history@yandex.ru

Scopus Author ID: 55092391600

SPIN-код: 4126-3620

Авторское резюме

В.В. Седов внес большой вклад в изучение градообразования у восточных славян, прежде всего, процесса появления первых городов в земле так называемых псковских кривичей, Пскова и Изборска. Применительно к ним учёный развернуто представил свою характеристику и периодизацию восточнославянских центров VIII-XI вв. Большое значение имеют выводы автора об их неаграрном характере и преимущественно славянском составе населения, а также связи происходивших в них социальных изменений с внутренними процессами общественного развития восточных славян, а не внешнего воздействия из других стран. В данной работе, рассматривая проблему этнополитического характера процесса градообразования у псковских кривичей, автор приходит к выводу, что в целом предложенная В.В. Седовым концепция по-прежнему сохраняет свою актуальность и является более убедительной, чем построения его оппонентов. В статье также предложены авторские наблюдения и трактовки истории двух кривичских городов в указанный промежуток времени, касающиеся в первую очередь изменения статуса Пскова в середине X в., и судьбы псковского культового центра.

Ключевые слова: Псков, Изборск, В.В. Седов, кривичи, княгиня Ольга, восточные славяне, финно-угры, призвание варягов, псковское святилище, крещение Руси.

CONSTRUCTION OF TOWNS BY THE PSKOV'S KRIVICHS IN THE WORKS OF VALENTIN V. SEDOV (IZBORSK AND PSKOV)

Mikhail Nesin

Abstract

Valentin V. Sedov greatly contributed to the study of the rise of first towns (Pskov and Izborsk, in particular) and construction of urban settlements by the Pskov's Krivichs. The scientist widely characterized and dated the rise of the East Slavic urban centers in the 8th - 9th centuries AD. Of great importance are Valentin Sedov's conclusions about their non-agricultural origin and primarily Slavic population; he has also found that social changes in the urban centers were related to the internal development of the East Slavic states, rather than caused by the external influence of other countries. The author of this paper concludes that the concept proposed by Valentin V. Sedov remains valid and is more convincing than the constructions of his opponents. The author also provides his own interpretation of the history of the two Krivich towns

and the fate of the Pskov's Sanctuary in the specified period of time, related primarily to changes in the status of Pskov in the middle of the 10th century AD.

Keywords: Pskov, Izborsk, Valentin V. Sedov, Krivichs, Princess Olga, East Slavs, Finno-Ugric peoples, invitation of the Varangians, Pskov's Sanctuary, Christianization of Rus'.

* * *

В.В. Седов внес большой вклад в изучение градообразования у восточных славян. Как уже отмечалось в историографии (История Отечества: 74), впервые ученый обратился к этой проблематике в монографии 1982 г. о восточных славянах, рассмотрев появление городов на фоне развития славянского хозяйства и общественных отношений (Седов 1982: 13-14, 20, 22-23), а в последующие годы написал несколько статей о генезисе восточнославянских городов (Седов 1983; 1989; История Отечества: 75). Уже в этих работах он выделил основные признаки ранних городов и дал четкую схему периодизации протогородских и городских поселений, относя протогородскую стадию к VII-IX вв. (поре появления т.н. «племенных центров»), первый этап образования городов к IX – первой половине X в. (тогда наблюдается эволюция племенных центров в раннефеодальные города), второй – к середине X – началу XI в., третий – к рубежу XI-XII вв., четвертый – к середине XII в. (Седов 1982; 1983; 1989).

При этом, конечно, не все древнерусские города родились из протогородов VII-IX вв., но эти хронологические вехи отражали определенный этап социального развития, и возникшие в эти периоды центры являли собой соответствующий тип. Поэтому, при всем существующем в науке многообразии концепций славянского градообразования, данная схема В.В. Седова и поныне сохраняет свою актуальность.

Уже первые протогорода, по мнению ученого, сформировались как неаграрные правящие центры с развитым ремеслом. И основным населением этих протогородов, как правило, были местные славяне. Уже в этих работах он выделил по всему восточнославянскому миру поселения разных этапов и типов, сделав ряд существенных замечаний по поводу их генезиса и развития (Седов 1982; 1983; 1989).

Важной заслугой В.В. Седова является комплексное изучение появления и первых веков существования первых городов т.н. псковских кривичей – Изборска и Пскова (Седов 1985; 1998; 1999; 2002; 2003; 2007). И именно в этих исследованиях наиболее ярко и развернуто предстают концепции ученого о восточнославянском градообразовании.

Возникновение и первоначальное развитие Изборска ученый реконструировал на основе собственных раскопок 1971-90 гг. Этому городу исследователь посвятил ряд статей и две монографии, рассмотрев его появление и развитие с VII по XI вв. (Седов 2002; 2007).

Именно В.В. Седову принадлежит честь первой наиболее комплексной реконструкции этого поселения на ранних этапах его истории. И, хотя позднее многие его положения подвергались критике со стороны С.В. Белецкого и некоторых других исследователей (Белецкий 1993; 1997: 142-146, 149; Мачинский 1986; Лебедев 1994; Белецкий, Лесман 2006), никому из оппонентов ученого не удалось создать

столь масштабной и подробной картины возникновения, развития и жизни Труворова городища (это отразилось даже в названия статьи С.В. Белецкого, написанной в соавторстве с Ю.М. Лесманом: Белецкий, Лесман 2006). Поэтому работы В.В. Седова (прежде всего — фундаментальные монографии «Изборск-протогород» и «Изборск в раннем средневековье»), где наиболее подробно изложены результаты исследований и концепции ученого (Седов 2002; 2007), поныне не утратили своего значения в качестве основной литературы по данной теме.

Как показал ученый, первоначальное поселение на Труворовом городище (древнейший Изборск, известный еще из летописного предания о призвании варягов в 862 г.) возникло на рубеже VII-VIII вв. в качестве укрепленного поселения местных кривичей с тесной застройкой и утоптанной земляной площадкой в центре, где, по его мнению, собиралось вече и проходили игрища (Седов 1985; 1998; 2002; 2007). То есть, как и В.В. Карлов, А.В. Куза, О.М. Рапов и П.П. Толочко, В.В. Седов рассматривал древнейшие восточнославянские центры в качестве полифункциональных — политических, экономических, культовых и т.д. (Карлов 1980: 81; Куза 1983: 14; 1984: 3; Рапов 1983; Толочко 1983: 30; 1985; Несин 2010: 70. Примеч. № 14).

Любопытно, что и его и их взгляды сформировались одновременно, в первой половине 1980-х гг. Дело в том, что происходившее в это время активное накопление археологического материала давало ученым много новых данных и неизбежно ставило новые задачи по типологизации поселений. И открытый раскопками экспедиции Седова облик Труворова Городища дал этой концепции фактическое обоснование.

При этом, фактически поселение, по-видимому, сформировалось в VIII в. Относящиеся к VII в. находки единичны (Седов 2002; Лопатин 2005: 62). Неслучайно, в некоторых статьях ученый относит возникновение поселения уже к VIII ст. (что даже видно из названия одной работы: Седов 1985). Это, кстати соответствует времени зарождения других ранних восточнославянских центров, которые во всех областях возникали в VIII-IX ст. (Мавродин, Фроянов 1970: 20; Фроянов, Михайлова 1999; Несин 2010; 2012; 2015).

Как отмечал ученый, Изборск возник как первый центр псковских кривичей. Да и вообще, это было древнейшее тамошнее укрепленное поселение. Помимо данных археологии, исследователь приводил и летописное сказание о призвании варягов, в котором именно Изборск стал в 862 г. княжеским центром варяжской династии Рюриковичей, а также слова Устюжской летописи о том, что в то время Изборск был великим городом (Седов 1998: 54).

Для нас важна не достоверность «варяжской легенды», а то, что новгородский сводчик XI в. помнил те времена, когда Изборск, а не Псков, был главным центром псковских кривичей. И если бы брат Рюрика у них вокняжился, то именно в этом городе. Здесь же, в Изборске, сидели первые кривичские князья (сама притяжательная форма названия, по мнению В.В. Седова (Седов 1982: 46; 2007: 17-18; Жих 2009: 53. Примеч. № 17), говорит о том, что его основал некий Избор. Вообще, у восточных славян города порой назывались в честь князей-основателей, как, например, Киев в честь Кия, а Галич — Галича (Галицы), чья «Галичина» могила

середины X в. и в XIII в. являлась культовым местом, на ней проводили один из обрядов княжеской интронизации (Грушевский 1992 Т. 2: 465-466; Пастернак 1944: 51-52; Несин 2010: 61; 2011: 10-11), проходивший параллельно с христианской церемонией в кафедральном соборе.

Необходимо отметить, что большинство населения Изборска изначально было славянским. Как отметил В.В. Седов, из массы однотипной, характерной для северной группы славян, жилищной застройки, выделялось лишь несколько нетипичных жилых домов с глинобитными полами, подобные которым встречались и в других поселениях — Рыгуе, Камно и в Пскове (Седов 2002: 15-16, 29-30). Поначалу ученый их относил к древностям латыголы (Седов 1975: 301), но затем установил их связь с местными финно-уграми (Седов 2002: 29-30).

По своему характеру это первоначальное укрепленное поселение изначально было неаграрным, сельское хозяйство в нем было, но играло очень слабую роль, зато процветало ремесленное производство, была развита внешняя торговля (Седов 1985; 1989; 2002: 89-90 и др.). Сам В.В. Седов относил его к протогородской стадии. Как многие советские ученые (Рыбаков 1980: 34; Куза 1983: 4-6; Рапов 1983: 83. См. историографию: Фроянов, Дворниченко 1988: 20. Примеч. № 5), он считал города реалиями феодализма. Поэтому первые славянские «племенные» центры вроде Изборска до X в. ученый считал протогородами. Понятие протогорода присутствует уже в его первой фундаментальной монографии об Изборске «Изборск-протогород». И именно в этой книге наиболее развернуто представлена концепция протогородов у славян (Седов 2002).

Правда, в данном случае, мы считаем сам термин «протогород» немного спорным. Их можно называть ранними городами (Мавродин, Фроянов 1970: 20; Фроянов, Михайлова 1999; Несин 2010; 2011: 40-42; 2012; 2015: 105-106). Ведь как и положено городам, эти поселения возникали как полифункциональные центры восточнославянских общностей — полян, словен, кривичей и т.д., когда на определенном этапе социального развития возникала в них потребность (на наш взгляд, они появлялись в качестве правящих центров восточных славян при затухании родового строя, с преобладанием территориальных связей (Несин: 2010; 2011; 2015). В.В. Седов также не отрицал у них этого значения, отмечая при этом, их правящий и неаграрный характер. Более того, как метко заметили П.А. Корчагин и А.Ф. Мельничук (Корчагин, Мельничук 2004: 58), еще в 1983 г. он честно признал, что порой трудно провести четкую грань между протогородом и городом (Седов 1983: 43).

Так что Изборск VIII-X вв. наряду с прочими «протогородами» можно считать первичным, дофеодальным городом. Другое дело, что понятие «протогород» не стоит пренебрежительно называть «теоретическим мусором», как это ныне делают некоторые исследователи (Корчагин, Мельничук 2004: 58). Ведь если не замыкаться на терминологии, а обратиться к существу дела, следует признать, что деление В.В. Седовым городов на разные стадийные типы принципиально верно.

Как показывают археологические материалы юга Руси, первые центры IX — рубежа X-XI вв. представляли собой совершенно особый тип. На рубеже X-XI вв., в связи с социальными изменениями в восточнославянском обществе, в облике

тамошних городов происходят существенные изменения (Корчинский 1994; Котышев 2009. Об этом также см. Несин 2012: 38; 2015: 104).

По мнению В.В. Седова, смена типов поселений в этот период связана с переходом от дофеодального уклада к раннефеодальному (Седов 1982). Вообще, проблема общественного уклада восточных славян того времени имеет обширную историографию, и до сих пор, как и в 1980-е гг., является остро дискуссионной, однако, и нас характер первоначальных городов и вечевого уклада также склоняет считать социальные перемены второй половины X – начала XI вв. переходом от доклассового общества к раннеклассовому (Несин 2012; 2015).

Эти перемены отразились и на облике древнейшего Изборска. Около середины X в. он сгорел, но вскоре, во второй половине столетия, вновь возродился, но в ином виде. Теперь он был не скученным поселением, заключенном внутри укреплений. Отныне он четко разделялся на две части – детинец и жилой околный город. Теперь основная масса горожан проживала на неукрепленном посаде, а крепость представляла собой детинец с редкой застройкой и отсутствием следов ремесленного производства (Седов 1982: 155; 1999: 244-252; 2002: 91-92). Она имела административную функцию и, видимо, служила местом княжеского подворья, наряду с детинцами иных русских городов того времени.

Сходным путем развивался и Псков, судьбу которого ученый проследил в отдельной статье (Седов 2003). Первое, неукрепленное поселение кривичей там возникло еще в середине I тысячелетия н.э. Однако среди его жителей были и местные финно-угры: среди славянских жилищ присутствовали их дома с глинобитными полами, аналогичные изборским. Но тут их было больше, чем в Изборске, а сами финно-угры проживали в этом краю еще до прихода славян (Седов 2003: 13-14).

Поэтому название Пскова, как показал исследователь, по-видимому стоит возводить к финноязычному гидрониму, названию реки Псковы (Седов 1996). Кривичи, поселившись на ее берегах, заимствовали его и дали своему поселению производное название в притяжательной форме. При этом, по справедливому мнению В.В. Седова, псковское поселение основывается именно как кривичский центр (Седов 2003: 14-15), и хотя, по словам ученого, трудно выявить соотношение славянских и финно-угорских жилищ, на поселении значительно преобладает именно славянская керамика. Лишь незначительная часть типична для финно-угорского производства (Седов 2003: 14). В VIII в. (чуть позже, чем в Изборске, что, впрочем, понятно – именно Изборск тогда был главным центром у псковских кривичей) там возникли укрепления, аналогичные изборским. И, как и Изборск, в X в. Псков тоже делился на детинец и неукрепленный жилой массив (Седов 2003: 14-16).

При этом, важной стороной работы В.В. Седова было то, что он писал о местном, славянско-финноугорском составе населения обоих кривичских центров, тем самым показывая, что в основе восточнославянского политогенеза лежали внутренние процессы общественного развития, а не внешний импульс из Скандинавии или иных земель (Седов 2001: 359). Заслуживает внимания и мысль исследователя, что «торговые операции со странами Балтийского региона

осуществлялись кривичскими купцами... Наибольшие связи... Изборск имел с финноязычным миром Финляндии и Юго-Восточной Прибалтики» (Седов 2001: 359).

Выводы В.В. Седова попытался оспорить С.В. Белецкий. По его мнению, первое изборское поселение сторело еще в IX в., а новый город с детинцем второй половины X в. уже не имел к нему никакого отношения, его создали псковские переселенцы. И именно от первоначального Пскова Изборск, по версии ученого, унаследовал финно-скандинавское название Иссубург (город на Иссе, псковской р. Великой: Белецкий 1993; 1997: 142-146, 149; Белецкий, Лесман 2006). Концепцию Белецкого полностью поддержали его ленинградские коллеги Г.С. Лебедев и Д.А. Мачинский (Мачинский 1986; Лебедев 1994).

Однако, во-первых, как верно писал В.В. Седов, название Изборска было славянским по своему происхождению (Седов 1996). Да и вообще, к слову сказать, у нас нет весомых данных о наличии каких-либо скандинавизмов в названиях древнерусских городов того времени (Роспонт 1972: 21, 62). Это констатируют и современные лингвисты, подчеркивая, что зафиксированное в памятниках написание «Изборскъ» (только через -з- и без -ь- после него) не позволяет отождествить формант *Из-* с названием реки «Иссы» (Джаксон, Рождественская 1988: 224-226).

Да и свои прочие выводы С.В. Белецкий и его единомышленники строят на достаточно шатких основаниях — легенде о призвании варягов (которые на Труворово городище, в ранний Изборск прийти не могли, ибо там нет скандинавских и балтийских находок), а также на отсутствии в Изборске в начале X в. псковского типа керамики, что, по мнению этих ученых, говорит о том, что тогда там не было жизни (Белецкий 1993; 1997). Но, во-первых, следов скандинавских и балтийских поселенцев в X в. не было найдено и во Пскове (Седов 2003). А дошедшая до нас в составе Новгородского свода XI в. легенда о призвании варягов в данном случае не может служить надежным аргументом, ибо она во многом выражала новгородские политические амбиции. Например, новгородцам ничего не стоило отдать своему князю Рюрику в подчинение Полоцк, хотя тот будет завоеван ими лишь в конце X в. (Несин 2012а: 37-38). Не исключено, что известие о вокняжении в Изборске брата Рюрика и последующем переходе этого города под власть Новгородского князя, тоже является легендой, обосновывающей исконные права словенского Новгорода на власть над псковскими кривичами.

Кроме того, говорить о том, что первое изборское поселение погибло еще в IX в. нет оснований. Как отметил Н.В. Лопатин, с западной стороны городища уцелели не полностью сметенные пожаром и последующей застройкой слои первой половины X в. Так что сторел Изборск именно в середине того столетия, как и полагал В.В. Седов. Но восстановился быстро, и, логичнее всего предположить, что там жили те же люди, а не одни мигранты из Пскова. Просто население достигло в ходе социальной эволюции новой стадии общественных отношений, и поэтому возрожденный город отличался от прежнего.

Что касается причин разрушительного пожара, их допустимо, на наш взгляд, искать в следующем. Как известно, под 947 г. Повесть временных лет сообщает о погостной реформе княгини Ольги, которая для укрепления киевской власти

устанавливала на северо-западе восточнославянского мира систему пунктов для сбора дани — погостов, а также личные промысловые угодья (ПСРЛ I: 60; ПСРЛ II: 2000: 48-49; ПСРЛ III: 113; Жих 2013). И хотя, на первый взгляд, речь шла о соседней Новгородской земле, Мсте, Луге (в результате этой реформы в тех краях, на берегах р. Волхов и возник новый город — Новгород, как новый опорный пункт Киева в землях словен: Янин 2004; 2007: 210-211; Жих 2013; Несин 2012а: 38), на самом деле ее реформа имели большой географический размах, ведь заодно она завела село Ольжичи в Южной Руси на Десне (ПСРЛ I: 60; ПСРЛ II: 48-49; ПСРЛ III: 113).

При этом, из источника явствует, что Ольга посетила и земли псковских кривичей. В Пскове она оставила свои сани, стоящие там до «сего дне» (ПСРЛ I: 60), то есть до XII в., когда была составлена ПВЛ. Значит, происходит заметное усиление роли Пскова. Именно Псков теперь становится столицей кривичей, а в 1014 г. в нем даже появилось княжение — туда был прислан отцом из Киева княжич Судислав Владимирович (Седов 1998: 34). Возвысив Псков, Ольга хотела избавить край от влияния старого центра — Изборска, и создать там новый опорный пункт киевской власти.

Может быть, тогда и установилась его зависимость от Новгорода, куда в эти годы был посажен на княжение сын Ольги Святослав, и когда в 980-е гг. происходило крещение Руси, Псков автоматически попал под власть Новгородской епархии. Правда, сам В.В. Седов отнес господство Пскова над Изборском уже к XI ст., когда в последнем возвели каменные укрепления, и он стал псковским форпостом (Седов 1998: 38). Но в ту пору Псков постепенно усиливается, становясь менее зависимым от Новгорода (в 1130-х гг. он сам начнет призывать князей: Янин 1992), и поэтому начинал влиять на собственные пригороды с новой силой.

Любопытна в этой связи история псковского святилища, возникшего именно в X в. Не было ли связано его появление именно с усилением роли Пскова при Ольге? Исчезновение святилища археологи относят к периоду со второй половины X в. до первой половины XI. (Лабутина 1989). Это, заметим, совпадает со временем крещения Новгорода и появлением в 1014 г. в Пскове собственного князя Судислава, который, вероятно, не потерпел в своем городе открытого отправления нехристианских обрядов.

Видимо, псковское святилище было главным религиозным центром не только Пскова, но и всей земли псковских кривичей. Поэтому и появилось оно уже в X в., когда Псков стал главным городом вместо Изборска. Оно представляло собой круглую окруженную рвом площадку. И по своему облику весьма напоминало открытый археологами памятник на Перыни близ Новгорода. Поскольку ныне существуют разные версии интерпретации данного археологического объекта, остановимся на этом вопросе поподробнее, так как это важно и для принципиальной характеристики псковского культового памятника, устроенного, во многом, наподобие новгородского. В начале 980-х гг. близ Новгорода сподвижником киевского князя Добрыней было устроено святилище Перуна. Это было связано с так называемой языческой реформой князя Владимира. Чтобы больше подчинить прочие восточнославянские общности власти Киева, он установил единый пантеон богов.

И Новгород, как второй по значимости город Руси, был подвергнут этому первым (или, во всяком случае, для современников его подчинение было важнее всего, поэтому летописец и сосредоточился на новгородском идоле). Согласно известной новгородской летописной повести о крещении Новгорода, идол находился у реки Волхов, выше по течению города (как, кстати говоря, и Перынь). В 1951-1952 годах отряд Новгородской Археологической экспедиции под руководством В.В. Седова совершил там археологические исследования. В итоге В.В. Седов смог сделать наиболее известную на сегодняшний день реконструкцию памятника. Он атрибутировал его, как святилище Перуна (Седов В.В. 1953; 1954).

Святилище представляло собой три немного приподнятых над землей гладких круглых площадки, которые были окружены рвами со следами кострищ (очевидно — жертвенных огней) (Седов В.В. 1953; 1954), наподобие святилища в Пскове. При этом, посреди площадок обнаружили следы засыпанной ямы. Здесь, видимо, и был идол. Интересно, что площадок было целых три, хотя летописи упоминает лишь одного Перуна. В.В. Седов допустил, что идолов было несколько (Седов 1954). В самом деле, Перун не обязательно был один. Просто он занимал важное место в сомне дохристианских богов и не являлся традиционным богом новгородских словен. Его навязали киевские власти, чтобы создать общий пантеон по всему подвластному Киеву восточнославянскому миру.

Интересно в этой связи предположение Б.А. Рыбакова, что идолу Перуна предшествовало изваяние какого-то иного божества. По словам ученого «обращает на себя внимание двухъярусность центральной ямы среднего, основного капища. Создается впечатление, что первоначально в центре капища была вырыта широкая яма глубиной в 60 см, в которой могло помещаться основание деревянного столба — идола в 1 м в диаметре или же огромного священного валуна типа “Борисовых камней”... Позднее этот идол был извлечен из земли и на этом же месте была вырыта несколько более узкая, но более глубокая яма для нового идола, от нижней части которого уцелели фрагменты дерева» (Рыбаков 1987: 254).

Кроме того, как отметил ученый, «дату юго-западного круга В.В. Седов определяет по лепной керамике так: “время сооружения святилища следует отнести по крайней мере к IX столетию» (Рыбаков 1987: 254). Значит, еще за столетие или более до Добрыни в этих краях существовало святилище ильменских словен, у которых как раз в IX в. начался процесс градообразования (Несин 2010: 60; 2012: 37).

Перуна же поставили в 980 г. по приказу киевских властей на месте прежнего идола. Вдобавок, он требовал человеческих жертвоприношений, и это распространялось и на Новгород. Когда через несколько лет стали крестить Русь в Христианскую веру, а идол Перуна низвергли в Волхов, то, согласно новгородскому летописному преданию, один пригородный крестьянин вновь спихнул приставший было к берегу идол, со словами, мол, довольно он попил человеческой крови. Если прочие идолы на Перыни могли соответствовать новгородским верованиям, то Перун был также навязан Новгороду, как и Христианство, при этом, играл роль главного Бога, и потому его свержение во время христианизации города заслонило собой демонтаж иных капищ.

Однако недавно выводы В.В. Седова были оспорены В.Я. Конецким и Е.Н. Носовым (Концевский 1995; Носов 2007). Версия Концевского принята также в книге Л.С. Клейна (Клейн 2004). По мнению данных авторов, круги святилищ представляли собой вовсе не площадки с идолами, а основания погребальных сопкок со следами трупосожжения в центре. В ходе крещения Новгорода в 989 г. эти сопки срыли (Концевский 1995; Клейн 2004; Носов 2007). Но их гипотеза не кажется убедительной. В сущности, она основывается на том, что археологи пока не нашли подобных аналогов в восточнославянском мире, если, впрочем, не считать не учтенного ими псковского святилища, культовый статус которого пока еще никем не был подвергнут сомнению.

Но предметных контраргументов убедительной реконструкции В.В. Седова оппоненты противопоставить не смогли. Равно как и объяснить, где же, в таком случае, выше Новгорода по течению р. Волхов, располагалось святилище Перуна. Если бы святилище Перуна было не здесь, то было бы трудно объяснить, как в веках осталось за этим местом название Перынь, которое, надо полагать, восходило именно к имени языческого громовержца. Не говоря уж о том, что сколько нелепых и затратных усилий пришлось бы с неясной целью потратить людям конца X века, чтоб идеально ровно срыть курган (при этом на некотором возвышении от земной поверхности), а все кучи земли до крупинки унести так, чтобы в окрестном культурном слое не оставалось никаких вкраплений. А вокруг выкопать рвы, зажечь в них костры и зачем-то при этом засыпать местным береговым песочком.

Думается, все-таки было именно так, как предполагал В.В. Седов — на Перыни были святилища, в виде окруженных рвами с кострами круглых площадок с деревянными идолами посередине. Один из идолов и представлял собой изваяние Перуна, описанного в летописи. Потом, во время крещения края, идола срубили, а рвы засыпали прибрежным песком (отряд В.В. Седова нашел в них почти чистый песок с небольшими вкраплениями лежащего под ним земляного слоя: Седов 1953; 1954).

К такому же типу славянских святилищ относилось и святилище в Пскове. Только появилось оно не в IX в. и не ближе к концу X в., а до второй половины X в., когда Псков сделался главным городом псковских кривичей. А исчезло или в конце X в., или в первой половине XI в., с появлением распространившейся на Северо-запад восточнославянского мира Новгородской епархии и, вероятно, со времени вокняжения во Пскове сына киевского князя Владимира Судислава.

Как мы видим, в целом, предложенная В.В. Седовым этнополитическая характеристика Пскова и Изборска до сих пор является весьма актуальной и перспективной. И нам она кажется более основательной и перспективной, чем построения его оппонентов.

ЛИТЕРАТУРА

Белецкий 1993 - Белецкий С.В. Изборск «Варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения) // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Петербургский археологический вестник. Вып. 6. СПб., 1993.

Белецкий 1997 - *Белецкий С.В.* Возникновение города Пскова (К проблеме участия варягов в судьбах Руси) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. Киров, 1997.

Белецкий, Лесман 2005 - *Белецкий С.В., Лесман Ю.М.* О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В.В. Седова) // Мастера Средневековья. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005.

Грушевський 1992 - *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. К., 1992. Т. II.

Джаксон, Рождественская 1988 - *Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В.* К вопросу о происхождении топонима «Изборск» // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1986. М., 1988.

Жих 2009 - *Жих М.И.* Летописная статья 6714 года Ипатьевской летописи и вопрос о возникновении Галича // Международный исторический журнал «Русин». 2009. № 4 (18).

Жих 2013 - *Жих М.И.* Реформа княгини Ольги как попытка централизации Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17-18 ноября 2011 г. Великий Новгород, 2013.

История Отечества 2004 - *История Отечества. Проблемы, взгляды, люди.* Псков, 2004.

Карлов 1980 - *Карлов В.В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город (К проблеме градообразования). Вып. 3. М., 1980.

Клейн 2004 - *Клейн Л.С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Конецкий 1995 - *Конецкий В.Я.* Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология. Ч. 1: Распространение христианства в Восточной Европе. СПб.; Великий Новгород, 1995.

Корчагин, Мельничук 2004 - *Корчагин П.А., Мельничук А.Ф.* «Протогород»: а была ли проблема? // Вестник Пермского Университета. 2004. Вып. 4.

Корчинський 1994 - *Корчинський О.* Про один тип городищ IX – початку XI ст. у Верхньому Подністров'ї // Населення Прутсько-Дністровського межиріччя та суміжних територій. Тези Міжнарод. іст.-арх. семінару. Чернівці, 1994.

Котышев 2009 - *Котышев Д.М.* Эволюция территориальной структуры среднеднепровского правобережья в конце X – начале XII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). История. Вып. 27.

Куза 1983 - *Куза А.В.* Социальная типология древнерусских городов // Русский город (исследования и материалы). Вып. 6. М., 1983.

Куза 1984 - *Куза А.В.* Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X-XIII вв. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 179. М., 1984.

Лабутина 1989 - *Лабутина И.К.* Языческое святилище Пскова // История и культура древнерусского города. М., 1989.

Лебедев 1994 - *Лебедев Г.С.* Труворово городище и западные форпосты Руси Рюрика (обозначившаяся проблема) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994.

Лопатин 2005 - *Лопатин Н.В.* О версиях периодизации и хронологии нижних горизонтов Труворова городища // Изборск: история и современность (Материалы научно-практической конференции «Музей как центр развития местных сообществ. Имидж музея – открытость», посвященной 40-летию образования музея). Изборск, 2005.

Мавродин, Фроянов 1970 - *Мавродин В.В., Фроянов И.Я.* Фридрих Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского государственного университета. 1970. № 20.

Мачинский 1986 - *Мачинский Д.А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.

Несин 2010 - *Несин М.А.* К истории происхождения Галича // Международный исторический журнал «Русин». 2010. № 3 (21).

- Несин 2011 - Несин М.А. Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205-1229 гг. // Международный исторический журнал «Русин». 2011. № 2 (24).
- Несин 2012 - Несин М.А. История происхождения Новгорода как проявление общих и частных закономерностей процесса градообразования // X Плекхановские чтения «Россия: средоточие народов и перекресток цивилизаций». СПб., 2012.
- Несин 2015 - Несин М.А. Некоторые черты социальной трансформации в X-XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Исторический формат. 2015. № 2.
- Носов 2007 - Носов Е.Н. Перынь // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007.
- Пастернак 1944 - Пастернак Я. Старый Галич. Краків; Львів, 1944.
- ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- ПСРЛ. III - Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (репринт издания 1950 г., подготовленного А.Н. Насоновым). М., 2000.
- Рапов 1983 - Рапов О.М. Еще раз о понятии «русский раннефеодальный город» // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983.
- Роспонд 1972 - Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972.
- Рыбаков 1980 - Рыбаков Б.А. Город Кия // Вопросы истории. 1980. № 5.
- Рыбаков 1987 - Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Седов 1953 - Седов В.В. Древнерусское языческое святилище в Перыни // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. Вып. 50.
- Седов 1954 - Седов В.В. Новые данные о языческом святилище Перуна (по раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Вып. 53.
- Седов 1975 - Седов В.В. Жилища Юго-Восточной Прибалтики (I - начало II тысячелетия н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
- Седов 1982 - Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.
- Седов 1983 - Седов В.В. Начало городов на Руси // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященные 1500-летию Киева. М., 1983.
- Седов 1985 - Седов В.В. Изборск в VIII-X вв. // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985.
- Седов 1989 - Седов В.В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М., 1989.
- Седов 1996 - Седов В.В. Топоним Псков // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы семинара. Псков, 1996.
- Седов 1998 - Седов В.В. Древний Изборск // Древний Псков: История. Искусство. Археология. Новые исследования. М.; Изборск, 1998.
- Седов 1999 - Седов В.В. Изборск в конце X — начале XI в. // Великий Новгород в истории Средневековой Европы: к 70-летию В.Л. Янина. М., 1999.
- Седов 2001 - Седов В.В. Международные контакты Изборска в IX — начале X в. // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001.
- Седов 2002 - Седов В.В. Изборск — протогород. М., 2002.
- Седов 2003 - Седов В.В. Становление Пскова // Псков в российской и европейской истории: Материалы Международной научной конференции. М., 2003.
- Седов 2007 - Седов В.В. Изборск в Раннем Средневековье. М., 2007.
- Толочко 1983 - Толочко П.П. Древний Киев. К., 1983.
- Толочко 1985 - Толочко П.П. Происхождение древнейших восточнославянских городов // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. (история и археология). К., 1985.

Фроянов, Михайлова 1999 - *Фроянов И.Я., Михайлова И.Б.* Город или протогород? (об одной надуманной исторической категории) // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб., 1999.

Янин 1992 - *Янин В.Л.* «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII – XIV вв. // Отечественная история. 1992. № 6.

Янин 2004 - *Янин В.Л.* Княгиня Ольга и проблема становления Новгорода // Янин В.Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.

Янин 2007 - *Янин В.Л.* О начале Новгорода // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: материалы международной научной конференции 4-7 октября 2005 г. Великий Новгород. СПб., 2007.

REFERENCES

Beleckij 1993 - *Beleckij S.V.* Izborsk «Varjazhskoj legendy» i Truvorovo gorodishhe (problema sootnosheniya) [Izborsk of «A Varangian legend» and Truvorovo ancient settlement (ratio problem)], in: Skify. Sarmaty. Slavjane. Rus'. Peterburgskij arheologicheskij vestnik [Scythians. Sarmatians. Slavs. Russia. Petersburg archaeological bulletin], Вып. 6, St. Petersburg, 1993 [in Russian].

Beleckij 1997 - *Beleckij S.V.* Vozniknovenie goroda Pskova (K probleme uchastija varjagov v sud'bah Rusi) [Emergence of the city of Pskov (To a problem of participation of Varangians in destinies of Russia)], in: Shvedy i Russkij Sever: istoriko-kul'turnye svyazi (K 210-letiju Aleksandra Lavrent'evicha Vitberga). Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma [Swedes and Russian North: historical and cultural communications (To Alexander Lavrentyevich Vitberg's 210 anniversary). Materials of the International scientific symposium], Kirov, 1997 [in Russian].

Beleckij, Lesman 2005 - *Beleckij S.V., Lesman Ju.M.* O nizhnem sloe Truvorova gorodishha (zametki na poljah monografii V.V. Sedova) [About the lower layer of Truvorov of the ancient settlement (marginal notes of the monograph of V.V. Sedov)], in: Mastera Srednevekov'ja [Masters Srednevekovyja], St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Buharest, 2005 [in Russian].

Dzhakson, Rozhdestvenskaja 1988 - *Dzhakson T.N., Rozhdestvenskaja T.V.* K voprosu o proishozhdenii toponima «Izborsk» [To a question of a toponym origin «Izborsk»], in: Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR: Materialy i issledovaniya [The most ancient states in the territory of the USSR: Materials and researches], 1986, Moscow, 1988 [in Russian].

Frojanov, Mihajlova 1999 - *Frojanov I.Ja., Mihajlova I.B.* Gorod ili protogorod? (ob odnoj nadumannoju istoricheskoju kategorii) [City or protogorod? (about one far-fetched historical category)], in: Rannesrednevekovye drevnosti Severnoj Rusi i ejo sosedej [Early medieval antiquities of Northern Russia and its neighbors], St. Petersburg, 1999 [in Russian].

Grushevs'kij 1992 - *Grushevs'kij M.S.* Istorija Ukraïni-Rusi [History of Ukraine-Russia], Kiev, 1992, T. II [in Ukrainian].

Istorija Otechestva 2004 - *Istorija Otechestva. Problemy, vzgljady, ljudi* [Fatherland history. Problems, views, people], Pskov, 2004 [in Russian].

Janin 1992 - *Janin V.L.* «Bolotovskij» dogovor o vzaimootnoshenijah Novgoroda i Pskova v XII – XIV vv. [«Bolotovskij» the contract on relationship of Novgorod and Pskov in the XII-XIV centuries], in: Otechestvennaja istorija [National history], 1992, № 6 [in Russian].

Janin 2004 - *Janin V.L.* Knjaginja Ol'ga i problema stanovlenija Novgoroda [Princess Olga and problem of formation of Novgorod], in: Janin V.L. Srednevekovyj Novgorod: Ocherki arheologii i istorii [Medieval Novgorod: Sketches of archeology and history], Moscow, 2004 [in Russian].

Janin 2007 - *Janin V.L.* O nachale Novgoroda [About the beginning of Novgorod], in: U istokov russkoju gosudarstvennosti: Istoriko-arheologicheskij sbornik: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 4-7 oktjabrja 2005 g. Velikij Novgorod [At sources of the Russian statehood: Historical and archaeological collection: materials of the international scientific conference on October 4-7, 2005 Veliky Novgorod], St. Petersburg, 2007 [in Russian].

Karlov 1980 - *Karlov V.V.* K voprosu o ponjatii rannefeodal'nogo goroda i ego tipov v otechestvennoj istoriografii [To a question of concept of the early feudal city and its types in a domestic historiography], in:

Russkij gorod (K probleme gradoobrazovanija) [The Russian city (To a gradoobrazovaniye problem)], Vyp. 3, Moscow, 1980 [in Russian].

Klejn 2004 - *Klejn L.S.* Voskreshenie Peruna. K rekonstrukcii vostochnoslavjanskogo jazychestva [Perun's revival. To reconstruction of East Slavic paganism], St. Petersburg, 2004 [in Russian].

Koneckij 1995 - *Koneckij V.Ja.* Nekotorye aspekty istochnikovedenija i interpretacii kompleksa pamjatnikov v Peryni pod Novgorodom [Some aspects of a source study and interpretation of a complex of monuments in Peryni near Novgorod], in: *Cerkovnaja arheologija. Ch. 1: Rasprostranenie hristianstva v Vostochnoj Evrope* [Church archeology. P.1: Distribution of Christianity in Eastern Europe], St. Petersburg; Velikij Novgorod, 1995 [in Russian].

Korchagin, Mel'nichuk 2004 - *Korchagin P.A., Mel'nichuk A.F.* «Protogorod»: a byla li problema? [«Protogorod»: and whether there was a problem?], in: *Vestnik Permskogo Universiteta* [Bulletin of the Perm University], 2004, Vyp. 4 [in Russian].

Korchins'kij 1994 - *Korchins'kij O.* Pro odin tip gorodishh IX – pochatku XI st. u Verhn'omu Podnistrov'i [About one type of ancient settlements of IX – the beginning of the XI century in the Top Podnestrovyje], in: *Naselenija Pruts'ko-Dnistrovs'kogo mezhirichchja ta sumizhnih territorij. Tezi Mizhnarod. ist.-arh. Seminaru* [Population of Prutsko-Dnestrovsky Entre Rios and neighboring territories. Theses of the international historical and archaeological seminar], Chernivci, 1994 [in Ukrainian].

Kotyshev 2009 - *Kotyshev D.M.* Jevoljucija territorial'noj struktury srednedneprovskogo pravoberezh'ja v konce X – nachale XII veka [Evolution of territorial structure of a srednedneprovsky right bank at the end of X – the beginning of the XII century], in: *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state university], 2009, № 38 (176), *Istorija*, Vyp. 27 [in Russian].

Kuza 1983 - *Kuza A.V.* Social'naja tipologija drevnerusskikh gorodov [Social typology of the Old Russian cities], in: *Russkij gorod (issledovanija i materialy)* [Russian city (researches and materials)], Vyp. 6, Moscow, 1983 [in Russian].

Kuza 1984 - *Kuza A.V.* Goroda v social'no-jekonomicheskoj sisteme drevnerusskogo feodal'nogo gosudarstva X-XIII vv. [The cities in social and economic system of the Old Russian feudal state of the X-XIII centuries], in: *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii* [Short messages of Institute of archeology], 179, Moscow, 1984 [in Russian].

Labutina 1989 - *Labutina I.K.* Jazycheskoe svjatilishhe Pskova [Pagan sanctuary of Pskov], in: *Istorija i kul'tura drevnerusskogo goroda* [History and culture of the Old Russian city], Moscow, 1989 [in Russian].

Lebedev 1994 - *Lebedev G.S.* Truvorovo gorodishhe i zapadnye forposty Rusi Rjurika (oboznachivshajasja problema) [Truvorovo the ancient settlement and the western outposts of Russia Rurik (the designated problem)], in: *Pamjatniki srednevekovoj kul'tury. Otkrytija i versii* [Monuments of medieval culture. Opening and versions], St. Petersburg, 1994 [in Russian].

Lopatin 2005 - *Lopatin N.V.* O versijah periodizacii i hronologii nizhnih gorizontov Truvorova gorodishha [About versions of a periodization and chronology of the lower horizons of Truvorov of the ancient settlement], in: *Izborsk: istorija i sovremennost' (Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii «Muzej kak centr razvitija mestnyh soobshhestv. Imidzh muzeja – otkrytost'», posvjashhennoj 40-letiju obrazovanija muzeja)* [Izborsk: history and present (Materials of scientific and practical conference «Museum as center of development of local communities. Image of the museum – openness», devoted to the 40 anniversary of formation of the museum)], Izborsk, 2005 [in Russian].

Machinskij 1986 - *Machinskij D.A.* Jetnosocial'nye i jetnokul'turnye processy v Severnoj Rusi (period zarozhdenija drevnerusskoj narodnosti) [Ethnosocial and ethnocultural processes in Northern Russia (the period of origin of an Old Russian nationality)], in: *Russkij Sever. Problemy jetnokul'turnoj istorii, jetnografii, fol'kloristiki* [Russian North. Problems of ethnocultural history, ethnography, folklore studies], Leningrad, 1986 [in Russian].

Mavrodin, Frojanov 1988 - *Mavrodin V.V., Frojanov I.Ja.* Fridrih Jengel's ob osnovnyh jetapah razlozhenija rodovogo stroja i vopros o vznikenii gorodov na Rusi [Friedrich Engels about the main stages of decomposition of a patrimonial system and a question of emergence of the cities in Russia], in: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Leningrad state university], 1970, № 20 [in Russian].

Nesin 2010 - Nesin M.A. K istorii proishozhdenija Galicha [To history of an origin of Galich], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2010, № 3 (21) [in Russian].

Nesin 2011 - Nesin M.A. Galickoe veche i Daniil Galickij v 1205-1229 gg. [Galitsky veche and Daniil Galitsky in 1205-1229], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2011, № 2 (24) [in Russian].

Nesin 2012 - Nesin M.A. Istorija proishozhdenija Novgoroda kak projavlenie obshhjih i chastnyh zakonomernostej processa gradoobrazovaniya [History of an origin of Novgorod as manifestation of the general and private regularities of process of a gradoobrazovaniye], in: X Plehanovskie chtenija «Rossija: sredotochie narodov i perekrestok civilizacij» [X Plekhanovsky readings «Russia: center of the people and intersection of civilizations»], St. Petersburg, 2012 [in Russian].

Nesin 2015 - Nesin M.A. Nekotorye cherty social'noj transformacii v X-XI vv. v vostochnoslavjanskom obshhestve v letopisnoj social'noj terminologii [Some lines of social transformation in the X-XI centuries in East Slavic society in annalistic social terminology], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2 [in Russian].

Nosov 2007 - Nosov E.N. Peryn' [Peryn], in: Velikij Novgorod. Istorija i kul'tura IX—XVII vekov. Jenciklopedicheskij slovar' [Veliky Novgorod. History and culture of the IX—XVII centuries. Encyclopedic dictionary], St. Petersburg, 2007 [in Russian].

Pasternak 1944 - Pasternak Ja. Starij Galich [Old Galich], Krakiv; L'viv, 1944 [in Ukrainian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej, T. I, Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. I. Lavrentyevsky chronicle], Moscow, 1997 [in Russian].

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej, T. II, Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. II. Ipatyevsky chronicle], Moscow, 1998 [in Russian].

PSRL. III - Polnoe sobranie russkih letopisej, T. III, Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshhego izvodov (reprint izdanija 1950 g., podgotovlennogo A.N. Nasonovym) [Complete collection of the Russian chronicles. T. III. The Novgorod first chronicle of the senior and younger izvod (a reprint of the edition of 1950 prepared by A.N. Nasonov)], Moscow, 2000 [in Russian].

Rapov 1983 - Rapov O.M. Eshhe raz o ponjatii «russkij rannefeodal'nyj gorod» [Once again about the concept «Russian early feudal city»], in: Genezis i razvitie feodalizma v Rossii [Genesis and development of feudalism in Russia], Leningrad, 1983 [in Russian].

Rospond 1972 - Rospond S. Struktura i stratigrafija drevnerusskih toponimov [Structure and stratigraphy of Old Russian toponyms], in: Vostochno-slavjanskaja onomastika [East Slavic onomastics], Moscow, 1972 [in Russian].

Rybakov 1980 - Rybakov B.A. Gorod Kija [Kia's city], in: Voprosy istorii [History questions], 1980, № 5 [in Russian].

Rybakov 1987 - Rybakov B.A. Jazychestvo Drevnej Rusi [Paganism of Ancient Russia], Moscow, 1987 [in Russian].

Sedov 1953 - Sedov V.V. Drevnerusskoe jazycheskoe svjatilishhe v Peryni [Old Russian pagan sanctuary in Peryni], in: Kratkie soobshhenija Instituta istorii material'noj kul'tury [Short messages of Institute of history of material culture], 1953, Vyp. 50 [in Russian].

Sedov 1954 - Sedov V.V. Novye dannye o jazycheskom svjatilishhe Peruna (po raskopkam Novgorodskoj jekspedicii 1952 g.) [New data on a pagan sanctuary of Perun (on excavation of the Novgorod expedition of 1952)], in: Kratkie soobshhenija Instituta istorii material'noj kul'tury [Short messages of Institute of history of material culture], 1954, Vyp. 53 [in Russian].

Sedov 1975 - Sedov V.V. Zhilishha Jugo-Vostochnoj Pribaltiki (I - nachalo II tysjacheletija n.je.) [Dwellings of Southeast Baltic (I - the beginning of the II millennium AD)], in: Drevnee zhilishhe narodov Vostochnoj Evropy [Ancient dwelling of the people of Eastern Europe], Moscow, 1975 [in Russian].

Sedov 1982 - Sedov V.V. Vostochnye slavjane v VI-XIII vv. [East Slavs in the VI-XIII centuries], Moscow, 1982 [in Russian].

Sedov 1983 - Sedov V.V. Nachalo gorodov na Rusi [The beginning of the cities in Russia], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i slavjane: Materialy simpoziuma, posvjashhennye 1500-letiju Kieva [Old

Russian state and Slavs: The symposium materials devoted to the 1500 anniversary of Kiev], Moscow, 1983 [in Russian].

Sedov 1985 - *Sedov V.V.* Izborsk v VIII-X vv. [Izborsk in the VIII-X centuries], in: *Novoe v arheologii Pribaltiki i sosednih territorij* [New in archeology of Baltic and the neighboring territories], Tallin, 1985 [in Russian].

Sedov 1989 - *Sedov V.V.* Stanovlenie evropejskogo rannesrednevekovogo goroda [Formation of the European early medieval city], in: *Stanovlenie evropejskogo srednevekovogo goroda* [Formation of the European medieval city], Moscow, 1989 [in Russian].

Sedov 1996 - *Sedov V.V.* Toponim Pskov [Toponym Pskov], in: *Arheologija i istorija Pskova i Pskovskoj zemli: Materialy seminara* [Archeology and history of Pskov and Pskov earth: Seminar materials], Pskov, 1996 [in Russian].

Sedov 1998 - *Sedov V.V.* Drevnij Izborsk [Ancient Izborsk], in: *Drevnij Pskov: Istorija. Iskusstvo. Arheologija. Novye issledovanija* [Ancient Pskov: History. Art. Archeology. New researches], Moscow; Izobreck, 1998 [in Russian].

Sedov 1999 - *Sedov V.V.* Izborsk v konce X — nachale XI v. [Izborsk at the end of X — the beginning of the XI century], in: *Velikij Novgorod v istorii Srednevekovoj Evropy: k 70-letiju V.L. Janina* [Veliky Novgorod in the history of Medieval Europe: to the 70 anniversary V.L. Yanina], Moscow, 1999 [in Russian].

Sedov 2001 - *Sedov V.V.* Mezhdunarodnye kontakty Izborska v IX – nachale X v. [The international contacts of Izborsk in IX – the beginning of the X century], in: *Norna u istochnika Sud'by: Sbornik statej v chest' Eleny Aleksandrovny Mel'nikovoj* [Norna at the Destiny source: The collection of articles in honor of Elena Aleksandrovna Melnikova], Moscow, 2001 [in Russian].

Sedov 2002 - *Sedov V.V.* Izborsk – protogorod [Izborsk – protogorod], Moscow, 2002 [in Russian].

Sedov 2003 - *Sedov V.V.* Stanovlenie Pskova [Formation of Pskov], in: *Pskov v rossijskoj i evropejskoj istorii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Pskov in the Russian and European history: Materials of the International scientific conference], Moscow, 2003 [in Russian].

Sedov 2007 - *Sedov V.V.* Izborsk v Rannem Srednevekov'e [Izborsk in the Early Middle Ages], Moscow, 2007 [in Russian].

Tolochko 1983 - *Tolochko P.P.* Drevnij Kiev [Ancient Kiev], Kiev, 1983 [in Russian].

Tolochko 1985 - *Tolochko P.P.* Proishozhdenie drevnejshih vostochnoslavjanskih gorodov [Origin of the most ancient East Slavic cities], in: *Zemli juzhnoj Rusi IX-XIV vv.* [Earth of the IX-XIV centuries of the southern Russia], Kiev, 1985 [in Russian].

Zhuh 2009 - *Zhuh M.I.* Letopisnaja stat'ja 6714 goda Ipat'evskoj letopisi i vopros o vozniknovenii Galicha [Annalistic article of the 6714th year of the Ipatyevsky chronicle and question of emergence of Galich], in: *Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin»* [International historical magazine «Rusin»], 2009, № 4 (18) [in Russian].

Zhuh 2013 - *Zhuh M.I.* Reforma knjagini Ol'gi kak popytka centralizacii Rusi [Reform of the princess Olga as attempt of centralization of Russia], in: *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli: materialy nauchnoj konferencii 17-18 nojabrja 2011 g.* [Past of Novgorod and Novgorod earth: materials of scientific conference on November 17-18, 2011], Velikij Novgorod, 2013 [in Russian].

Несин Михаил Александрович – Аспирант исторического факультета Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Nesin Mikhail – Postgraduate at the Department of history of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

E-mail: petergof-history@yandex.ru

УДК 94(363);929.5

КТО ТАКИЕ НЕМЦЫ? ОНОМАСТИКА И ДНК-ГЕНЕАЛОГИЯ

И.Л. Рожанский

Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония)

e-mail: mail@histformat.com

Авторское резюме

Общепринятая этимология этнонима «немцы» от прилагательного «немой» показала свою несостоятельность при детальном анализе акцентных форм и семантики соответствующих слов древнерусского языка. Для поиска реального происхождения этого общеславянского названия своих западных соседей были использованы данные Y-ДНК с проекта германоязычных народов, которые позволили выделить генеалогические линии, маркирующие миграции ранних германцев I-II веков до н.э. Совместный анализ ДНК уроженцев юго-запада Германии и письменных источников дает поддержку гипотезе, что этноним «немцы» восходит ко временам ранних германо-славянских контактов, предположительно, в междуречье Эльбы и Одера в последние столетия до н.э.

Ключевые слова: славяне, германцы, ДНК-генеалогия.

WHO ARE «NEMTSI»? ONOMASTICS AND DNA-GENEALOGY

Igor Rozhanskii

Abstract

A commonly accepted etymology of the Russian «nemtsi» (Germans) as derived from «nemoi» (dumb), appears to be strongly inconsistent with accentual and semantic features of corresponding words in the Old Russian. In search for the actual origin of this common Slavic word for their western neighbors, data of the German language area DNA project have been employed. Among those, several genealogical lineages have been identified, which can be considered as probes for the early German migrations of the 1st-2nd centuries BC. A joint analysis of Y-DNA data for the inhabitants of southwest Germany together with ancient literature sources supports a hypothesis about an origin of the ethnonym «nemtsi» during early German-Slav contacts, presumably in area between Elbe and Oder rivers within the last centuries BC.

Keywords: Slavs, Germans, DNA genealogy.

* * *

Последние полтора тысячелетия ход европейской, а начиная с Нового времени, и мировой истории во многом определяется взаимодействием двух суперэтносов – германского и славянского. В сравнении с цивилизациями Ближнего Востока и Средиземноморья, их письменная история в качестве самостоятельных единиц начинается довольно поздно, а потому почти всё, что происходило с ними до появления в хрониках, приходится восстанавливать по косвенным источникам: мифологии, фольклористике, археологии и интерпретациям древних текстов, что, как правило, не поддаются однозначной трактовке. Не последнюю роль в этих

реконструкциях играют исследования лингвистов, которые собрали обширный материал по древним контактам предков современных славян и германцев (Кузьменко 2011). Помимо близкого географического соседства, о древности этих контактов говорит и то, что в славянских языках в качестве собирательного этнонима германцев служат не производные от латинского *germani* или древневерхненемецкого самоназвания *diutisc*, как в большинстве языков, а слова, восходящие к загадочному протославянскому **něтъсі*.

О загадке слова «немец» речь пойдет ниже, а пока можно отметить, что разные экзоэтнонимы одного и того же народа зачастую несут информацию о времени и формах контактов. Например, китайское и японское названия немцев («дэгуо» и «дойцу», соответственно), очевидно, были заимствованы из голландского *duitse*, поскольку голландцы, наряду с португальцами, были первыми европейскими народами, налажившими прямые связи со странами Дальнего Востока. Что касается более близких соседей, то достаточно очевидно происхождение финского экзоэтнонима *saksa*. Контакты финнов с жителями Германии начались до того, как немецкое *Deutsche* и его скандинавский аналог *tysk* стали общеупотребительными, а потому они использовали название той группы немцев, с которыми контактировали более всего (т.е. саксов), отделяя их тем самым от других германоязычных народов – шведов (*ruotsi*) и датчан (*tanska*). Очевидно, в этом случае речь идет о временах, предшествовавших созданию Ганзейского Союза, в котором выходцы из Саксонии играли ведущие роли.

С французским *allemand*, от которого происходят также соответствующие названия в испанском, португальском и арабском, ситуация несколько иная. В отличие от финнов, французы имели тесные связи со всеми этническими группами Германии, и выбор в качестве собирательного названия только одной из них – алеманов (*Alamanni*), – не столь очевиден. Загадка вполне логично решается, если принять, что во французский это слово пришло от франков – германского народа, завоевавшего Галлию после распада Римской Империи и давшего ей нынешнее название. Их северо-восточным соседом были саксы, а южным – алеманы. С точки зрения франков, было вполне закономерно именовать всех говорящих на германских языках, но отличных от них самих, по имени одного из этих племенных союзов, что ко времени возникновения их королевства занимали основную часть территории исторической Германии. Перевес оказался на стороне алеманов. Франки быстро романизовались, и у их потомков этноним «алеманы» утратил свою различительную функцию (германцы, но не мы), но сохранился в разговорном языке, одержав в итоге верх над книжными *Germani* и *Teutoni*. Следовательно, слово *allemand* можно считать напоминанием об эпохе Великого переселения народов, когда на обломках Империи образовались различные варварские королевства.

После такого вступления можно сформулировать постановку вопроса, вынесенного в заголовок. Память о какой эпохе хранит русское слово «немцы»? Что можно сказать о времени и месте его возникновения? Какой народ или группу народов изначально называли немцами, и что это слово означало? Каков был характер отношений между «прото-немцами» и славянами? Эта тема, казалось бы, давно исследована, и уже несколько десятилетий среди лингвистов и большей части

историков достигнуто согласие, которое в сжатой форме изложено в этимологическом словаре русского языка М. Фасмера. Вот что сообщает словарная статья:

Слово: немец

Ближняя этимология: род. п. -нца, др.-русск. нѣмьць «человек, говорящий неясно, непонятно»; «иностранец», нѣмьчинь «немец, любой иностранец» (Срезн. II, 486 и сл.; Ф. Браун, *Germanica Sievers* 679 и сл.), ср.-греч. Νεμίτζοι мн. «немцы» (Конст. Багр., *De serim.* 2, 398; см. Томсен, *Ursprung* 120), болг. немец – то же при немец «немой» (Младенов 362), сербохорв. нијемац «немец; немой», словен. πέмес «немой; название сев. ветра; сорт овса», чеш. πέмес «немец», словц. pemec, польск. niemiec, в.-луж. пѣмс, н.-луж. nimc.

Дальняя этимология: Праслав. *пѣмьсь «чужестранец» образовано от пѣтъ (см. немой). Ср. диал. говоритъ нѣмо, т.е. «невнятно говорить (о ребенке)», вятск. (Васн.), нѣмчик «малыш, ребенок, который еще не говорит», смол. (Добровольский), немко́ «немой», арханг. (Подв.), немтырь, немтура́ «косноязычный, заика», вятск. (Васн.), др.-русск.: Югра же людие есть языкъ нѣмъ, т.е. «чужой, иноязычный (немой) народ» (Лаврентьевск. летоп. под 1096 г.), греч. οὐθ Ἑλλάς οὐτ' ἄλωσσος γαῖα (Софокл, Трах. 1096); см. Грюненталь, *ZfslPh* 13, 342; *AfslPh* 39, 290 и сл.; 42, 318; Улашин, *ZfslPh* 6, 369 и сл.; В. Шульце, *KZ* 50, 129, где даны семантические параллели. С названием зап.-герм. неметов (Плиний, Тацит; см. Мух у Хоопса, *Reall.* 3, 301 и сл.) у Шпейера слав. пѣмьсь не имеет ничего общего по фонетическим и географическим соображениям, вопреки Шахматову (*AfslPh* 33, 82 и сл.), Беличу (*ИОРЯС* 8, 2, 388), Микколе (*Zschr. f. d. Wf.* 6, 372; *Этногр. Обзор.* 60, 178; *РФВ* 48, 270 и сл.); ср. Фасмер, *RS* 6, 194; Ягич, *AfslPh* 31, 591; Янко, *Teuthonista* 8, 127 и сл.; *WuS* 1, 108; *ZfslPh* 13, 417 и сл.; Клюге, *Zschr. f. d. Wf.* 6, 372 и сл.; Грюненталь, там же; Улашин, там же. Ошибочна также гипотеза о первонач. знач. «кочевник» и родстве с греч. νέμω «пасусь», νομή «пастбище», νομάς «кочевник», νέμος «лес», лат. nemus, -oris «роща», вопреки Ильинскому (*ИОРЯС* 24, 1, 148 и сл.). О греч. и лат. словах гораздо лучше говорится у Гофмана (*Gr. Wb.* 214; *Вальде-Гофм.* 2, 158). От нѣмьць произведено др.-русск. нем(ь)чичи мн., Смол. грам. 1229 г. (Напьерский 425), неоднократно.

Казалось бы, примеры из летописей и русских диалектизмов не дают повода усомниться, что слово «немец» происходит от прилагательного «нѣмьи», для которого, в свою очередь, предлагается оноματοпоэтическая этимология. Оно имитирует мычание немого или косноязычного человека, подобно похожим конструкциям в русских словах «бубнить» и «мямлить» или греческом βάρβαρος (чужеземец, говорящий невнятно). Однако подобная трактовка вызывает, как минимум, два серьезных вопроса. Во-первых, почему, в отличие от уже приведенных примеров с японским, финским и французским языками, традиционная этимология славянского «немец» выглядит откровенно умозрительной и не дает никаких привязок ни ко времени, ни к реально существовавшим народам? И, во-вторых, как

объяснить то, что в русском, равно как в древнерусском и всех славянских языках, ударение в слове «немец» падает на первый слог, а акцентная парадигма древнерусского прилагательного «нѣмъи» требует, чтобы в производном от него существительном ударение было на конце слова, как в образованных по той же конструкции словах «слепец» или «хромец»?

Авторы «классической версии» знать этого не могли, потому что законы древнерусской акцентуации были открыты только в 80-е годы XX века, а первое справочное издание по древнерусскому ударению появилось в наши дни (Зализняк 2014). Ударение в производных от прилагательного «нѣмъи» (краткая форма «нѣмъ») следует акцентной парадигме «с», согласно которой оно никогда не падает на основу, за исключением специальных случаев. Той же самой парадигме следует слово «слѣпыи», сохранившее ее и в современном русском языке (слепой – слепец). Прилагательное «хромъи» в древнерусском имело ударение на первом слоге и подчинялось акцентной парадигме «b», согласно которой в производном от него «хромец» оно переходит на второй слог. Слово «нѣмци» во всех источниках, использовавшихся при составлении словаря, подчиняется акцентной парадигме «а», с фиксированным ударением на основе.

Эти акцентные схемы в древнерусском соблюдались весьма строго, а потому следует искать серьезные причины, почему произошла их смена при образовании существительного «немец» от прилагательного «немой». Справедливости ради, в акцентологическом словаре приводятся единичные примеры, когда «нѣмъи» получало ударение по парадигме «а» (рукописи 1500 г. из монастыря на Онежском озере и 1551 г. из Рязани), но этого явно недостаточно, чтобы считать ее исходной для этого слова (Зализняк 2014: 380). Таким образом, расхождения в акцентных схемах слов «нѣмъи» и «нѣмци» указывает либо на заимствование последнего из другого, видимо, не славянского языка, либо на то, что оно образовалось не от «нѣмъи».

Для проверки второго предположения следует рассмотреть, с помощью каких суффиксов формировались этнонимы в древнерусском языке. Значительная их часть имела бессуффиксальную конструкцию, как, например, «грекы», «еврѣи» или «печенѣгы». Названия славянских и некоторых других племен, как правило, получались добавлением к основе суффикса «-ичи» (кривичи, вятичи, радимичи, а также вогуличи). Весьма продуктивным в древнерусском был суффикс «-ане/-яне» (древляне, поляне, хорутане, а также египтяне, критяне, римляне и т.д.), который присоединялся к топониму, делая его определением для того или иного народа. В современных восточнославянских языках он вышел из употребления в этом значении (редкое исключение – «инопланетяне» и «марсиане»), и вместо него стал использоваться чрезвычайно продуктивный в настоящее время суффикс «-ец» (мн.ч. «-цы»). Например, современный народ на Балканах мы называем македонцами, а жителей Македонского царства времен античности, по традиции, македонянами. Характерно, что во всех этнонимах, кончающихся на «-ец/-цы», ударение всегда падает на основу, как и в слове «немцы» (ср., эстонцы, испанцы, норвежцы, а также собирательные горцы и африканцы).

Однако в древнерусском и, очевидно, в праславянском этот суффикс практически не использовался в таком значении, и в памятниках той эпохи отмечен

почти исключительно по отношению к жителям некоторых городов (муромець, новгородець, новоторжець и т.п.). По этой причине маловероятно, что общеславянское «немцы» – это производное от какого-то топонима, начинавшегося на «нѣм», о местонахождении которого ничего сказать нельзя. Наконец, специфическими для древнерусского языка являются этнонимы в краткой форме (как правило, заканчивающиеся на полугласный «-ь»), что применялись к окружающим неславянским народам: чудь, весь, жмудь, голядь, водь, пермь, а также литва, мордва, меря, мурома и т.д. Древнерусское «нѣмьць» по своей конструкции совпадает с этим способом образования этнонимов, в том числе и по наличию производного «нѣмчинь», подобно «жмудин» или «мордвин». Однако в письменных источниках такая форма употребления слова «нѣмьць» не отмечена, насколько можно судить. Форма множественного числа «нѣмци» также противоречит такой трактовке. Следовательно, среди славянских словообразовательных моделей нет такой, что позволяла бы привести к образованию этнонима «немцы» без очевидных натяжек.

Последним доводом общепринятой модели остается утверждение, что протославянское **нѣтъсі* обязано своим появлением цепочке семантических переходов от «говорящего невнятно» к «чужеземцу вообще» и, далее, к «чужеземцу, говорящему на германских языках». Даже если пренебречь нарушением правил акцентуации, что недопустимо при научном подходе (см. выше), данная семантическая модель с поэтапным сужением выглядит явно надуманной. Примеры подобного сужения если и зафиксированы в каких-либо языках (автору найти их не удалось), то их единицы в сравнении с расширительной семантикой, некоторые примеры которой были приведены во введении. Греческое βάρβαρος всегда оставалось собирательным, и ни один из источников не пишет про «варваров» как определенный, отличный от других народ. То же самое относится, к примеру, к русскому «горцы» или «горские народы», что долгое время было собирательным для народов Северного Кавказа. Оно никогда не переносилось на какой-либо определенный народ, как не существовало и понятия «горский язык».

Поскольку версию с семантическим сужением на все 100% отвергать все же нельзя, следует рассмотреть, проявляется ли оно в каких-либо источниках. Расширительное толкование слова «нѣмци», действительно, отмечено в памятниках XVI-XVII веков, преимущественно московских, где упоминаются, например, «шведские немцы» (Соловьев 2013: 120) или «бельские немцы» – шотландцы и ирландцы по национальности (Малов 2006: 35-36). Однако более ранние документы, такие как Повесть Временных Лет (ПВЛ) и новгородские договорные грамоты, такого обобщения не знают и четко разграничивают немцев и другие народы, живущие с ними по соседству.

«Афетово бо и то колъно Вар^ази Свеи. Оурмане [Готе] Русь . Агнане Галичане . Волъхва Римлане Нѣмци . Корлази Венѣдици Фрагове и прочии доже пристѣдять ѿ запада къ полуночью и състѣдаться съ племянемъ Хамовъ» (ПВЛ, Лаврентьевский список, лист 2)

«Се азъ князь Олександръ и сынъ мои Дмитрии, с посадникомъ Михаилъмъ, и с тысяцькимъ Жирославомъ, и съ вѣтми новгородци докончахомъ миръ с посломъ

нтьмыцкымъ Шивордомъ, и с любьцкымъ посломъ Тидрикомъ, и с гьцкымъ посломъ Ольстенъмъ, и съ встъмъ латиньскымъ языкомъ» (1262-1263 гг. — Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле).

Место обитания немцев из ПВЛ не совсем понятно, поскольку они всего лишь упоминаются в общем перечне потомков Яфета между римлянами и загадочными корлязями, но очевидно, что в этом контексте речь идет о конкретном народе, а не чужеземцах вообще. Мирный договор, заключенный Александром Невским, дает более ясное указание, кого называли немцами в Новгороде в середине XIII века. Это, несомненно, жители севера Германии, многолетние торговые партнеры Новгородской республики. Вольности с игрой в разные смыслы одного и того же слова недопустимы в столь важном дипломатическом документе. Таким образом, постоянно приводимый, со ссылкой на словарь И.И. Срезневского, тезис о равнозначности исходных значений «немец» и «чужеземец» не выдерживает проверки применительно к древнерусскому языку.

Однако этот этноним имеет корни в протославянском языке, и, может быть, в более ранние времена он все же имел расширенное значение? Впервые немцы появляются в трактате «О церемониях», написанном на средневековом греческом в середине X века по заказу императора Константина VII Багрянородного. В 48-й главе, посвященной формулам обращений к иностранцам, перечисляются короли (Ῥίγα), в переписке с которыми предписывалось употреблять довольно сложную фразу, близкую к той, с которой обращались к римскому папе. Это короли Саксонии (Σαξονίας), Баварии (Βαϊερίη), Франции (Γαλλίας) и Германии (Γερμανικείας), то есть наследники империи Карла Великого, что, очевидно, и передает общая для них всех формула. После упоминания Баварии автор трактата дает примечание, что ее жителей обычно называют немцами (Νεμίτζιοι) (рис. 1, вторая строка сверху)

Рис. 1. Отрывок из трактата «О церемониях» с упоминанием народа Νεμίτζιοι (Константин)

То есть ко времени написания трактата этноним «немцы» был настолько распространен в Византии, что автору (видимо, самому императору) пришлось напоминать своим придворным, что некие баварцы – это хорошо им знакомые немцы. В политических реалиях X века королевство «немцев» соответствовало территории современной Австрии, Баварии и части земли Баден-Вюртемберг (рис. 2), причем, как и в написанной позже ПВЛ, проводится четкое различие между немцами и другими народами, в том числе германоязычными.

Рис. 2. Расположение королевств – наследников империи франков, к концу X века

При жизни Константина Багрянородного в Паннонии поселился новый народ – воинственные племена венгров, язык которых пополнился большим массивом славянизмов для реалий, незнакомых им в прежних местах обитания. Название своих западных соседей они заимствовали в форме *német*, где первая гласная звучит, как среднее между «е» и «и», как и древнерусская «ѣ». Не совсем ясно, почему в конце слова стоит согласный *t*, поскольку в венгерском имеется звук, обозначаемый буквой *s* и совпадающий по звучанию со славянским «ц». Если фонетических проблем с точной передачей славянского этнонима у современных венгров нет, то следует допустить, что либо в старовенгерском языке X-XI веков звука «ц» не было, либо венгры заимствовали этноним в форме с конечным *t*. Надежных сведений о фонетике старовенгерского языка найти не удалось, а потому вопрос остается открытым. Однако наличие в руническом венгерском алфавите IX-XI веков отдельной буквы «†», соответствовавшей *s* в латинице, делает второй вариант более вероятным.

Как и Νεμίτζιοι в греческом трактате, венгерское *német* применялось к жителям современных Австрии и Баварии, а не к германским народам в совокупности. Живших севернее франков венгры раннего Средневековья называли *olas*, то есть «влахами» на языке хорватов и словенцев (Kniezsa 1955, с. 360). Спустя какое-то время, южнославянским «влах» (заимствованным, в свою очередь, из древнегерманского названия кельтов **walhaz*) и его венгерском аналогом *olah* станут называть румын, видимо, из-за сходства их языка с наречием романизованных

франков. Из этого анализа можно сделать вывод, что к середине X века этноним «немцы» был общеупотребительным (по меньшей мере) на юго-востоке Европы и применялся к юго-восточной группе германских народов – предкам современных австрийцев и баварцев. Нет никаких признаков того, что этот этноним до того имел более широкое значение, а венгерская форма *nemet* заставляет усомниться в его славянской этимологии, поскольку в ней исчезает славянский суффикс «-ьць».

Можно также отметить, что ареал, занимаемый «немцами» X века, совпадает с тем, где жили алеманы, не упоминаемые ни в одном из славянских источников. Очевидно, франки называли алеманами тот же самый народ. Поскольку источники ПВЛ, по мнению большинства исследователей, связаны с южнославянской традицией, то под упоминаемыми в ее вводной части «немцами», видимо, имеются в виду «Βαϊεῖρη-Νεμίτζιο» Константина Багрянородного, о чем косвенно говорит и порядок перечисления в процитированном выше отрывке. Они соседствуют не с северянами (урмане, варяги, свеи, русь), а с народами, входившими некогда в состав Римской Империи (волохи, римляне, венецианцы-венедицы).

Если вернуться к трактовке этимологического словаря Фасмера, то, вопреки ей, слово «немец» претерпевает на протяжении шести столетий не сужение, а расширение смысла, от сравнительно небольшой группы народов в Центральной Европе в самых ранних источниках до говорящих на похожем языке северных германцев в новгородских грамотах и западных европейцев вообще во времена первых Романовых. Значение «чужеземец, говорящий не по-нашему» не реконструируется ни при каких допущениях, за исключением, видимо, случайного созвучия с прилагательным «немой».

На этом можно завершить анализ наиболее устоявшейся этимологии слова «немцы» и признать ее крайне неубедительной. Она не отвечает ни на один из вопросов, поставленных во вводной части, подменяя их умозрительными рассуждениями и откровенными натяжками в фонологии и семантике. По этой причине многие исследователи предлагали другие версии возникновения этого этнонима, некоторые из которых критически обсуждаются в словарной статье. С пометкой «не имеет ничего общего по фонетическим и географическим соображениям» дается этимология, предложенная ещё в XIX веке основоположником научного изучения древнерусского языка А.А. Шахматовым, которая выводит его из названия племени, жившего по среднему течению Рейна и упомянутого в сочинениях Цезаря и Тацита под именем *Nemetes* (Caes. Gal. 1.51; Tac. Ann. 12.27; Tac. Ger. 28), или как *Nemetae* у Аммиана Марцелина (Amm. 15.11). Профессиональный лингвист М. Фасмер прибегает здесь к аргументу вне лингвистики и дает формулировку о «географических соображениях», что не очень характерно для его стиля. В силу ограничений на объем словарной статьи смысл этих «соображений» не раскрывается, но несложно догадаться, что это – небезызвестный постулат о том, что славян до VI века н.э. не было, а потому о существовании племени *Nemetes*, в последний раз упомянутом в III веке и жившем вдалеке от бассейнов Вислы или Припяти (куда во времена М. Фасмера помещали прародину славян), они знать не могли.

Что касается «фонетических соображений», то они состоят в том, что долгое *e* в латинском названии германского племени не могло дать букву «ѣ» в древнерусском и *é* - в венгерском, поскольку этого не происходит в заимствованных из латыни словах с тем же звуком. Однако это правило не соблюдается, если направление заимствования было противоположным или слово пришло в латынь и славянские языки независимо из третьего источника. Число вариантов записи гласного, отсутствовавшего в латыни, в таком случае резко возрастает. В качестве примера можно привести древнегреческое мужское имя Ἀνδρέας (мужественный), которое в классической латыни имело форму *Andreās*, а в древнерусском – «Андрѣй». Следовательно, в отрыве от других данных фонологический анализ не способен дать однозначный ответ, насколько обоснованными являются те или иные закономерности в заимствованных словах. Другие версии, предложенные в словарной статье, выглядят пока чересчур умозрительными в контексте поставленной задачи. Как результат, ни одна из предложенных этимологий слова «немцы» не свободна от натяжек, а главное, не позволяет даже близко подойти к ответу на поставленные вопросы.

Чтобы этого добиться, необходимо привлекать данные вне лингвистики и четко сформулировать, какие возможные гипотезы можно проверить с их помощью. Поскольку версию с невнятно говорящими «немцами» нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, то основное внимание следует уделить реально существовавшему племени, которое в русскоязычной литературе принято называть *неметами*. Название это несколько условно, потому что в античных источниках оно упоминается только во множественном числе. По правилам латинской грамматики, форма именительного падежа единственного числа слова *Nemetes* не имеет единственного варианта, и с равной вероятностью может выглядеть как *Nemet*, *Nemes* или *Nemets*.

Об этом народе сведений сохранилось не много. Юлий Цезарь упоминает их при перечислении германских племен, перешедших на левый берег Рейна под предводительством Ариовиста (гаруды, маркоманы, трибоки, вангионы, неметы, седусии и свебы), а после поражения от римлян в 58 г. до н.э. в битве при Вогезах вернувшихся за Рейн. В «Германии» Тацита, написанной 150 лет спустя, неметы, наряду с трибоками и вангионами, оказываются недалеко от тех мест, где они когда-то потерпели поражение от легионов Цезаря – на левом берегу Рейна, между современными Франкфуртом и Страсбургом. Французский кельтолог К. Деламар предлагает галльскую этимологию для этнонима, руководствуясь созвучием с такими топонимами, как *Nematacum* (совр. Аррас) и *Augustonemetum* (совр. Клермон-Ферран), которые возводит к нигде не зафиксированному, но реконструированному галльскому слову **nemeton* (священная роща) (Delamarre 2003)¹. Так это или нет, однозначно сказать нельзя. Античные географы упоминают города неметов *Julius Vicus* и *Noviomagus Nemetum*, современные Гермерсхайм и Шпайер в земле Рейнланд-Пфальц (Hazlitt 1851: 192, 245).

С возникновением в этом регионе племенного союза алеманов в середине III

¹ Цит. по: <http://www.arbre-celtique.com/encyclopedie/nemeton-sanctuaire-bois-sacre-2695.htm>

века н.э. неметы перестают упоминаться в документах, а их главный город неоднократно подвергается грабежам и переименованиям. Под латинизированным названием *Spira* он стал в VII веке одним из важных центров формирования германской государственности, и не только германской. Еврейская община Шпайера, наряду с расположенным рядом Вормсом, дала начало этнической группе ашкенази.

Из этой краткой сводки для целей настоящего исследования можно отметить два пункта. Во-первых, земли неметов находились на той же самой территории, которую затем населяли алеманы, они же (?) Νεμίτζιοι из трактата Константина Багрянородного, они же (?) западные соседи венгров (*németek*) и, видимо «нѣмци» из вводной главы ПВЛ. И, во-вторых, в силу своего географического положения их главный город *Noviomagus Nemetum* (будущий Шпайер) долгое время был важным торговым и военным центром на римско-германской границе. Возможна ли при таких условиях ситуация, чтобы название одного из народов, населявших южную часть исторической Германии, стало собирательным для них всех?

Прямых указаний на это нет, но, как показывает история этнонимов «греки» (от небольшого племени в Эпире) и «китайцы» (от существовавшего в X-XII веках н.э. ханства китаев на территории современных Монголии и Маньчжурии), подобный семантический сдвиг нельзя назвать необычным. Насколько велика его вероятность в данном случае, зависит от уже упомянутых «географических соображений». А именно, можно ли найти доказательства того, что предки славян и неметов с берегов Рейна когда-то были близкими соседями, а также сохраняли контакты достаточно долгое время, чтобы этот этноним получил расширительное толкование?

Поскольку лингвистические реконструкции фактически исчерпали свой потенциал, а интерпретации археологических данных редко бывают однозначными, следует привлечь ДНК-генеалогию. Положительным моментом в таком исследовании можно считать обилие материала по ДНК этнических немцев в высоком разрешении. На ДНК-проекте германоязычных народов для анализа было отобрано 2227 гаплотипов, удовлетворявших следующим критериям: (1) их длина должна быть 37 и более маркеров; (2) документированный предок участника проекта должен быть уроженцем Германии, Нидерландов, Бельгии (фламандцы), Люксембурга, Австрии, германоязычных частей Швейцарии, Франции и Италии, или (3) иметь подтвержденные данные о том, что он был этническим немцем из Восточной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Россия, Украина, Румыния, Сербия).

Как можно ожидать для группы народов, занимающих весь центр Европы, у них отмечено большое количество гаплогрупп, причем с заметными различиями в составе по регионам. К самым распространенным следует отнести R1b, I1 и R1a. Общая статистика по распределению генеалогических Y-хромосомных линий на территории исторической Германии проведена на рис. 3.

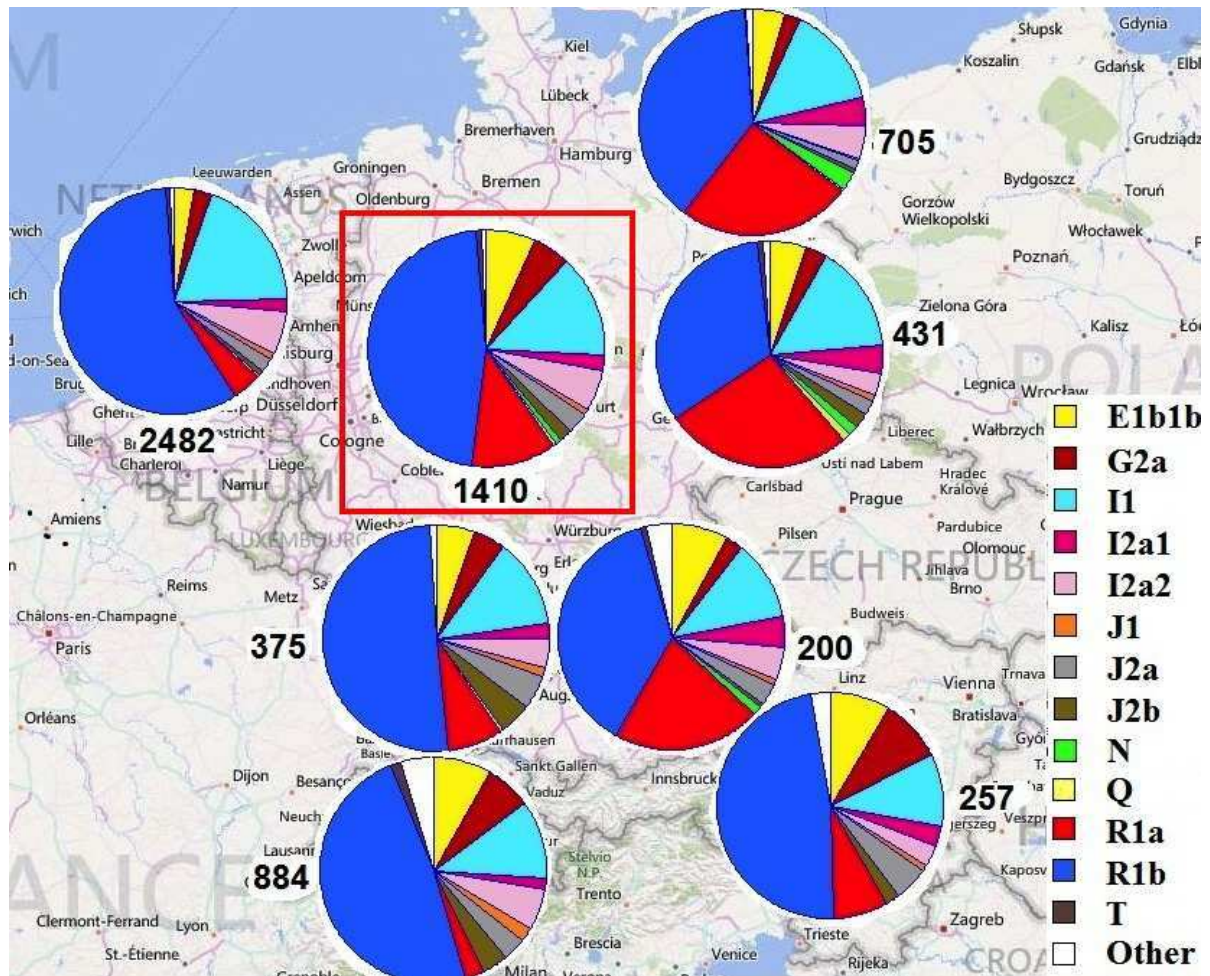

Рис. 3. Распределение Y-хромосомных гаплогрупп среди германоязычных народов континентальной Европы, согласно полевым выборкам 23-маркерных гаплотипов (Purps 2014). Цифрами отмечено общее число гаплотипов в выборке. Для сравнения указано распределение 1410 гаплотипов с германского проекта FTDNA (<https://www.familytreedna.com/public/germany/>)

Занимающая первое место R1b представлена у немцев теми же ветвями, что и у соседей: британцев, французов и итальянцев. У немцев наблюдается некоторый перевес субклада U106, но в силу значительного «возраста» (около 4900 лет до предка) и широкой распространенности за пределами исторической Германии его сложно использовать в качестве метки миграций тех времен, когда германцы появляются в исторических источниках. То же самое можно сказать и о дочерних ветвях субклада U106, поскольку нет возможности различить, когда и в составе каких этносов предки того или иного участника появились в его родных местах.

Гаплогруппы I1 и R1a в этом аспекте более информативны, поскольку среди них имеются ветви, которые как по датам жизни своих предков, так и по этническому составу можно считать специфическими для германских народов. Соответственно, их географическое распределение может нести информацию о миграционных путях германцев в дописьменную эпоху. Прежде чем начать рассмотрение таких ветвей, следует отметить, что выборка с коммерческого проекта распределена по территории Германии неравномерно (рис. 4), и это необходимо учитывать при анализе.

Рис. 4. Места рождения самых ранних из документированных предков для участников германского проекта FTDNA (<https://www.familytreedna.com/public/germany/default.aspx?section=ymap>)

Согласно общепринятой концепции (Ringe 2006: 67), распад протогерманской диалектной общности датируется временем около 2500 лет назад. Эту датировку

можно трактовать как начало территориального расхождения носителей протогерманского языка, приведшей к потере языкового контакта. Если какая-либо генеалогическая линия берет начало от предка, жившего тогда же или несколько позже, а среди ее носителей доминируют германоязычные народы, то с большой долей вероятностью можно считать, что эта линия зародилась в среде ранних германцев, а ее представители расселялись теми же маршрутами, что и германские племена в целом. Даже если доля таких специфических линий среди этнических немцев невелика, их можно рассматривать как своего рода зонд, позволяющий отследить события, происходившие в интересующее нас время.

Гаплогруппа I1 (M253), известная по ископаемой ДНК из Венгрии со времен раннего неолита (Szécsényi-Nagy 2015), но прошедшая через «бутылочное горлышко» около 4200 лет назад, распространена среди различных народов Северной Европы, в том числе и немцев. Подавляющее большинство носителей гаплогруппы I1 принадлежит к одному из трех субкладов: I1a1 (CTS6364), I1a2 (Z58) и I1a3 (Z63). Все они представлены у немцев и родственных им народов континентальной Европы, с заметным перевесом I1a2, который охватывает не менее 55% от тех участников германского ДНК-проекта, у которых был определен субклад гаплогруппы I1. В выборке 259 гаплотипов, принадлежащих I1a2, присутствуют 3 ветви с датировками, соответствующими началу распада протогерманской диалектной общности. На диаграмме они выделены цветом (рис. 5).

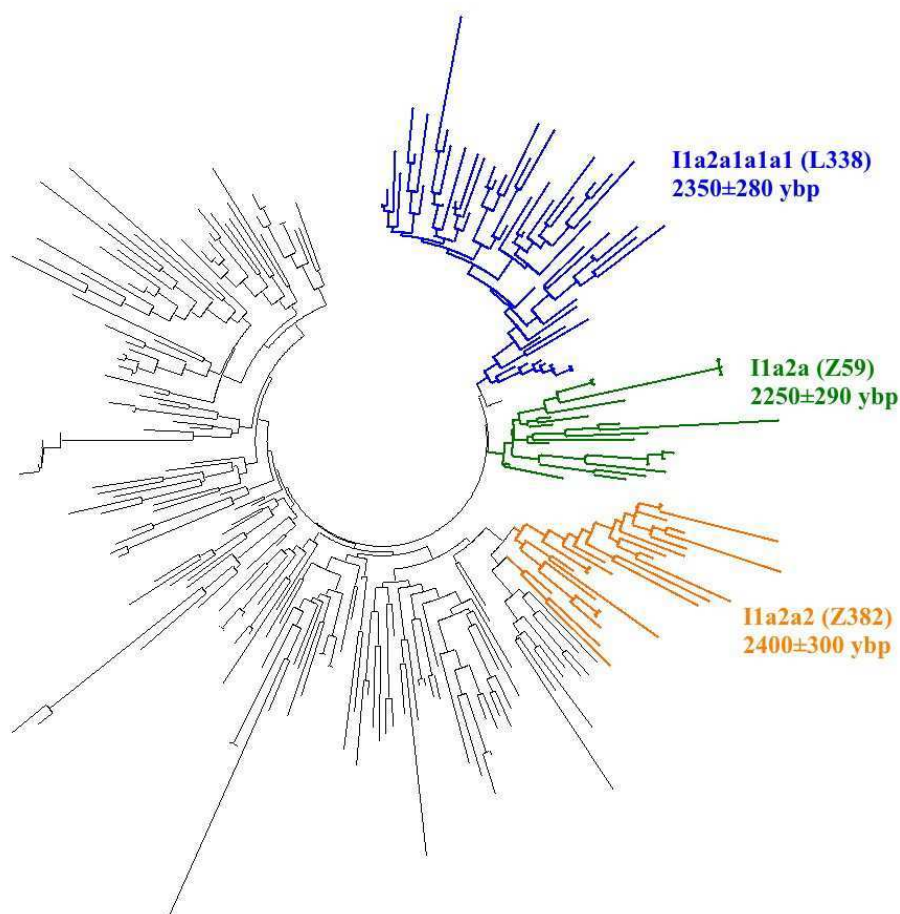

Рис. 5. Дерево 37-маркерных гаплотипов субклада I1a2 (Z58) для 259 участников германского ДНК-проекта

За пределами исторической Германии представители отмеченных на схеме ветвей присутствуют на Британских островах, но крайне редки в Скандинавии, где преобладают другие ветви, преимущественно из субклада I1a1 (CTS6364). Практически отсутствуют они и у славян, что позволяет считать их специфическими германскими или даже западногерманскими метками, в том числе и для англосаксов Британии.

Список можно дополнить ветвью YP282 гаплогруппы R1a, которая является дочерней к северо-западной L664. Родительская ветвь (R1a1a1a в текущей нотации ISOGG¹) характерна тем, что она разошлась с остальными ветвями R1a1a1 (M417) около 6200 лет назад, еще до того, как параллельная ей евразийская ветвь R1a1a1b (Z645) разделилась на субклады R1a1a1b1 (Z283) и R1a1a1b2 (Z93), которые сейчас доминируют у многих народов Европы и Азии, соответственно. Хотя родительская северо-западная ветвь восходит ко временам, когда еще не существовало отдельной группы германских языков, ее подветвь YP282 можно уже считать специфической для германоязычных народов, как по времени жизни предка (2300±240 лет назад), так и по ее этническому составу.

Рис. 6. Места рождения самых ранних из документированных предков для участников германского проекта FTDNA, принадлежащих к ветвям I1-L338 (2350±280 лет до предка), I1-Z59 (2250±290 лет), I1-Z382 (2400±300 лет) и R1a-YP282 (2300±240 лет)

¹ International Society of Genetic Genealogy: <http://www.isogg.org/>

При сопоставлении карт участников германского ДНК-проекта (рис. 4) и «германских» ветвей (рис. 6) можно отметить разрыв между двумя ареалами, где присутствуют последние. Этот разрыв охватывает территории современных земель Саар, Рейнланд-Пфальц, Гессен и частично Северный Рейн-Вестфалия. Их уроженцы хорошо представлены в проекте, а потому вряд ли такой разрыв можно отнести за счет недостаточной статистики. В центральной части западной Германии преобладают другие, менее специфические ветви гаплогруппы I1, а основной является гаплогруппа R1b, присутствующая в этом регионе, начиная со времен энеолита (Allenloft 2015, Haak 2015). Во времена раннего Средневековья этот регион занимали франки, к северу от которых жили саксы, а к югу – алеманы. Среди вероятных потомков последних двух этнических групп и наблюдаются выделенные выше ветви, которые, по всей видимости, маркируют собственно германский компонент в довольно сложной структуре генеалогических линий современных немцев. Однако исследование этногенеза германских народов с применением новейших данных ДНК-генеалогии и палеогенетики – это отдельная задача, далеко выходящая за рамки настоящего обсуждения.

Для частной задачи, вынесенной в заголовок статьи, важен тот факт, что среди немцев из Баден-Вюртемберга, говорящих на швабских диалектах немецкого, встречаются те же самые линии, что у голландцев и носителей нижненемецких диалектов из Северной Германии. Если сопоставить этот факт с античными источниками, то он может указывать на исходный пункт миграции племен, известных под собирательным названием «свевы» (лат. *Suevi* или *Suebi*, др.-греч. Σοῦβοι). В ходе переселения, военным предводителем которого был Ариовист, произошел первый (документированный в 71 г. до н.э.) контакт римлян с германскими племенами на территории современного Эльзаса, закончившийся военным столкновением и победой армии Цезаря в 58 году до н.э. (Caes. Gal. 1.51). В дальнейшем этноним *Suebi* закрепился за названием местности, где они осели после того, как были оттеснены Цезарем за Рейн – Швабией, или *Schwaben* на литературном немецком языке.

В «Записках о Галльской войне» свевы перечисляются наравне с другими германскими племенами, противостоявшими легионам Цезаря, но более поздние авторы считали этот этноним собирательным для коалиции племен, а среди современных исследователей существует гипотеза, что это было общее самоназвание германских племен еще до их территориальной экспансии и германизации окружающих народов (Кузьменко 2011: 18-25). У историков нет единого мнения относительно места, откуда свевы пришли в верховья Рейна и Дуная. Сомнения вызывает даже сам факт миграции и этнического единства этой племенной коалиции. Однако данные ДНК-генеалогии дают весомый аргумент в пользу того, что, по крайней мере, значительная часть свевов из сочинений Цезаря, Страбона и Тацита была выходцами из северной части Германии, занятыми к первой четверти I века до н.э. земли, заселенные до них кельтскими и, возможно, какими-то другими племенами. В конфликт автохтонов и мигрантов вмешались римские политики, что и позволило в итоге донести до наших дней сведения о самой ранней странице германской истории.

Возвращаясь к племени неметов, нельзя не отметить, что их города, помеченные на карте «германских» ДНК-линий фиолетовыми кружками (рис. 6), точно вписываются в южную часть занимаемого этими ветвями ареала. Если дополнить наблюдение тем, что неметы входили в коалицию, возглавляемую Ариовистом (Caes. Gal. 1.51), а Тацит причислял их к «несомненным германцам» (*haud dubie Germanorum populi*, Tac. Ger. 28), то можно заключить, что, видимо, около 2100 лет назад они жили севернее, по соседству с другими племенами севов. Тем самым удастся свести «географические соображения» к бассейнам Эльбы, Везера или Одера, а датировку возможных контактов неметов и славян к рубежу I и II веков до н.э. Принимая во внимание славянский пласт в гидронимике этих бассейнов и датировки наиболее распространенных среди славян ветвей из субкладов R1a-Z280 и I2a-L621 (между 2600 и 2100 лет назад), связь этнонимов *Nemetes* и **němьci* уже не выглядит столь надуманной, как ее подают сторонники версии о «немцах». Однако «могли контактировать» еще не означает, что неметы на севере Германии действительно контактировали со славянами, а их этноним стал собирательным для всех родственных им народов. Нужны данные, которые могли бы подтвердить близкое соседство племени, входившего, предположительно, в коалицию севов с севера Германии и предками современных славян. В качестве таких данных можно рассмотреть ветвь R1a-L1029, одну из основных у западных славян, а также занимающую значительный процент среди этнических немцев.

Рис. 7. Места рождения самых ранних из документированных предков для участников германского проекта FTDNA, принадлежащих к ветвям R1a-L1029 (2800±300 лет до предка)

Датировка жизни предка этой ветви (2800±300 лет назад) приходится на эпоху, когда еще не начался распад протогерманской диалектной общности. Современная ее численность (не менее 20 миллионов носителей по всему миру) и особенности филогении (отсутствие компактных подветвей с недавними общими предками и выраженных территориальных кластеров) позволяют предположить, что ко времени миграции свевов на юг она была достаточно многочисленной. Если ее носители были соседями предков проанализированных ранее ветвей гаплогруппы I1, то какая-то их часть должна была влиться в состав территориально близких им племен из коалиции свевов и, соответственно, принять участие в переселении. Географическое распределение немцев – носителей L1029 – можно считать подтверждением подобного хода событий (рис. 7).

Однако анализ осложняется тем, что основная часть представителей ветви L1029 в то же самое (или несколько более позднее) время приняла участие в этногенезе славян, а потому многие этнические немцы из этой ветви – потомки онемеченных полабских и поморских славян. В первую очередь, это касается уроженцев Мекленбурга, Померании, Верхней Саксонии и, видимо, восточной части Баварии. С другой стороны, в Тюрингии, Гессене и Баден-Вюртемберге в историческое время значимых миграций славянского населения не отмечено, если не считать притока рабочих из Польши времен промышленной революции. Но их потомки на карте отсутствуют, поскольку на нее нанесены данные документальной генеалогии, что отображают ситуацию в доиндустриальную эпоху. Следовательно, имеющийся на карте локальный максимум ветви L1029 в Баден-Вюртемберге можно считать отображением той же миграции, что привела свевов из гаплогруппы I1 в верховья Рейна. Можно также предположить с большой долей вероятности, что эта миграция началась не со стороны Северного моря, где практически отсутствуют представители L1029, а из более восточного региона, где они перемешаны с теми же ветвями гаплогруппы I1, что и на юге Германии, и где соседями германских племен были вены, в которых большинство специалистов видят прямых предков современных славян.

Если немцы до их переселения на Рейн были ближайшими соседями будущих славян (что очень вероятно при сопоставлении имеющихся данных), то расширительная семантика их этнонима выглядит совершенно закономерно. Некоторое сомнение может вызывать то, что немцы, известные по древнеримским источникам, были небольшим по размеру племенем, к тому же довольно рано подвергшимся романизации, в отличие от алеманов и саксов, вошедших во французский и финский языки. Однако эта проблема может быть связана, скорее, с односторонностью источников, повествующих о народах Европы, живших за пределами античного мира, чем с реальным положением дел.

Практически все сведения по дописьменной истории германцев и славян дошли до нас в изложении древнегреческих и древнеримских авторов, как правило, получавших их через вторые-третьи руки. Если сравнить то, что повествует о германцах Тацит, с древнегерманскими мифами, записанными в средневековой Исландии, то создается впечатление, что речь в них идет о совершенно разных народах. Многие народы и события упоминаются у античных авторов всего лишь

раз, оставляя простор для бесчисленных интерпретаций и фантазий. В частности, о самоназваниях германских племен либо нет сведений, либо они противоречивы, а информация о том, как называли древних германцев их соседи, отсутствует вообще. Показательный пример – названия немцев в литовском (*Vokiečiai*) и латышском (*Vācieši*) языках. Суффиксы *-čiai* и *-ši* в них можно сопоставить со славянским «-ичи», но происхождение основы остается загадкой, потому что ни один античный или средневековый автор не упоминал о народе с таким названием. Однако в его существовании вряд ли приходится сомневаться, если учесть, что наиболее тесные языковые контакты у ранних германцев были именно с балтами, что отражено в большом количестве изоглосс и заимствованных грамматических черт (Кузьменко 2011: 103-108).

Таким образом, с помощью данных ДНК современных немцев удастся подойти к ответу на вопросы, поставленные во введении. На первый из них (*память о какой эпохе хранит русское слово «немцы»?*) можно достаточно уверенно ответить, что это была эпоха, предшествовавшая экспансии германских племен на юг и восток, когда античный мир имел очень смутное представление о народах, живших у берегов Океана, по тогдашним географическим представлениям.

Для ответа на второй вопрос (*что можно сказать о времени и месте его возникновения?*) можно пока дать предварительную версию, что это было междуречье Эльбы и Одера и времена до I века до н.э. Для ее проверки необходимо привлекать дополнительные данные, в том числе по гидронимике и диалектологии, как германской, так и славянской. Много может проясниться по мере поступления новых данных по Y-ДНК баварцев и уроженцев северо-востока Германии, которые пока не особенно активны в коммерческом ДНК-тестировании.

Третий вопрос (*какой народ или группу народов изначально называли немцами, и что это слово означало?*) пока остается самым загадочным. Можно лишь с определенностью сказать, что к слову «немой» этот этноним отношения не имеет, и, по всей видимости, он пришел в славянские языки из какого-то другого языка. Соответственно, о его значении можно будет судить лишь тогда, когда появится определенность с языком. Тогда, может быть, имеет смысл вернуться к вариантам, возводящим это слово к значениям «пастбище» или «роща». Вопрос о том, кем были «прото-немцы» и по каким причинам их название стало собирательным, пока ждет своего решения.

Возможно, при сборе нового материала поможет один любопытный факт из ДНК-генеалогии евреев-ашкенази. Среди них существует небольшая (около 1% от всех евреев) линия, принадлежащая ветви R1a-L1029. Ее предок жил 1300±180 лет назад, то есть во времена, когда община ашкенази только начала формироваться. В отличие от подавляющего большинства еврейских линий, она, очевидно, берет начало не от потомка левантинцев, а от местного уроженца. Центрами формирования ашкенази в ту далекую эпоху были города Вормс и Шпайер, бывший *Noviomagus Nemetum*, а потому местный уроженец с большой долей вероятности мог быть прямым потомком неметов, некогда заселявших этот город и его окрестности.

Наконец, четвертый вопрос (*каков был характер отношений между «прото-немцами» и славянами?*), тесно взаимосвязанный с третьим, требует привлечения

большого массива данных по археологии и этнографии, в интерпретации которых важную роль должна играть ДНК-генеалогия. Пока что он находится на стадии постановки задачи, и работа только предстоит. Как можно видеть из обсуждения, вопрос об этимологии слова «немцы», который внешне казался раз и навсегда решенным, может послужить источником серьезного исследования с помощью новых методов и открытия новых, ранее неизвестных фактов из истории крупнейших народов Европы.

В заключение, автор приносит искреннюю благодарность О.А. Самбурову и И.В. Бызову за полезную дискуссию и помощь в поиске первоисточников.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк 2014 - *Зализняк А.А.* Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014, 728 с.

Константин - *Constantini Porphyrogenneti imperatoris constantinopolitani libri duo De ceremoniis aulae byzantinae: prodeunt nunc primum graece, cum latina interpretatione et commentariis.* Curarunt Io. Henricus Leichius et Io. Iacobus Reiskius. Leipzig: 1754.

Кузьменко 2011 - *Кузьменко Ю.К.* Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб.: Нестор-История, 2011, 266 с.

Малов 2006 - *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории, 1656-1671 гг. М.: Древнехранилище, 2006, 624 с.

Соловьев 2013 - *Соловьев С.М.* История России. Алексей Михайлович Тишайший. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013, 304 с.

Allenloft 2015 - *Allenloft M.E., et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia. // *Nature*, 2015, V. 522, pp. 167-172.

Amm. - *Ammianus Marcellinus.* With An English Translation. John C. Rolfe, Ph.D., Litt.D. Cambridge, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, London, William Heinemann, Ltd., 1935-1940.

Caes. Gal. - *C. Julius Caesar.* C. Iuli Commentarii Rerum in Gallia Gestarum VII A. Hirti Commentarius VII. T. Rice Holmes. Oxonii. e Typographeo Clarendoniano. 1914.

Delamarre 2003 - *Delamarre X.* Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental. Errance, 2003, 440 pp.

Haak 2015 - *Haak W., et al.* Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. // *Nature*, 2015, V. 522, pp. 207-211.

Hazlitt 1851 - *Hazlitt W.* The classical gazetteer: a dictionary of ancient geography, sacred and profane. London: Whittaker & co., 1851, 378 pp.

Kniezsa 1955 - *Kniezsa I.* A magyar nyelv szláv jövevényszavai I-II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1955, 1043 pp.

Purps 2014 - *Purps J., et al.* A global analysis of Y-chromosomal haplotype diversity for 23 STR loci. // *Forensic Science International: Genetics*, 2014, V. 12, pp. 12-23

Ringe 2006 - *Ringe D.* A Linguistic History of English. Volume I: From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. Oxford: Oxford University Press, 2006, 355 pp.

Szécsényi-Nagy 2015 - *Szécsényi-Nagy F., et al.* Tracing the genetic origin of Europe's first farmers reveals insights into their social organization. // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences.* // 2015, doi: 10.1098/rspb.2015.0339

Tac. Ann. - *Cornelius Tacitus.* Annales ab excessu divi Augusti. Charles Dennis Fisher. Oxford: Clarendon Press, 1906.

Tac. Ger. - *Cornelius Tacitus.* Opera Minora. Henry Furneaux. Oxford: Clarendon Press, 1900.

REFERENCES

- Allenloft 2015 - *Allenloft M.E., et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia. // *Nature*, 2015, V. 522, pp. 167-172. [in English].
- Amm. - *Ammianus Marcellinus*. With An English Translation. John C. Rolfe, Ph.D., Litt.D. Cambridge, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, London, William Heinemann, Ltd., 1935-1940 [in Latin].
- Caes. Gal. - *C. Julius Caesar*. C. Iuli Commentarii Rerum in Gallia Gestarum VII A. Hirti Commentarius VII. T. Rice Holmes. Oxonii. e Typographeo Clarendoniano. 1914 [in Latin].
- Constantine - *Constantini Porphyrogeneti imperatoris constantinopolitani libri duo De ceremoniis aulae byzantinae: prodeunt nunc primum graece, cum latina interpretatione et commentariis*. Curarunt Io. Henricus Leichius et Io. Iacobus Reiskius. Leipzig: 1754 [in Greek and Latin].
- Delamarre 2003 - *Delamarre X.* Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental. *Errance*, 2003, 440 pp. [in French]
- Haak 2015 - *Haak W., et al.* Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. // *Nature*, 2015, V. 522, pp. 207-211. [in English].
- Hazlitt 1851 - *Hazlitt W.* The classical gazetteer: a dictionary of ancient geography, sacred and profane. London: Whittaker & co., 1851, 378 pp. [in English].
- Kniezsa 1955 - *Kniezsa I.* A magyar nyelv szláv jövevényszavai I-II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1955, 1043 pp. [in Hungarian].
- Kuz'menko 2011 - *Kuz'menko Ju.K.* Rannie germancy i ih sosed'i: Lingvistika, arheologija, genetika. SPb.: Nestor-Istorija, 2011, 266 pp. [in Russian].
- Malov 2006 - *Malov A.V.* Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroja v nachal'nyj period svoej istorii, 1656-1671 gg. M.: Drevnehranilishhe, 2006, 624 pp. [in Russian].
- Purps 2014 - *Purps J., et al.* A global analysis of Y-chromosomal haplotype diversity for 23 STR loci. // *Forensic Science International: Genetics*, 2014, V. 12, pp. 12-23. [in English].
- Ringe 2006 - *Ringe D.* A Linguistic History of English. Volume I: From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. Oxford: Oxford University Press, 2006, 355 pp. [in English].
- Solov'ev 2013 - *Solov'ev S.M.* Istorija Rossii. Aleksej Mihajlovich Tishajshij. M.: OLMA Media Grupp, 2013, 304 pp. [in Russian].
- Szécsényi-Nagy 2015 - *Szécsényi-Nagy F., et al.* Tracing the genetic origin of Europe's first farmers reveals insights into their social organization. // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. // 2015, doi: 10.1098/rspb.2015.0339 [in English].
- Tac. Ann. - *Cornelius Tacitus*. Annales ab excessu divi Augusti. Charles Dennis Fisher. Oxford: Clarendon Press, 1906 [in Latin].
- Tac. Ger. - *Cornelius Tacitus*. Opera Minora. Henry Furneaux. Oxford: Clarendon Press, 1900 [in Latin].
- Zaloznjak 2014 - *Zaloznjak A.A.* Drevnerusskoe udarenie: Obshhie svedenija i slovar'. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014, 728 pp. [in Russian].

Рожанский Игорь Львович – Кандидат химических наук,
член научного совета Академии ДНК-генеалогии.

Rozhanskii Igor – Candidate of chemical sciences,
Member of scientific council of the Academy of DNA-Genealogy.

Email: mail@histformat.com

УДК 94(48).05

ПАДЕНИЕ ШВЕДСКОЙ ИМПЕРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ.

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
e-mail: ivonins@rambler.ru
SPIN-код: 8019-3667

Авторское резюме

В статье анализируется падение Шведской империи и переход Шведского государства на вторые роли в европейской политике в конце XVII – начале XVIII вв. Автор считает, что судьба великой уникальной империи на Балтике в значительной степени зависела от расстановки сил и дипломатической игры в Западной Европе этого времени.

Ключевые слова: Вестфальская система, империя, Северная война, война за Испанское наследство, баланс сил.

FALL OF THE SWEDISH EMPIRE AND INTERNATIONAL RELATIONS IN EUROPE IN THE END OF THE 17th - BEGINNING OF THE 18th CENTURIES

Lyudmila Ivonina

Abstract

The article focuses on the fall of the Swedish Empire and the Swedish State's diminishing influence on European politics in the end of the 17th - beginning of the 18th century. The author believes that the fate of the powerful and unique Baltic empire largely depended on the alignment of diplomatic forces and geopolitical games in Western Europe at this time.

Keywords: Piece of Westphalia, Swedish Empire, Great Northern War, War of the Spanish Succession, balance of power.

* * *

В историографии история Швеции начала XVIII в., т.е. фактически история распада Шведской империи в Европе, преимущественно связана с военными событиями в Балтийском регионе во время Великой Северной войны 1700-1721 гг. При этом северо-восточная часть большого системного общеевропейского конфликта, который составляли обе европейские войны начала XVIII в. – Северная война и война за Испанское наследство (1701-1714) – нередко выносятся на первый план в работах известных специалистов по истории международных отношений этого столетия. Так, по мнению Дж. Блэка, Северная война, а именно решительная борьба между Карлом XII Шведским и Петром Великим, и вовлечение в эту борьбу

короля польского и курфюрста Саксонского Августа II, а также Фредерика IV Датского, являлась по своим результатам даже более значительной для развития континента (Black 1999: 279). Историк полагает, что Россия при Петре I была тогда вынуждена решать насущные проблемы своего естественного развития, и столкновение со Швецией в этой связи было неизбежным. В целом, в эпоху раннего Нового времени страны Восточной и Центральной Европы были вовлечены в жестокую борьбу за выживание, а период между 1650 и 1750 гг. являлся решающим этапом в этой борьбе. В определенном смысле с Блэком перекликается Р. Фрост (Frost 2000: 18-19), который отметил необходимость пристальнее взглянуть на Восточную Европу, чтобы действительно понять природу военных изменений и их влияние на социальные и политические структуры раннего нового времени.

По сути, падение Шведской империи и переход Шведского государства на вторые роли в европейской политике был обусловлен двумя факторами. Первый, внутренний фактор, напрямую связан с уникальной природой создания и существования этой Северной империи. Ее территориальный рост на европейской арене был исключительно быстрым – меньше сорока лет разделяет захват Риги (1621 г.) и мир в Оливе 1660 г. Столь же быстро происходил ее распад: можно сказать, что он начался в 1702 г., когда Петр Великий захватил Нотеборг (будущий Шлиссельбург), и закончился шестнадцатью годами позже, когда пуля врага (или, возможно, патриота) положила конец жизни Карла XII.

Вообще шведское государство второй половины XVII – первой половины XVIII вв. представляло собой своеобразный политический феномен. Все другие империи раннего Нового времени являлись империями предпринимательства, эксплуатации, разрешения внутренних противоречий, и, возможно, в некотором смысле были империями случая. Находясь на огромном расстоянии от своих метрополий, требовавшем месяцы плавания через океан, колонии европейских держав не представляли непосредственного стратегического значения для них, метрополиям необходимо было разрешать лишь местные колониальные противоречия. Испанские, португальские, голландские, английские, французские колонии имели для своих метрополий преимущественно экономическое значение.

Шведская же империя была главным элементом защиты собственного государства. Экспансия шведов в Северо-восточной Европе и Германии радикально отличалась от имперской экспансии других государств раннего Нового времени в том, что она не являлась более или менее спонтанным выбросом энергии этноса, генерированной экономически, политически и духовно превосходящими, либо обделенными слоями общества, а была ответом на внешние изменения. Швеция была империей по необходимости и результатом политики центральных властей. Личная инициатива не играла здесь никакой роли, а завоеванные территории на Балтике и в Германии шведами экономически почти не эксплуатировались (Roberts 1979: 1-2). Но когда империя больше не служит целям, ради которых она создавалась, и не ищет время от времени «оправдания» своему существованию, то она обречена на исчезновение. Такая империя не смогла бы долго функционировать: внешний фактор способствовал как ее созданию, так и падению.

Второй фактор, внешний, на переднем плане, конечно, был связан с неудачной экспансионистской внешней политикой Карла XII, потребностями развития Российского государства и геополитическими особенностями России, административными талантами Петра Великого. Однако не следует также преуменьшать значение влияния военных событий и дипломатической игры на Западе, а особенно во время войны за Испанское наследство, которая занимала в начале XVIII в. преимущественное внимание тогдашнего западноевропейского мира. Но вначале несколько замечаний о стратегических позициях Швеции в Европе.

Создание империи не предоставило Швеции безопасности, которую она искала – наоборот. Конечно, мир в Столбове 1617 г. временно предотвратил русскую угрозу точно так же, как и мир в Копенгагене датскую. Но германские провинции сделали Швецию более-менее уязвимой. В военном и политическом плане они представляли угрозу безопасности больше, чем ее защиту. Со времен Густава Вазы шведская внешняя политика проводилась под страхом войны на два фронта. Приобретение германских территорий означало риск войны не только на два фронта, но даже на три, как это произошло в 1659 г. Защиту балтийских провинций можно было легче осуществлять из-за их географического положения: реки и озера создавали водные барьеры для завоевателя. Но германские провинции не имели таких естественных выгод и были открыты для военных атак: реки протекали через них, но не окружали их. Поэтому было необходимо содержать в местах стратегического значения в Германии военные гарнизоны и тратить изрядные суммы на фортификации, особенно в Померании, что изрядно било по карману налогоплательщиков как в Швеции, так и в ее провинциях.

Еще в 1658 г. Карл X обнаружил, что защита Померании требует 8 000 человек в мирное время и 17 000 во время войны. Концентрация войск в Померании была важным фактором (но не единственным), который вел к опасному пренебрежению защиты балтийских провинций. И, несмотря на местную армию, несмотря на фортификации, Померания захватывалась полностью или частично почти в каждой из войн, которые Швеция вела после 1648 г.: в 1659, 1677, 1713, 1759, 1808 гг. Дважды она возвращалась Швеции только благодаря дипломатическому вмешательству Франции. Но Померания была чем-то вроде символа, знаком того, что Швеция является великой державой, хотя представители самой этой провинции прохладно относились к подобной позиции шведов. В 1724 г. лантмаршал (глава дворянского сословия) и глава риксдага Арвид Хорн заметил в Сенате: «Померания хотя и маленькая, но, тем не менее, более важна для нашей репутации, чем половина Швеции. Все внимание, которое Франция и протестантские государства Германии оказывают нам, зависит от статуса Померании» (Bohme 2002: 78-79; Roberts 1979: 126-127).

Огромное стратегическое значение для Швеции имели Бремен и Верден, которые являлись мощным форпостом Швеции на севере Германии для давления с целью сохранения европейского баланса сил и Вестфальских соглашений, а также находились на удобном расстоянии от Нидерландов и Дании, постоянного соперника Швеции. Но большую угрозу для шведского государства представляли не только стратегические позиции германских территорий, но и отношение самих

германских чинов и западноевропейских держав к Швеции, т.е. непосредственно сама расстановка сил на континенте к началу века Просвещения.

К концу 80-х гг. XVII в. Франция, традиционный союзник и защитник германских свобод и гарант Вестфальского мира, оказалась практически в международной изоляции. Поправление Людовиком XIV принципов свободы вероисповедания гугенотов после отмены Нантского эдикта в 1685 г. параллельно с нарушением баланса сил в Европе вновь сплотили как католических, так и протестантских князей вокруг императора Священной Римской империи, который после 1648 г. смирился с поликонфессионализмом и не мог нарушать имперскую конституцию. Уже становилось очевидным, что французский король играет роль защитника католической ортодоксии в Европе больше, чем роль традиционного защитника религиозных свобод в Империи. Даже последовательный союзник Франции курфюрст Пфальцкий Карл-Людвиг, восстановивший благодаря французской дипломатии на Вестфальских переговорах свою власть и земли, осудил перед своей смертью в 1685 г. политику Людовика XIV, а новый курфюрст уже поддерживал императора (*Corps Universelle diplomatique 1728: 477-479*).

Территориальная экспансия в рамках единой европейской системы являлась большим просчетом не только для Франции, но и для другого гаранта вестфальских соглашений – Швеции. К концу XVII в. Вестфальская система переживала глубокий кризис, ведущий к перегруппировке сил. Составной частью этой перегруппировки было то, что германские князья перестали нуждаться в защите их прав и свобод от императора, как со стороны Франции, так и Швеции. И если давление Франции было опасным, то опека Швеции, постоянно вступавшей в военные конфликты в Померании и на Балтике, становилась довольно обременительной, а то и прямо противоречащей интересам германских чинов, особенно Бранденбург-Пруссии и Ганновера. Наконец, становление шведского Великодержавия происходило в то время, когда соседние государства – Дания, Польша, Россия и Бранденбург-Пруссия – были послабее, что предоставило возможность Швеции в XVII веке расширить границы за их счет. В конце столетия положение соседних стран во многом изменилось, и Швеция оказалась окруженной жажущими реванша государствами.

Серьезная перегруппировка сил, напрямую затронувшая интересы Запада, произошла в Центральной и Восточной Европе. В 1696 г. умирает король Польши Ян Собеский, прославившийся в 1683 г. во время осады Вены турками. Изнурительная война в составе Священной Лиги против турок, да еще честолюбивые планы сына Яна Якуба Собеского занять молдавский трон, способствовали вмешательству на выборах нового короля во внутренние дела Речи Посполитой западноевропейских держав, а также России. По сути, новый король Польши и одновременно саксонский курфюрст Август II Сильный устраивал Империю и Россию, но никак не Швецию или Францию (Press 1991: 449). «Польский вопрос» являлся одним из существенных факторов будущего падения Швеции, поскольку дипломатическая и военная «возня» вокруг Польши крепко связала интересы всех коалиций в испанском и северном конфликтах.

В целях обеспечения сообщения между германскими провинциями и Померанией для Швеции было очень существенным сохранять дружбу с Гольштейн-

Готторпом. Последний, по сути, был ключевым элементом северогерманской политико-стратегической арки Швеции. В определенном смысле Швеция являлась политическим заложником Готторпа, что сталкивало ее с Данией и могло повлиять на баланс сил в Западной Европе. Уже при Карле XI имела место серьезная франко-датская морская атака на новый флот короля. Поэтому не удивительно, что канцлер Оксеншерна советовал своему господину укреплять союз с морскими державами (Англией и Голландией), на помощь флота которых можно было надеяться в столкновениях с Данией по поводу Гольштейн-Готторпа (Roberts 1979: 144). Не удивительно, что деньги лавиной потекли на строительство фортификаций, способных защитить от датского вторжения. Однако удивительно то, что страх перед Данией в шведских политических кругах был преувеличен.

После 1680 г. международная ситуация была такова, что Кристиан V Датский реально не мог надеяться завоевать Гольштейн-Готторп и другие спорные территории. Союз Швеции с Англией и Голландией, увеличившими свое влияние после Славной революции в Англии 1688 г. и восшествием на английский трон голландского статхаудера Вильгельма III Оранского, способствовал стабилизации ситуации в этом регионе и укреплению позиций Швеции. Аугсбургская лига европейских государств, куда входили Англия и Голландия, в 1688-1697 гг. провела довольно успешную Девятилетнюю войну против Людовика XIV, который тогда впервые не получил территориальных приращений и не мог, даже если бы и желал, оказать поддержку Дании. Поэтому в 1697 г., в момент смерти Карла XI, Швеция находилась на вершине своего могущества и достигла высшей точки влияния в международных делах. Она располагала большой постоянной армией (60 000 человек) и первоклассным флотом (42 линейных корабля и 12 фрегатов). Ежегодный доход королевства достигал более 6 млн. серебряных талеров (История Швеции 1974: 267; Мелин, Юханссон, Хеденборг 2002: 129-130). Карл XII (1682-1718) унаследовал сильное и влиятельное государство. Однако не все выглядело столь безоблачно.

Европейские правители, а именно короли Франции, Британии и император Священной Римской империи Леопольд I в связи с неизлечимой болезнью бездетного короля Испании Карла II Габсбурга сразу после Девятилетней войны стали делить готовое вот-вот освободиться испанское наследство. Нарушение европейского баланса сил, а следовательно, кризис Вестфальской системы в целом, дальновидным политикам представлялся очень скорым, дипломатическая и военная подготовка новой войны уже фактически велась.

И, кроме того, реальную угрозу Швеции представляла не Дания, а Россия. Трудно поверить, что политики в Стокгольме думали иначе. Если даже и существовал период, когда опасность из России была минимальной, то это было в десятилетие, последовавшее за смертью Алексея Михайловича, когда Московское государство, во-первых, было ослаблено дворцовыми переворотами, а, во-вторых, глубоко увязло в войне против турок. Но ведь внутренняя ситуация могла стабилизироваться, да и война с турками закончиться, чему в немалой степени способствовали и западноевропейские державы. Вообще же укрепившийся на российском троне Петр I поначалу вовсе не намеревался развивать активную внешнюю политику на Западе.

В свое время это пытались делать Иван Грозный и отец Петра Алексей Михайлович, но в итоге потерпели поражение. Русский царь обратился против Турции, и с этой целью проводил активную дипломатию на Западе в конце 80-х – 90-х гг. Но его Великое посольство не достигло желаемых результатов. Во время войны 1688-1697 гг. европейские державы по вполне понятным причинам уклонялись от помощи Московскому государству (Black 1999: 283-284). Фактически не достигнув желаемого на юге в определенной степени благодаря отсутствию должной поддержки занятых более важными делами европейских государств, Петр обратил свои взоры на запад, к Балтийскому морю.

Как сложно было Карлу XII призадуматься о том, какую на самом деле опасность представляла Россия! Его предшественник на троне повлиял на будущую трагедию Шведской империи и самого короля самым непосредственным образом. Своей внешней политикой Карл XI, обеспечив своему наследнику безопасность и спокойствие на юге и на западе, оставил почти без защиты недружественные восточные границы. Основные шведские войска были сконцентрированы в Германии, в то время как фортификации на Балтике были полуразрушены или вовсе не существовали – там практически ничего не изменилось со времен Густава II Адольфа.

Дисбаланс в защите являлся достаточно серьезным, но не был фатальным. Все зависело от конкретной политики короля и поведения европейских держав. С 1700 г. политика Карла XII была направлена на то, чтобы исключить неспровоцированные и молниеносные нападения из Дании, Саксонии и России. Впрочем, они не увенчались полным успехом. В 1699 г. Карл делал попытки уговорить турок продолжать войну с Россией, но последние, ослабленные войной на два фронта с Веной и Москвой, пошли на заключение мирных договоров. Определенной удачей стало подписание в январе 1700 г. союзных соглашений между Швецией, Англией и Нидерландами. Дружба с морскими державами и союз с Гольштейн-Готторпом делали возможным сбить с ног Данию перед тем, как опасность на востоке станет неконтролируемой: ведь уже датско-саксонский договор, к которому в ноябре 1699 г. присоединилась Россия, знаменовал собой грозное для Швеции политическое окружение. Фредерик Датский был вынужден заключить мир уже в том же 1700 г. Защита балтийских провинций пала быстро: Карл XII разбил русских под Нарвой, а затем шведская военная мощь привела к поражению Августа Сильного, в результате чего Курляндия целиком оказалась во владении Швеции (Bohme 2002: 87). Военные формирования Швеции находились на единственном театре военных действий, и нелегко представить, что в таких обстоятельствах защита завоеванных территорий не могла быть эффективной при той силе, которой располагал шведский король. Полководческий талант «храброго солдата» Карла, по сути, уступал его упрямству и эксцентричности, но еще раз заметим, что причины его окончательного поражения крылись не только в неудачно избранной военной стратегии. Уже по опыту предшественников можно было догадаться, насколько Швеция зависела от западноевропейской политики. Политические структуры единой Вестфальской системы были слишком взаимосвязаны, чтобы можно было легко абстрагироваться от намерений и желаний ближайших, и даже дальних соседей.

Несмотря на первоначальные военные успехи, Швеция почти сразу же стала терять свои политические позиции. Уже задолго до того, как Карл вторгся в Саксонию в 1706 г., внимание Вены и большинства чинов Империи целиком было обращено к войне против Людовика XIV, стремившегося защитить доставшееся ему по завещанию испанское наследство. Дипломаты французского короля развивали высокую активность в Швеции, стараясь привлечь ее на свою сторону. Не удивительно поэтому, что у шведского короля возникла мысль подготовить высадку в Шотландии, чтобы восстановить на английском престоле свергнутого Славной революцией Якова II Стюарта, а часть якобитов участвовала в кампаниях Карла XII (Anglo-Dutch Moment 1991: 333-335).

Более того, новые завоевания, европейская слава победителя и всеобщее восхищение отнюдь не мешали обострению отношений Карла XII с морскими державами в связи с оккупацией Курляндии, завоеванием Данцига и переговорами с Людовиком XIV о поддержке Франции в войне за испанское наследство. Еще в августе 1700 г., когда шведский король высадился на острове Зеландия и подошел к Копенгагену, он под давлением Англии и Голландии не овладел столицей Дании и не захватил датского флота, который в дальнейшем постоянно угрожал коммуникациям шведской армии (Roberts 1979: 146-147). В принципе, обе противоборствующие стороны в войне за Испанское наследство были заинтересованы в замирении Севера и опасались отзыва вспомогательных войск германских князей из своих армий.

В связи со всем этим тезис известного российского историка Е.В. Тарле о «неизменно враждебной политике Англии относительно России», и о том, что англичанам приходилось время от времени «симулировать дружелюбие» в отношении Петра, представляется не совсем убедительным (Тарле 1959: 377, 425). Слишком серьезные интересы на Балтике связывали англичан с Северной войной, но еще большие интересы были у них в Западной Европе, от разрешения которых в их пользу зависело само существование британской конституционной монархии, а также в Средиземном море и Атлантике. Эти обстоятельства сталкивали Англию, в первую очередь, с Францией, ловкая дипломатия которой добилась-таки склонения на свою сторону Карла Шведского. Одно время тот даже намеревался из Саксонии выступить против союзных войск антифранцузской коалиции под командованием герцога Мальборо и Евгения Савойского (Recuel des instructions 1889: 104-135). И не только в отношении России и Швеции Англии пришлось «лабиринтировать, хитрить и изловчаться» – это удел дипломатии любого государства и в любое время.

Поэтому не будем сильно укорять англичан в том, что в 1705-1706 гг. Петра I не приняли в Великий союз, за «дело» боярина Матвеева, а также за то, что в 1707 г., получая подарки за свое мнимое содействие заключению мира со Швецией, герцог Мальборо всячески старался ускорить уход Карла XII из Саксонии и его нападение на русские границы. Такая дипломатия знаменитого полководца и политика была вполне естественной, ибо от нее зависел исход борьбы с королем Людовиком и, в конечном счете, судьба самой Британской монархии. Несмотря на то, что Мальборо общался с послом Петра Матвеевым крайне любезно и обещал «крепко говорить со шведом», а переписка Петра и королевы Анны Стюарт была проникнута обоюдным

уважением и признаниями в любви, Англия признала шведского ставленника Станислава Лещинского польским королем, а сам Мальборо даже посетил Альтранштедт с целью уговорить Карла и его министров повернуть на восток. Всемогущий английский герцог не мог доверить эту миссию своим дипломатам, поскольку именно в это время вездесущий государственный секретарь Короля-Солнце Торси почти добился обещания Карла XII вторгнуться в наследственные владения императора Иосифа I. Переписка Мальборо была полна серьёзных опасений на сей счет (Britain and Russia 1998: 32-65; The Marlborough-Godolphin Correspondence 1975: 473, 478, 510). В то же самое время сам Людовик XIV протянул щупальца своей дипломатии и в Россию – именно его агенты уже после битвы при Лесной первыми узрели в Петре «нового Александра Македонского». Постоянно пребывавший при русском императоре английский посол Уинтворт в своих донесениях был обеспокоен активностью французских коллег (Britain and Russia 1998: 44-56). Еще до Полтавы возможность победы русских над шведами также допускали в Дании, Империи и Стамбуле.

В серьезном положении в начале XVIII в. находилась Вена. Восточноевропейский конфликт поставил императора Иосифа перед дилеммой выбора между Россией и Швецией. Ведь он был вынужден считаться и с интересами саксонского курфюрста в Польше, и с датским и шведским присутствием в Империи, и с бранденбург-пруссскими интересами в Померании одновременно. Все это заставляло правительство Вены хитрить и лавировать. Иосиф I дважды поддержал на переговорах со Швецией Августа Сильного в противовес Станиславу Лещинскому, но открыто объявить себя сторонником России опасался – пасовал перед Швецией, угрожавшей вторжением. Когда Петр I предложил ему союз, император оказался достаточно умным, чтобы не идти на риск и напрямую не объединить две войны. И спустя полстолетия в Вене еще маячил призрак Тридцатилетней войны (1618-1648) и франко-шведской коалиции (Press 1991: 464-465).

И ещё существовал один важный момент: если морские державы были ранее просто озабочены продолжением их торговли с Нарвой и Ригой, когда эти порты окажутся в руках русских, то теперь Карл XII и вовсе перехватил ее, стремясь пополнить свои изрядно поредевшие финансы. Вполне естественное в такой ситуации возмущение Англии и Нидерландов разрушило единственный эффективный барьер, обеспечивавший достигнутую стабильность в отношении Дании. В июне 1709 г., за несколько дней до Полтавского сражения (27 июня/8 июля), датский король заключил с саксонским курфюрстом Августом II договор, задачей которого было обеспечить неприкосновенность германских владений обеих договаривающихся сторон, и который предусматривал возможность антишведского выступления. А в начале июля того же года Дания, Саксония и Пруссия заключили соглашение, по которому Пруссия обязалась препятствовать прохождению шведских войск через бранденбургскую территорию. Прусскому королю был обещан Эльбинг, за что Пруссия должна была сохранять нейтралитет. В октябре 1709 г. Дания заключила новый договор с Россией, в котором предусматривалось датское наступление на Сконе и Норвегию, русское – на Финляндию, причем обеим

сторонам воспрещался сепаратный мир со Швецией (История Швеции 1974: 272-274).

Так, уже после Полтавы исход Северной войны был фактически предрешен, но Шведская империя, конечно, не без помощи английских, французских, имперских дипломатов, предпочла агонизировать, надрывать последние силы, теряя последние клочки своей балтийской территории. Однако уже тогда шведские послы просили свое правительство поскорее их отозвать, поскольку им невольно стало выносить оскорбления и иронические насмешки при западноевропейских дворах. Родственница Людовика XIV принцесса Пфальцская, имевшая большое влияние в Версале, так отзывалась о Петре в своих письмах, помеченных октябрем-декабром 1709 г.: *«Царь качественно выиграл большую битву и может на многое надеяться. Наступит время, когда король Швеции будет разгромлен и попросит прощения у царя... Я нахожу, что царь – великий политик своей страны. При этом он в достаточной степени знает французский, чтобы хорошо проштудировать книгу Вобана (знаменитого военного инженера Франции – Л.И.) А вот Вобан не знал иного языка, кроме французского...»* (Lettres de Madame Duchesse 1981: 282-284).

По большому счету, уже в начале единого общеевропейского конфликта первой четверти XVIII в. Швеция осталась фактически без союзников, несмотря на восхищение современников ее королем. Обе стороны, принимавшие участие в войне за Испанское наследство, после уклонения Швеции от участия в западноевропейских делах были не против завязать потуже узел противоречий на Балтике и на востоке Европы, дабы исключить непредвиденное вмешательство в дележ испанской добычи и нарушение баланса сил на западе континента как Швеции, так и России. Об этом ярко свидетельствуют дипломатическая переписка и личные бумаги правителей, их министров и полководцев. К примеру, канцлер казначейства Годолфин замечал своему другу и патрону герцогу Мальборо в письме от 7 августа 1707 г.: *«Если шведский король заключит договор о совместных действиях с Францией, последствия для нас будут самые ужасные»* (Recueil des instructions 1889: 121, 127, 130; The Marlborough-Godolphin Correspondence 1975: 655, 675, 815, 828, 874).

Безусловно, многие сильные потенциальные союзники основных противников в Северной войне, такие как Бранденбург-Пруссия, вступали в войну за Испанское наследство с чувством определенного принуждения. Вена предпринимала шаги к развязыванию военных действий уже с конца 1700 г., и тогда император Леопольд согласился на то чтобы бранденбургский курфюрст Фридрих I стал королем Пруссии в обмен на участие в борьбе против французского короля. На протяжении войны за Испанское наследство Фридрих являлся последовательным союзником императора, тогда как в Северной войне до поры до времени мог проводить только дипломатию «качелей». Надо сказать, что прусский маятник больше склонялся на сторону России, ибо укреплявшаяся территориально и политически Пруссия напрямую сталкивалась со Швецией на Севере Европы и в Померании (Press 1991: 468).

Следует, однако, заметить, что, заключив мирные договоры в Утрехте и Раштатте в 1713-1714 гг., западноевропейские державы обратили свое пристальное внимание на восток и северо-восток, обеспокоенные возросшей мощью Российского

государства и продолжением северного конфликта. Внезапное возвращение Карла Шведского из Турции в конце 1714 г. укрепило союз между Россией, Данией, Саксонией и Речью Посполитой. Прусские территориальные приращения спровоцировали Швецию объявить войну и Пруссии: Рюген и Штральзунд были отвоеваны шведами уже в 1715 г. (Press 1991: 472-474).

Но в 1716 г. Петр Великий, завоевав шведские остзейские провинции, стал готовиться к вторжению в южную Швецию из Дании, и зимой того же года расквартировал свои войска в Мекленбурге, соседствовавшем с Ганновером. Параллельно Дания захватила шведские Бремен и Верден, затем русские появились в Гольштейне. Внедрение армий Петра столь далеко на запад повлекло за собой изменение позиций государств, которые атаковали Швецию после Полтавы – Дании, Ганновера и Пруссии. Новый прусский король Фридрих-Вильгельм I особенно встревожился, когда русские вместе с саксонцами вступили в Штеттин. Появление Петра на Севере Империи вызвало также беспокойство у императора Священной Римской империи Карла VI (1711-1740), который даже созвал рейхстаг в Брауншвейге, чтобы через германских протестантских чинов нейтрализовать наступление русских армий и утихомирить Швецию.

И напрасно: несмотря на то, что для Швеции война превратилась в оборонительную и шла уже на ее собственной территории, Карл в 1717 г. начал свой последний поход против Норвегии. Новый виток войны мог повлечь за собой серьезное изменение едва только установленного баланса сил на континенте, и испугал многих правителей, в особенности Георга I Английского, который даже поссорился с Петром. Ганноверец Георг, озабоченный русским вторжением в Мекленбург, возглавил мирные переговоры между Швецией и ее западноевропейскими противниками, фактически став инициатором антирусской дипломатической коалиции. Это помешало вводу русских войск в Висмар, кроме того, Англия задержала выплату сумм, предназначенных Дании для высадки в Сканию. Давление Британии сыграло главную роль в отступлении Петра из Мекленбурга в 1717 г. Несмотря на все это, в августе 1717 г. Петр все же умудрился заключить в Амстердаме договор о дружбе и союзе с Францией и Пруссией (Багер 2003: 193; Schakenbourg 2003: 587-588).

Но Лондон в это время вступил в противоречия не только с Петром I, но и с Карлом XII. В первую очередь, король Георг желал расширить Ганновер за счет Бремена и Вердена, что уже осложняло отношения со Швецией. А, во-вторых, в 1716 г. Карл намеревался поддержать вновь поднявших голову якобитов, которые вели переговоры со шведскими министрами о финансовой и военной помощи для свержения ганноверской династии. В 1717 г. в Лондоне серьезно опасались шведского вторжения в Шотландию. Лучшие юристы Великобритании выступили с прокламациями, в которых выражалось возмущение тем, что протестантский шведский король поддерживает католического Претендента в его претензиях на английский трон, тогда как только король Георг согласно «Акту о престолонаследии» и своему вероисповеданию имеет право быть английским монархом (Die eigenhändigen Briefe König Karls XII 1894: 252; Charges to the Grand Jury 1992: 82-85; Багер 2003: 190-192).

В мае 1718 г. на Аланских островах между Швецией и Россией, наконец, начались мирные переговоры. Однако это уже не могло ни спасти никем не поддерживаемого, но по-прежнему непримиримого Карла XII, закончившего свой жизненный путь в Норвегии у крепости Фредриксхаль в 1718 г., ни предотвратить распада Шведской империи. Свое сказочное появление одного из богов Эдды шведский король совершал среди политических хитросплетений Европы раннего Просвещения. Ему было просто суждено заблудиться в современном, но, очевидно, чуждом ему мире. И поэтому умереть.

В 1719 г. Швеция заключила мир с Ганновером, который за компенсацию в 1 млн. риксдалеров получил Бремен и Верден. В январе 1720 г. был подписан шведско-прусский договор, в результате которого Берлин за 2 млн. риксдалеров «покупал» Штеттин и ряд земель в Померании. А в феврале того же года Россия и Пруссия заключили договор, согласно которому Россия обязывалась в ближайшее время заключить мир со Швецией, а Пруссия – не препятствовать интересам России в Прибалтике и Речи Посполитой. Вслед за этим Копенгаген подтвердил приобретение Шлезвига и купил право на лишение Швеции права свободной торговли через Эресунн за 600 000 риксдалеров.

Летом 1720 г. шведская эскадра была разбита петровским флотом у острова Гренгам. После повторных рейдов русских кораблей к шведскому побережью 1720-1721 гг. 11 сентября 1721 г. в Ништадте был подписан мирный договор между Швецией и Россией: Петр I за все свои приобретения в Прибалтике выложил 2 млн. риксдалеров. Да, шведы получили средства на восстановление военных потерь, умудрившись сохранить Финляндию и большую часть Померании. Но империя и политическая гегемония в огромном регионе были Стокгольмом утеряны (Preussens Staatsverträge 1913: 243-247; Григорьев 2006: 525). Провалились и попытки западных держав сохранить прежнее равновесие в Северной Европе.

В итоге, переход Шведского государства на вторые роли в европейской политике, состоявшийся в первой четверти XVIII столетия, был обусловлен не только военно-политическими талантами Карла XII или Петра Великого. Судьба великой уникальной империи на Балтике в немалой степени зависела от расстановки сил в Западной Европе. Северная война и война за Испанское наследство, военное слияние которых не было исключено в 1706 – начале 1709 гг., являлись единым системным конфликтом между европейскими государствами того времени, который уже за десятилетия до того готовили дворы и кабинеты. Вестфальская система международных отношений в Европе, формировавшаяся после 1648 г., переживала в начале XVIII в. кризис, и перегруппировка сил была закономерной.

ЛИТЕРАТУРА

- Багер 2003 - *Багер Х.* Петр I в Дании в 1716 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 6.
Григорьев 2006 - *Григорьев Б.* Карл XII. М., 2006.
История Швеции 1974 - *История Швеции / Под ред. А.С. Кана.* М., 1974.
Мелин, Юханссон, Хеденборг 2002 - *Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С.* История Швеции. М., 2002.

- Тарле 1959 - *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию // Тарле Е.В. Сочинения. Т. X. М., 1959.
- Anglo-Dutch Moment 1991 - *Anglo-Dutch Moment. The Glorious Revolution and its World Impact* / Ed. by J. Israel. Cambridge, 1991.
- Black 1999 - *Black J.* Eighteenth Century Europe 1700-1789. London, 1999.
- Bohme 2002 - *Bohme K.R.* Die Grossmachtstellung bewahren – aber wie? Die schwedische Deutschlandpolitik nach 1648 // *Imperium Romanum – irregulare corpus – teutscher reichs-staat* / Hrsg. von M. Schnettger. Mainz, 2002.
- Britain and Russia 1998 - *Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents* / Trans and ed. by S. Dixon. London, 1998.
- Charges to the Grand Jury 1992 - *Charges to the Grand Jury 1689-1803* / Ed. by G. Lamoine. London, 1992.
- Corps Universelle diplomatique 1728 - *Corps Universelle diplomatique* / Par J. Du Mont. T. VII. Pt. II. Amsterdam, 1728.
- Die eigenhändigen Briefe König Karls XII 1894 - *Die eigenhändigen Briefe König Karls XII* / Hrsg. Von E. Carson. Berlin, 1894.
- Frost 2000 - *Frost R.I.* The Northern Wars 1558-1721. London; N.Y., 2000.
- Lettres de Madame Duchesse 1981 - *Lettres de Madame Duchesse d'Orleans nee Princesse Palatine* / Par O. Amiel. Paris, 1981.
- The Marlborough-Godolphin Correspondence 1975 - *The Marlborough-Godolphin Correspondence* / Ed. by H.L. Snyder. Vol. II. Oxford, 1975.
- Press 1991 - *Press V.* Kriege und Krisen. Deutschland 1600-1715. München, 1991.
- Preussens Staatsvertrage 1913 - *Preussens Staatsverträge aus der Regierungszeit König Friedrich Wilhelms I.* Hrsg. von Dr. V. Loeve. Leipzig, 1913.
- Recueil des instructions 1889 - *Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à la Revolution Francaise.* VII. Par A. Levon. Paris, 1889.
- Roberts 1979 - *Roberts M.* The Swedish Imperial Experience. 1560-1718. Cambridge, 1979.
- Schakenbourg 2003 - *Schakenbourg E.* La France et le development de l'influence Russe en Europe du Nord dans la premiere moitie du XVIII siecle // *Guerres et Paix en Europe centrale aux epoques moderne et contemporaines* / par D. Follet. Paris, 2003.

REFERENCES

- Anglo-Dutch Moment 1991 - *Anglo-Dutch Moment. The Glorious Revolution and its World Impact* / Ed. by J. Israel, Cambridge, 1991 [in English].
- Bager 2003 - *Bager H.* Petr I v Danii v 1716 g. [Peter I in Denmark in 1716], in: *Novaja i novejsaja istorija* [Modern and contemporary history], 2003, № 6 [in Russian].
- Black 1999 - *Black J.* Eighteenth Century Europe 1700-1789, London, 1999 [in English].
- Bohme 2002 - *Bohme K.R.* Die Grossmachtstellung bewahren – aber wie? Die schwedische Deutschlandpolitik nach 1648 [The great power position preserve – but how? The Swedish German policy after 1648], in: *Imperium Romanum – irregulare corpus – teutscher reichs-staat* / Hrsg. von M. Schnettger. Mainz, 2002 [in German].
- Britain and Russia 1998 - *Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents* / Trans and ed. by S. Dixon, London, 1998 [in English].
- Charges to the Grand Jury 1992 - *Charges to the Grand Jury 1689-1803* / Ed. by G. Lamoine, London, 1992 [in English].
- Corps Universelle diplomatique 1728 - *Corps Universelle diplomatique* / Par J. Du Mont [Case of diplomatic sources / Prepared the edition J. Du Mont], T. VII, Pt. II, Amsterdam, 1728 [in French].
- Die eigenhändigen Briefe König Karls XII 1894 - *Die eigenhändigen Briefe König Karls XII* / Hrsg. Von E. Carson [The personal letters of King Karl XII], Berlin, 1894 [in German].
- Frost 2000 - *Frost R.I.* The Northern Wars 1558-1721, London; N.Y., 2000 [in English].
- Grigor'ev 2006 - *Grigor'ev B.* Karl XII [Karl XII], Moscow, 2006 [in Russian].

Istoriija Shvecii 1974 - Istoriija Shvecii / Pod red. A.S. Kana [History of Sweden / Under A.S. Kan's edition], Moscow, 1974 [in Russian].

Lettres de Madame Duchesse 1981 - Lettres de Madame Duchesse d'Orleans nee Princesse Palatine / Par O. Amiel [Letters мадам of Charlotte Elisabeth, Princess Palatine / Prepared the edition O. Amiel], Paris, 1981 [in French].

Melin, Juhansson, Hedenborg 2002 - *Melin Ja., Juhansson A.V., Hedenborg S.* Istoriija Shvecii [History of Sweden], Moscow, 2002 [in Russian].

Press 1991 - *Press V.* Kriege und Krisen. Deutschland 1600-1715 [Wars and crises. Germany in 1600-1715], München, 1991 [in German].

Preussens Staatsverträge 1913 - Preussens Staatsverträge aus der Regierungszeit König Friedrich Wilhelms I. Hrsg. von Dr. V. Loeve [State contracts of Prussia from the reign king Friedrich Wilhelm I], Leipzig, 1913 [in German].

Recueil des instructions 1889 - Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'a la Revolution Francaise. VII. Par A. Levon [Collection of the instructions given to ambassadors and ministers of France from the Peace of Westphalia before the French Revolution. VII. Prepared the edition A. Levon], Paris, 1889 [in French].

Roberts 1979 - *Roberts M.* The Swedish Imperial Experience. 1560-1718, Cambridge, 1979 [in English].

Schakenbourg 2003 - *Schakenbourg E.* La France et le development de l'influence Russe en Europe du Nord dans la premiere moitie du XVIII siecle [France and growth of influence of Russia in Northern Europe in the first quarter of the XVIII century], in: *Guerres et Paix en Europe centrale aux epoques moderne et contemporaines / par D. Follet* [War and peace in the Central Europe during the latest era / Prepared the edition D. Follet], Paris, 2003 [in French].

Tarle 1959 - *Tarle E.V.* Severnaja vojna i shvedskoe nashestvie na Rossiju [Northern war and the Swedish invasion to Russia], in: *Tarle E.V. Sochinenija. T. X* [Tarle E.V. Compositions. Volume X], Moscow, 1959 [in Russian].

The Marlborough-Godolphin Correspondence 1975 - The Marlborough-Godolphin Correspondence / Ed. by H.L. Snyder. Vol. II, Oxford, 1975 [in English].

Ивонина Людмила Ивановна – Доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета.

Ivonina Lyudmila – Doctor of historical sciences,
Professor at the Department of world history of Smolensk state university.

Email: ivonins@rambler.ru

УДК 94(4)"375/1492"

ПРУССЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗИ

С.А. Колтырин

Российско-немецкий исторический семинар (Москва, Россия)

e-mail: mail@histformat.com

Авторское резюме

В данной статье рассматриваются письменные источники и данные вспомогательных исторических дисциплин о происхождении пруссов и их культурных связях. Выдвигается предположение, что образование прусского общества и культуры связано с миграцией середины I тысячелетия н.э. в исторические области Самбии и Натангии нового населения из южнобалтийского региона (современная северная Германия). Выявляются культурные и религиозные связи пруссов с островом Рюген и близлежащим Поморьем, а также Русью.

Ключевые слова: пруссы, происхождение пруссов, русы, русские, связи Руси и Пруссии.

PRUSSIANS: THEIR ORIGIN AND TIES

Sergey Koltyrin

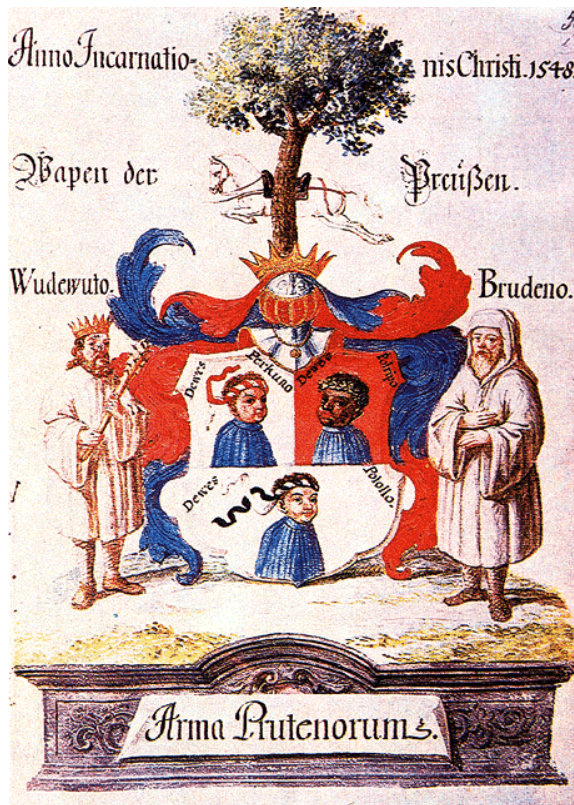
Abstract

The author analyzes written sources and complementary data from auxiliary historical sciences related to the origin of Prussians and their cultural ties; he has suggested that the formation of the Prussian society and culture was associated with migrations of South Baltic populations that lived on the territory of present-day Northern Germany onto the historic lands of Sambia and Natangia in the middle of the 1st millennium AD. He has also identified cultural and religious ties between Prussians and the people of Rügen Island, nearby Pomerania and Rus'.

Keywords: Prussians, origin of Prussians, Ruses, Russians, Rus' and Prussia's ties.

* * *

Появление пруссов на исторической арене исследователи относят, как правило, к середине I тысячелетия н.э. До этого периода в Самбии и Натангии (нынешняя Калининградская область) была распространена т.н. культура эстиев – как считается, балтоязычного народа. Однако археология отмечает сильное кельтское влияние на местное население, послужившее чуть ли не основой формирования указанной культуры (Кулаков 1996: 39). С III в. на земли эстиев начинают проникать представители чужеродного для западнобалтского мира народа, несшие с собой собственные элементы культуры и традиции. По словам одного из ведущих специалистов по истории Пруссии, д.и.н. В.И. Кулакова, их «приход... был позитивен для местного общества» и «именно эти события послужили причиной прекращения культуры эстиев и заложили основу культуры пруссов» (Кулаков 1996: 42). Возникновение таких явлений, как прусская дружина и прусское жречество также напрямую связано с появлением новых этнических элементов на Янтарном берегу.

Илл. 1. Легендарный герб пруссов
(из хроники Иоганнеса Мельмана, 1548 г.)

Письменные источники дают нам ценные данные о периоде образования прусского общества и культуры. «Прусская хроника», составленная в начале XVI в. монахом Симоном Грунау, опирающимся на несохранившиеся рукописи первого прусского епископа Христиана (начало XIII в.), записавшего, в свою очередь, прусские исторические предания, сообщает нам следующее.

В начале VI в. н.э. готы, пришедшие из Испании в северную Италию и потерпевшие поражение в Ломбардии от войск империи, перебрались оттуда в Вестфалию и затем в Данию. Датский король предложил им для проживания остров, находившийся «в его стране» и называвшийся Кимбрия. Готы вынудили проживавший в Кимбрии род во главе с королями Брутенем и Видевутом покинуть свои земли. «Брутен и его брат Видевут с их родней сели на плоты и поплыли по Хроне (по Страбону – р. Неман), воде Хайлибо (Калининградский залив)... и нашли в Ульмигании (Пруссии – прим.) неведомый народ. У него сделали они остановку и строили там на свой лад замки и деревни, используя иногда силу, иногда - хитрость, а иногда - дружелюбие, с ними спознались, и прибывшие из Кимбрии скандиане стали править в Ульмигании и пользоваться их (местных жителей) услугами.

Брутен и его брат Видевут построили (замки) Хонеду, Пайлмайлло, Нангаст, Вустопнос и Галлонс и нашли они мед и делали из него напиток, ибо ранее они пили лишь молоко, и те, кто ранее находились в Ульмигании, стали вести жизнь по образу кимбров...

В 521 г. Брутен и Видевут созвали мудрых и спросили их, кому быть властителем. Все указали на старшего из братьев - на Брутена. Последний отказался от власти в пользу брата, желая служить богам. После коронации Видевут объявил Брутена высшим владыкой («второй после богов повелитель») – верховным жрецом с культовым именем Криве-Кривайто, которого все должны были слушаться как бога. В честь него страна была

названа Брутением и богам принесены благодарственные жертвоприношения. Брутен соорудил богам Патолло, Патримпо и Перкуно особое строение».

Изваяния упомянутых богов, согласно хронике, Брутен и Видевут привезли с собой. Далее, в 523 году «брутенны со своим королем Видевутом и Брутением, своим Криве-Кривайто, пришли в Хонедо (некоторые исследователи считают Хонеду древним наименованием замка Бальга), и там огласил Брутен волю своих богов, призывая жить (пруссос) единым образом, первое: никто, кроме Криве-Кривайто, не может обращаться к богам или приносить с чужбины на родину (инога) бога. Верховными богами являются Патолло, Патримпо, Перкуно, давшие нам землю и людей и дарующие еще (иное достояние). Второе: по их воле наш Криве-Кривайто назван перед нами верховным правителем, и его последователи, когда они появятся, будут нашими любимыми богами и их вайделоты (младшие жрецы) в Рикойто (центральной святыни) будут находиться... Четвертое: все страны и люди, которые нашим богам принесут жертвы, должны быть нами любимы и почитаемы. Противящиеся этому должны быть убиты нами огнем и дубиной и мы обретем друзей. Пятое: ...верховные владыки передают (свои звания) по наследству, ...остальные должны находиться при них...» (Кулаков 1996: 62-63).

К данным сведениям, конечно, можно и нужно относиться критически, что особенно касается деталей. Однако, очевидно, источник отражает бытовавшую на Янтарном берегу традицию, повествующую об истоках формирования пруссов. И возможно, будучи недостаточно точными в хронологии или некоторых деталях, приведенные свидетельства, в целом, вполне могут отражать верную картину переселения в рассматриваемый регион новых этнических элементов с запада, что подтверждается современными исследованиями (Кулаков 1996: 61).

Итак, по сведениям «Прусской хроники», около середины I тыс. н.э. в Ульмиганию-Пруссию во главе со своими королями прибыл народ с некоего острова под названием Кимбрия. Остров этот находился под властью датского правителя. Вероятно, с этим и связано его название, фигурирующее в хронике, т.к. достаточно крупное племя кимбров в первой половине I тыс. н.э. населяло Ютландский полуостров и, возможно, имя сего народа могло в географических представлениях носителей прусских исторических преданий ассоциироваться с целым регионом.

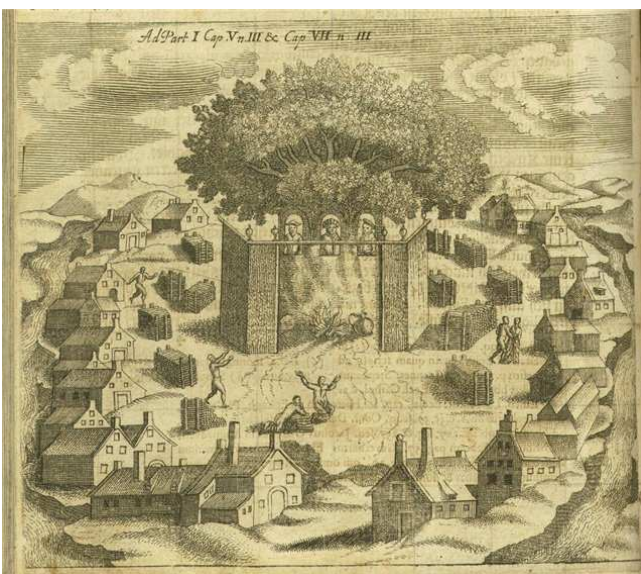
Таким образом, зарождение прусского общества, культуры и религиозности связано с народом, пришедшим на Янтарный берег откуда-то с запада, из земель, близких к Ютландскому полуострову. Надо сказать, подобные миграции имели место и позже описанных в «Прусской хронике» событий. Так, Галл Аноним сообщает о переселении в Пруссию под давлением Карла Великого жителей Саксонии (которая имела историческое название «Вендланд» – земля вендов) (Славянские хроники 1996). Очевидно, это говорит о том, что данный путь миграции был типичным для древних жителей территорий современной Северной Германии и соседних земель, при этом мирный «приём» в Пруссии более поздних переселенцев указывает на их возможное родство.

Что же это был за этнос, строивший в Пруссии города и храмы, утвердивший законы и принципы организации общества, привнесший на Янтарный берег новые ритуальные культы и затем распространивший свое влияние далее на восток?

Письменные источники, археология, геральдика и проч. дают нам весьма любопытные и важные сведения, позволяющие выстроить параллели, которые могут приблизить нас к ответу на этот вопрос. Весьма точные аналогии особенностям религиозно-культурной организации жизни, привнесенным на территорию Пруссии новым этносом, можно найти в западной части южнобалтийского побережья, а если точнее, на острове Рюген и близлежащем Поморье. Надо сказать, эти земли вполне соответствуют предполагаемой географической локализации родины легендарных Брутена и Видевута.

Итак, согласно «Прусской хронике», пришедший с запада народ утвердил на Янтарном берегу культ трех верховных богов: **Патолло, Патримпо, Перкуно**, для которых возводились «особые строения» (очевидно, храмы). По археологическим данным и письменным источникам мы знаем о традиции строительства в древности языческих храмов на территории современной Северной Германии. Самыми известными, пожалуй, были культовые центры на острове Рюген. Причем в одном из них, Коренице, обнаруживается аналогия прусскому «троебожию»: по сведениям Саксона Грамматика (XII в.), здесь находилось три храма, посвященных богам Рутевиту, Поревиту и Поренуту (Гильфердинг 1874: 186).

Имя последнего связано как с прусским **Перкуно**, так и с русским **Перуном**. Вполне вероятно, это был один и тот же культ. Помимо Рюгена, на южнобалтийском побережье он засвидетельствован также в Альденбурге (Гильфердинг 1874: 190). Наличие культа Пер(к)уна-Прона на поморье в районе острова Рюген подтверждает и топонимика (Гильфердинг 1874: 190). Средневековый хронист Гельмольд (XII в.) также свидетельствует о почитании этого бога в Альденбурге: «...по дороге пришли мы в рощу, единственную в этом краю, которая целиком расположена на равнине. Здесь среди очень старых деревьев мы увидели священные дубы, посвященные богу этой земли, Прове¹. Их окружал дворик, обнесенный деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое ворот» (Гельмольд 1963: 185-186).

Илл. 2. Изображение святилища Рикойто/Ромова из книги К. Хартноха «Старая и новая Пруссия», XVII в.

¹ А.Гильфердинг считал, что у Гельмольда имя читается двояко: *Prove* или *Prone* (Гильфердинг 1874: 189-190.)

Показательно, что главное прусское святилище Рикойто (Ромува), известное по подробному описанию Симона Грунау, по принципу организации практически точно соответствует альденбургскому культовому центру: Ромува также находилась в роще под открытым небом, а центральным элементом тоже был дуб. Аналогично альденбургскому святилищу, в Ромуве была отгорожена центральная часть комплекса, и сделано это было с помощью растянутых полотнищ. Данная деталь полностью повторяет бытовавшие на острове Рюген традиции. Так, по свидетельствам Саксона Грамматика, храм Свентовита в Арконе был окружен «двойною оградой: внешняя ограда состояла из толстой стены с красною кровлею; внутренняя — из четырех крепких колонн, которые, не соединяясь твердою стеною, увешаны были коврами, достигавшими до земли»; в Коренице основной храм также огораживался «пурпуровою тканью» (Фаминцын 1884: 26,28).

Есть мнение, что в Ромуве в качестве полотнищ для отделения священного пространства использовалось «знамя Видевута», изображавшее трех верховных прусских богов (Кулаков 1996: 66).

Рис. 65. Верховные боги прусского пантеона на «знамени Видевута».

Илл. 3. «Знамя Видевута» с основными богами пруссов.
Рисунок К. Гарткноха по описанию Симона Грунау 1526 г.

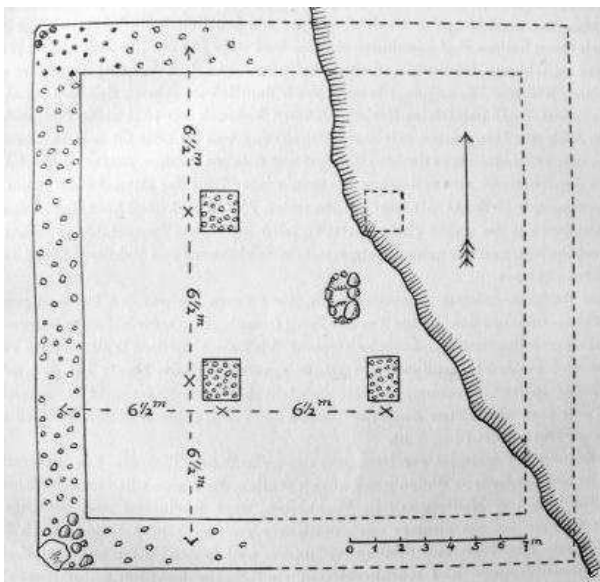
На острове Рюген и в близлежащих землях традиция знамен, посвященных богам, известна по многим источникам. Тот же Саксон Грамматик упоминает знамена Свентовита, хранившиеся в арконском святилище. Титмар Мерзебургский (XI в.) указывает, что в храме города Радигоста находятся знамена, а также упоминает знамя с изображением Богини у велетов. Конрад Бото сообщает, что Проне «имел знамя», а Бруно Кверфуртский (X-XI вв.) в письме к императору Генриху III упоминает знамена Сварожича у велетов.

Еще одной важной параллелью между островом Рюген и Пруссией в части культовых особенностей является роль в обществе жречества. Так, Гельмольд пишет про руян/ругов (жителей о-ва Рюген), что «жреца они почитают больше, чем короля» (Гельмольд 1963: 101). В Пруссии наблюдалась идентичная ситуация, нашедшая

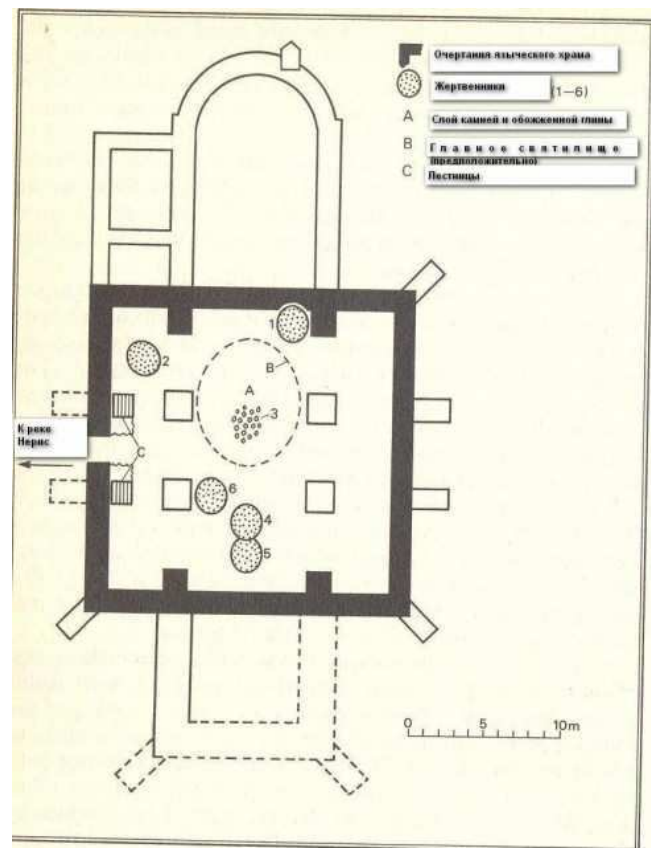
широкое отражение в источниках. В частности, Петр Дуйсбургский (XIV в.) писал: «Было... в Надровии одно место, называемое Ромов... в котором жил некто, по имени Криве, которого они (пруссы – прим.) почитали как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литовины и прочие народы земли Ливонской» (Петр из Дусбурга 1997: 51). Согласно «Прусской хронике» С. Грунау, высокий статус жреца был установлен именно правителями прибывшего с запада народа: «...Видевут объявил Брутена высшим владыкой («второй после богов повелитель») – верховным жрецом с культовым именем Криве-Кривайто, которого все должны были слушаться как бога» (см. выше).

Весьма существенно указание Петра Дуйсбургского на то, что влияние главного прусского святилища и его верховного жреца распространялось на земли восточной Прибалтики. Интересно, что в середине XIII в. прусский Криве-Кривайто, спасаясь от крестоносцев, ушел на восток, в Литву (Кулаков 1996: 65), где с этого времени стала располагаться жреческая резиденция. По местным легендам, в том числе с ним связано основание города Вильно (Вильнюса) (Топоров 1980: С.40-42).

Именно выходцами из Пруссии, судя по всему, было учреждено и известное святилище Перкуна в Вильне. В этой связи крайне важен тот факт, что данный культовый центр по своему устройству практически точно повторяет храм Свентовита в Арконе:

Илл. 4. План храма Свентовита в Арконе

Илл. 5. План Храма Перкуна в Вильнюсе, поверх него очертания построенного над ним кафедрального собора

Вполне вероятно, что зафиксированный на юго-восточном побережье Балтики культ Перкуна был привнесен сюда из Пруссии и, соответственно, восходит к религиозным представлениям народа, пришедшего на Янтарный берег с запада и заложившего основу прусского общества.

Важнейшим элементом прусской культуры являлся культ коня. Не случайно на легендарном прусском гербе (см. выше) наряду с изображениями верховных Богов и родоначальников присутствует фигура белой лошади в прыжке. Прусское почитание коня находит практически полные аналогии в традициях жителей острова Рюген и соседних с ним земель. У пруссов бытовал обычай: *«никто в стране (пруссос) не мог ездить на белой лошади, но держали ее только для богов»*¹. Поразительное соответствие этому мы находим у Саксона Грамматика в описании культа Свентовита в Арконе: *«...при нем (Свентовите - прим.) был конь, совершенно белый... Только верховный жрец мог его кормить и на нем ездить, чтобы обыкновенная езда не унизила божественного животного. Верили, что на этом коне Святовит ведет войну против врагов своего святилища...»* (Фаминцын 1884: 27). Герборд сообщает об идентичном обычае в Щецине, где конь был посвящен богу Триглаву: *«Имели также коня удивительной величины, тучного, вороной масти и весьма горячего. Он весь год отдыхал и был столь священен, что никто не смел на него сесть; имел также старательнейшего хранителя в лице одного из четырех жрецов храмов»*. Почитание священного коня у ратарей в городе Радигост упоминал Титмар Мерзенбургский, и т.д. (Гильфердинг 1874: 169).

В этой связи любопытно, что связанный с описанными обычаями обряд гадания с помощью коня, который является традиционным для средневекового Рюгена и близлежащего Поморья, встречается у жителей восточной Прибалтики, а также характерен для русских.

Саксон Грамматик так описывает обычай острова Рюген: *«Вознамерившись предпринять войну, приказывали служителям воткнуть в землю перед храмом три пары копий на одинаковом расстоянии: к каждой паре привязывалось третье копьё поперек. Перед самым началом похода, жрец, произнеся торжественную молитву, выводил коня за узду из сеней храма и вел на скрещенные копыя: если конь, перешагивая каждое поперечное копьё, поднимал сначала правую ногу, а потом левую, то видели в этом счастливое знамение и были уверены в успехе войны; если же он хоть один раз выступал левой ногой, то отменялось задуманное предприятие. Также морское плавание почиталось надежным не иначе, как если три раза подряд шаги коня предсказывали успех»*.

Аналогичный обряд жителей южнобалтийского побережья упоминает Титмар Мерзебургский *«...Они выводят коня, отличающегося особенно великим ростом и почитаемого у них священным, и с благоговением и молитвою заставляют его переступить через сложенные накрест острия двух воткнутых в землю копий; этим как бы вдохновенным от божества конем перегадывают они то, что найдено было прежним гаданием, и если выйдет одно и то же, то исполняют задуманное дело; в противном случае огорченный народ отказывается от своего предприятия»* (Гильфердинг 1874).

¹ Simon Grunau's Preussische Chronik. В. 4. S. 68. Цит. по: Кулаков 1996: 46.

Идентичный обряд упоминает также в Ливонии Генрих Латвийский: «Собрался народ, решили узнать гаданием волю богов о жертвоприношении. Кладут копье, конь ступает [через него] и волею божьей ставит раньше ногу, почитаемую ногой жизни; брат устами читает молитвы, руками благословляет» (Генрих Латвийский 1938).

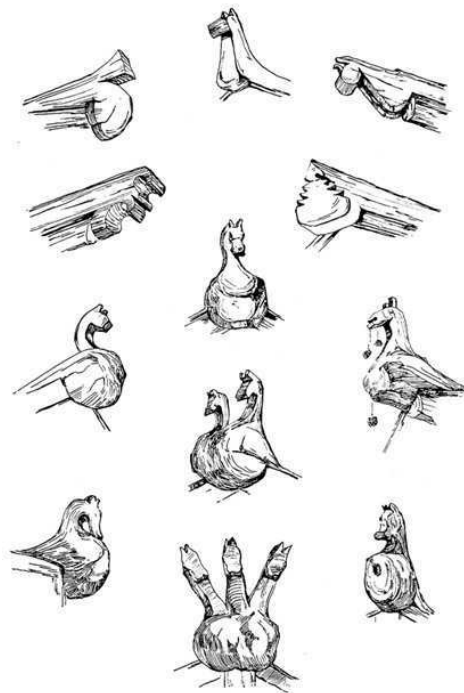
Прямая параллель данному обычаю зафиксирована отечественными этнографами у русских: «Девуцы... выводят из конюшни лошадей через оглоблю. Если которая зацепит оглоблю ногами, то муж будет сердитый; если же перескочит чрез нее, то муж будет тихий и смирный» (Сахаров 1885). «Русские девушки, гадая о суженом, выводят лошадей из конюшни через оглобли или жердь: когда лошадь зацепится за оглоблю — знак, что муж будет сердитый, злой и девуцу ожидает несчастное житье; а пройдет лошадь, не зацепившись, — муж будет добрый и житье счастливое» (Афанасьев 1865).

Указанные регионы связывают и другие проявления культа коня, а именно использование лошадиных голов в оформлении верхней части домов, обрядовые ряжения и проч. Причем в Германии «область распространения ... конских голов на коньках крыш практически совпадает с областью распространения образа белого коня в рождественском ряжении» (Иванова-Бучатская 2006: 114).

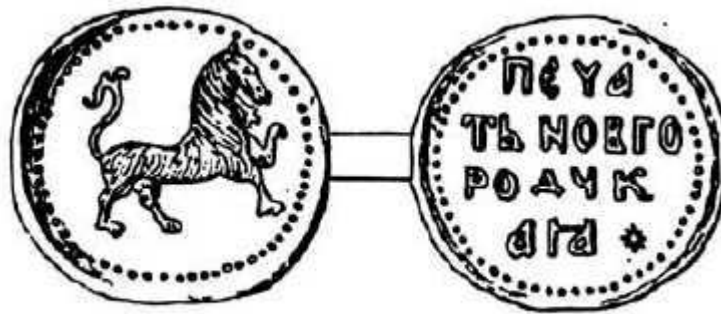
«ГРОМОВЫЙ ЗНАК» ПОД КОНЬКОМ КРЫШИ. Север

Илл. 6. «Коньки» на крышах домов в России
(сверху и справа)

Илл. 7. Верхняя часть дома из Мекленбурга (слева)
Фото: Karl Heinz Kordt

Помимо прусского герба, изображение коня встречается и в древнерусской геральдике. Причем, что характерно, на древнейших из сохранившихся городских печатях Новгорода и Пскова:

Новгородская печать 1426 года.

Серебряная Псковская печать взятая
въ 1510 году.

Илл. 8. Новгородская и псковская печати с изображением коней

Особое почитание коня, очевидно, находилось в тесной связи с особенностями устройства и быта общества. В частности, пруссы в значительной степени занимались коневодством (Кулаков 1996: 43). Это же занятие с древнейших времен было одним из главных для населения Мекленбурга (современная Северная Германия). Еще Ибрагим ибн Якуб (X в.) указывал, что жители данного региона славились, в том числе, как коневоды (Иванова-Бучатская 2006: 118). Интересно в этой связи, что купцы «из Ругии» Раффельштеттенского таможенного устава (X в.) торговали, в частности, конями. Исследователи связывали этих ругов и с придунайским Ругиландом (который был, судя по всему, основан ругами – выходцами с южнобалтийского побережья), и с Киевской Русью (Кузьмин 2003: 275).

Известно также, что элита Янтарного берега – прусская дружина – представляла из себя общность воинов-всадников. Весьма любопытным был легендарный принцип формирования аристократии на заре зарождения прусского общества: знатным становился имеющий быструю лошадь, которая отличилась на скачках (Кулаков 1996: 64). В этой связи вспоминаются упомянутые Саксоном Грамматиком триста всадников Свентовита на Рюгене (Фаминцын 1884: 27): очевидно, кавалерия здесь также имела элитный статус.

Помимо этого, источники сообщают, что в Поморье «...силе и могуществу знатных людей и военачальников мерилом принимается число коней. Силен, говорят, и богат, и могуществен тот, кто может содержать столько-то и столько-то коней, и, таким образом, услышав число коней, знают о числе дружинников, потому что на Поморье дружинник не имеет никогда более одного коня. А в этой стране лошади велики и крепки...» (Гильфердинг 1874: 89-90).

Археологическим проявлением дружинных отношений и связанной с ними всаднической культуры в Пруссии являются захоронения воинов с конем, массовый характер которых прослеживается с середины I тыс. н.э. (Кулаков 1996: 43,47), т.е. приблизительного времени прибытия на Янтарный берег нового этноса. Данная особенность снова роднит Пруссию с восточной Прибалтикой и Русью, где погребения с конем также были распространенным явлением (Каргер 1958: 166; Куликаускаене 1953, 1971; Кузьмин 2003: 308).

Причем в Литве этот обряд появляется сначала на побережье, откуда затем на рубеже I и II тыс. н.э. распространяется далее вглубь территории (Куликаускаене 1971: 26-27). А в источниках данный обычай связывается с русами. Так, в «Деяниях данов» Саксона Грамматика упоминается погребальный обряд рутенов (русов): усопшего хоронят с конем под курганом (Кузьмин 2003а: 206). О том, что русы сжигают с умершими коней, сообщают и восточные авторы (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу 1939; Якубовский 1946: 463).

Весьма интересным является связанный с описанными выше культурными особенностями мифологизированный образ всадника. Он широко представлен на княжеских печатях острова Рюген и близлежащих земель, а также Руси, где являлся древнейшим символом княжеской власти и со временем стал официальным гербом Московской Руси.

Илл. 9. Печать Яромара I Рюгенского, XII в.

Печать кн.
Мстислава Удалого
(XIII в.)

Печать кн. Александра
Ярославича (XIII в.)

Печать кн. Николауса
из Ростока (XIII в.)

Печать кн.
Витслава II
Рюгенского (XIII в.)

Печать кн. Дмитрия
Ивановича Донского
(XIV в.)

Печать кн. Глеба Полоцкого
(XIV в.)

Илл.10. Печати русских князей и князей балтийских славян

С этими изображениями непосредственно связан и более поздний, считающийся литовским, символ «Погоня»:

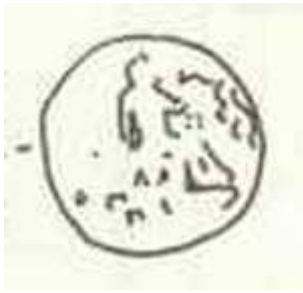
Печать кн. Ягайло, XIV в.

Герб ВКЛЛР, XVI в.

Илл. 11. Печать литовского князя и герб ВКЛЛР

Встречаются подобные изображения и на территории Пруссии, причем в достаточно ранних захоронениях:

Илл. 12. Печать из могильника Ирзекапинис, погребение 74 (XI в.)

Данный образ также находим на древнейшем гербе Кенигсберга:

Илл. 13. Древнейший герб Кёнигсберга

...и на гербе Ольденбургского герцогства, располагавшегося на территории исторического Вендланда – «земли вендов»:

Илл. 14. Герб Ольденбургского герцогства

Помимо этого, образ всадника, зачастую на белом коне, имеет широкое распространение в имеющем архаичные корни фольклоре острова Рюген и соседних с ним территорий (Иванова-Бучатская 2006: 111-115). К примеру, очень символично данное рюгенское придание: «Некогда в окрестностях Гарца... стоял замок с великолепными домами и храмами, где жили язычники и поклонялись своим богам. Много веков назад замок был захвачен христианами, храмы разрушены, а идолы сожжены... Лишь иногда рассказывают, будто по ночам можно видеть призрак статного мужчины с золотой короной верхом на белом коне...» (Иванова-Бучатская 2006: 102-103).

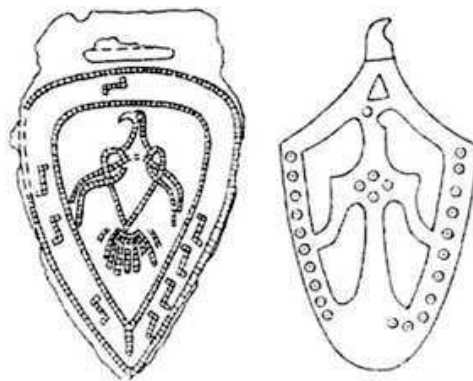
Распространены подобные образы также в обрядах, ряжениях и проч., зафиксированных у русских.

В связи с упоминаемым образом всадника вспоминаются указания источников о том, что в храмах на Рюгене и Поморье хранились принадлежащие богам, по бытовавшим тогда представлениям, седла и конская упряжь (Фаминцын 1884: 26,29).

Немаловажную роль фигура всадника играла и в мифологических представлениях Пруссии. Показательное свидетельство приводится в тексте Киршпорского договора 1249 г. «...родовые жрецы (пруссков - прим.) считают себя вправе присутствовать на похоронах умерших... восхваляют мертвых... подняв к небу глаза, они восклицают... что они видят предлежащего мертвеца, летящего среди неба на коне, украшенного блестящим оружием, несущего в руке сокола, с большой свитой направлявшегося в другой мир...» (Пашуто 1959: 501).

По всей видимости, образ всадника находится в числе многочисленных параллелей, связывающих остров Рюген с близлежащим Поморьем, Пруссию, восточную Прибалтику и Русь.

Особый интерес в приведенном описании прусских представлений о переходе усопшего в мир иной представляет также упоминание сокола. Скорее всего, оно не случайно: Петр Дуйсбургский отмечает, что в Пруссии «с умершими нобильями сжигались оружие, кони, слуги и служанки, ... ловчие птицы и прочее, относящееся у них к военному делу» (Петр из Дусбурга 1997: 52). Очевидно, именно ловчая птица – сокол – играла немаловажную роль в мировоззрении пруссов. Судя по всему, она и была символом прусской дружины¹ и, по словам В.И.Кулакова, считалась на Янтарном берегу «вестником богов и спутником войска» (Кулаков 1996: 43, 47). Изображения этой хищной птицы украшали ножны мечей прусских воинов, элементы конской упряжи и проч.

Илл. 15. Налобная конская подвеска из прусского погребения Ирзекапинис (XI в.), слева; наконечник ножен меча из прусского могильника Ржевское (X в.), справа

Широко представлены подобные элементы и в древнерусском археологическом материале:

¹ Распространено мнение, отождествляющее прусскую священную птицу с вороном. Однако это малообоснованное предположение, не находящее отражение в источниках. Гораздо больше оснований видеть в прусской символике именно «ловчую птицу» - сокола.

Илл. 16. Наконечники ножен меча. Слева направо: Шестовица (Днепровское Левобережье, ныне — Черниговская обл. Украины), X в.; Гнездово, X в.; Гнездово, X-XI вв. Углич, X в.

Илл. 17. Крючек на одежду. Новгород, Гнездово

Наконечник пояса, Чернигов

Рисунок с ободка игровой фишки. Старая Ладога, IX-X вв.

Илл. 17.1. Символика с хищной птицей в археологических находках на территории Руси

Рис. 2

Илл. 18. Подвески ожерелий из могильника у погоста Благовещенье (Ржевский р-н Тверской обл.)

Аналогичные изображения представлены и среди древностей южно-балтийского побережья современной северной Германии и Польши:

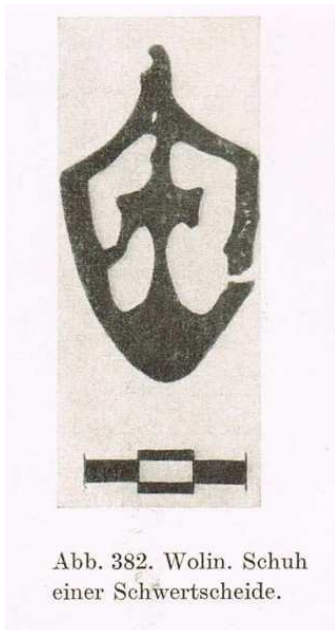
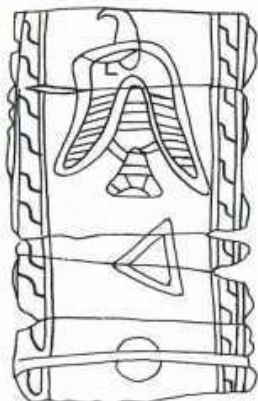
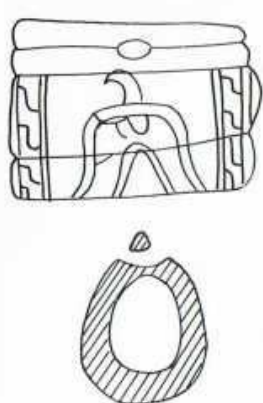
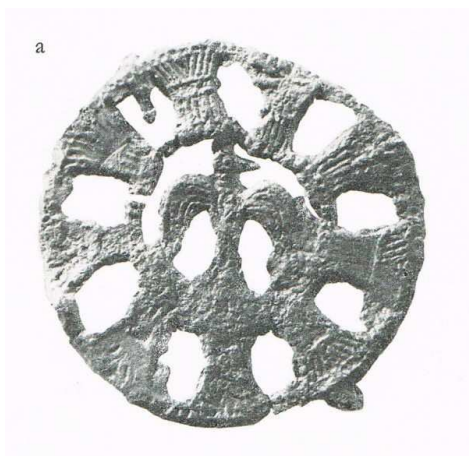

Abb. 382. Wolin. Schuh einer Schwertscheide.

Илл. 19. Наконечник ножен для меча, Волин.
Источник: Witold Hensel: *Die Slawen im frühen Mittelalter*, Berlin, 1965.

Илл. 20. Деревянный амулет, найденный при раскопках храма в Волине.
Источник: Filipowiak, *Wolin Vineta - die tatsächliche Legende vom Untergang und Aufstieg der Stadt*, 1992

Илл. 21. Подвеска из местечка Занцов, возле Деммина, земли чрепнеян.

Интересно, что изображение птицы на подвеске из Занцова (илл. 21) абсолютно идентично форме для отливки предположительно фигурки сокола, найденной в Старой Ладоге в слое X в.:

Илл. 22. Найденная в 2008 г. на Земляном городище Старой Ладогы в слое середины X в. часть литейной формы (ч/б снимок опубликован в Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. *Старая Ладога. Древняя столица Руси*. СПб., 2010. С. 79.)

При этом образ сокола занимает важнейшее место в русской традиции, будучи широко представлен в фольклоре, *Слове о полку Игореве* и т.д. Стилизованное изображение этой хищной птицы в виде «двухзубцев» и «тризубцев» являлось, по всей видимости, ни чем иным, как символом Рюриковичей и, шире, всего «рода русьскаго» (Рапов 1968). Весьма важным является и тот факт, что родовой герб Гедиминовичей, т.н. *колюмны* или *столпы Гедимины*, с одной стороны, напрямую восходит к символу Рюриковичей, а с другой, по мнению В.И. Кулакова, тесно связан со «священной прусской эмблемой» (Кулаков 1996: 54).

Печать кн.
Святослава Игоревича

Сребреник кн.
Владимира
Святославича (X в.)

Печать кн.Ярослава
Владимировича
(XI в.)

Гедиминовичи
«Колюмны»
(известны с XIV в.)

Илл. 23. Предполагаемое символическое изображение сокола на печатях, гербах, монетах

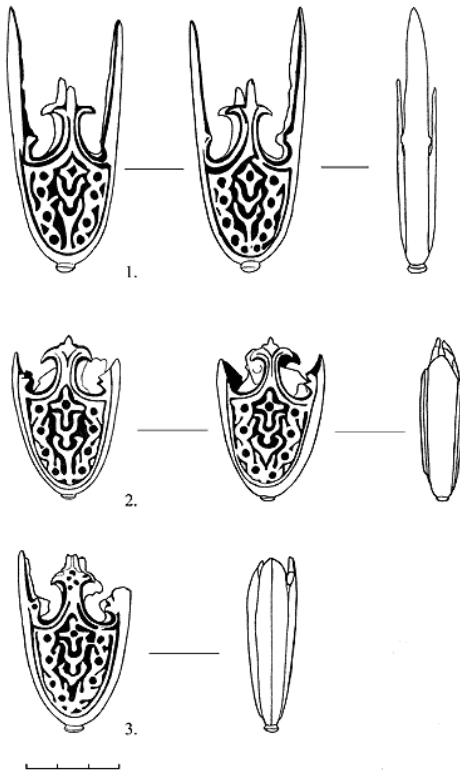
Представляется не случайным, что в восточной Прибалтике обнаружено немало археологических находок с изображением «знака Рюриковичей».

Подвеска, найденная в 2001 г.
на Шейминишкельском городище

«Знаки Рюриковичей»
из Восточной Латвии

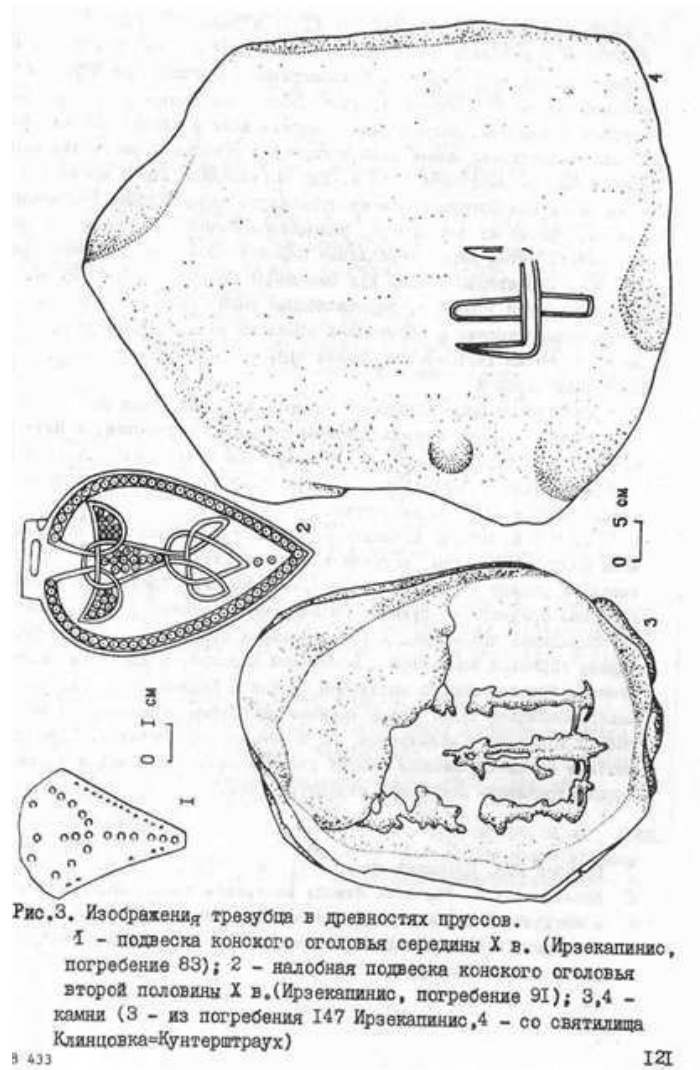
Илл. 24. Археологические находки из восточной Прибалтики с символами Рюриковичей

Илл. 25. Наконечники ножен, найденные на
территории Прибалтики, с символикой
Рюриковичей

Любопытно, что на найденных в указанном регионе наконечниках ножен стилизованный сокол («двузубец») занимает место стандартного для Пруссии и Руси изображения птицы.

Важнейшим является и тот факт, что сокол – символ «рода русского» – достаточно широко представлен в древностях пруссов, причем относящихся к X в. При этом, на конской налобной подвеске «трёзубец» заменяет обычное для этого элемента изображение хищной птицы.

Илл. 26. Изображения тризубцев в древностях пруссов

Вообще, Пруссия была связана интенсивными контактами с Русью, что подтверждается археологическими свидетельствами, данными ономастики и проч. (Кулаков 1987; Кулаков 1996: 52, 54). В частности, в Великом Новгороде были обнаружены жезлы, имевшие у горожан сакральное значение и аналогичные таковым у прусского жречества (Кулаков 1996: 56). Известно также, что в Новгороде была Прусская улица. Связи с Пруссией прослеживаются и в Поднепровье рубежа I и II тыс. н.э. (Кулаков 1996: 52). По мнению В.И. Кулакова, прусские дружинники занимали «видное место в феодальной иерархии Руси» (Кулаков 1987: 120). Действительно, многие знатные русские рода вели свое происхождение «из Прус». Ряд источников, в том числе Степенная книга, выводит «от племени Пруссова» даже Рюрика (Карамзин 1852: 78).

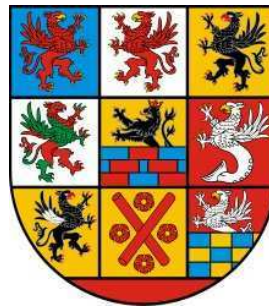
Интересно, что одним из знатных русских родов, выведивших себя «из Прус», были Романовы. Как известно, на их родовом гербе был изображен грифон. Одновременно образ грифона вновь тесным образом связывает остров Рюген с ближайшим Поморьем, восточную Прибалтику и Русь.

Герб герцогов
Мекленбурга

Герб Гриффинов (Грифцов) -
князей и великих герцогов
Померании

Герб Померании,
принятый при герцоге
Богуславе X

Фрагмент деревянной
колонны начала XI в.
из Новгорода

Рис. 94. ГРИФОН И СЕМАРГЛЫ
начала XIII в.
(Суздальские врата)

Грифон на Суздальских
воротах XIII в.

Герб Лифляндской
губернии Российской
Империи

Родовой герб
Романовых

Илл. 27. Изображения грифонов с южнобалтийского побережья, из восточной Прибалтики и Руси

Важно, что Восточная Прибалтика, с одной стороны, находилась под интенсивным прусским влиянием, а с другой, была в зоне интересов Руси. Также известно, что прусская элита принимала активное участие в становлении Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных (Кулаков 1996: 54, 56, 58). Одновременно русский язык был наиболее распространен в ВКЛиР, он же являлся официальным (на нем велась вся документация); существенная часть знати и правящей верхушки была русской по происхождению. Того же Миндова (Миндольфа), основателя княжества, одни источники считают русским по происхождению (ПСРЛ, т. VII 1856: 165), другие называют прусским королем (Великая хроника 1987).

В общем, имеется немалый материал, который может пролить свет на вопрос этнической природы пруссов и объяснить приведенные выше параллели. Помимо этого, существует еще ряд, быть может, не столь значимых, но от этого не менее интересных данных.

К примеру, интересны наименование части прусских земель – *Витланд* и термин крестоносцев для обозначения прусской знати – «*витинги*» (Кулаков 1996: 58). Данное слово – очевидный западноевропейский аналог русского «*витязи*». Показательна также и сама основа «*вит*», широко представленная в ономастике земель в районе Рюгена, Литвы и Руси.

Примечательно наименование, присвоенное прусскими дружинниками основанному ими поселению на Янтарном берегу – *Варген* (*Варгенава*) (Кулаков 1996: 51). Данный топоним перекликается с указанием Степенной книги о связи варягов с Пруссией (Карамзин 1852: 78), а также летописной локализацией варягов: «*По сему же морю (Варяжскому, Балтийскому – прим.) сеять Варязи семо къ вьстоку до предела Симова (Волжская Булгария - прим.), по тому же морю сеять къ западу до земле Агнянски (область Ангельн на Ютландском полуострове, прародина англов - прим.) и до Волошьски (ПСРЛ, Т.I 1926-1928: 4)¹.*

Для осмысления приведенных в статье данных, немаловажным представляется то, что и остров Рюген с близлежащим Поморьем, и Пруссия, и Восточная Прибалтика, судя по письменным источникам и топонимике, оказываются тесным образом связаны с русами. Которых, в свою очередь, обоснованно можно отождествить с народом ругов, а летописную «варяжскую Русь» считать выходцами с южного побережья Балтийского моря и, в частности, с острова Рюген (Кузьмин 1970; Кузьмин 2003; Меркулов 2003; Меркулов 2013; Пауль 2015).

В заключение можно отметить следующее. Зарождение прусского общества и культуры уверенно связывается с нашедшим отражение в письменных и археологических источниках фактом появления на Янтарном берегу в середине I тысячелетия н.э. чужеродного для местного населения народа, пришедшего с запада и привнесшего в рассматриваемый регион собственные принципы власти и организации общества, культурные и религиозные особенности. Многочисленные данные позволяют с изрядной долей вероятности считать прародиной этого этноса и присущих ему культурных черт и традиций земли современной Северной Германии, и, в частности, остров Рюген с близлежащим Поморьем. Также прослеживается очевидная связь указанных регионов с Русью и юго-восточным побережьем Балтики. При этом можно высказать предположение, что связующим звеном между Рюгеном, Пруссией, Восточной Прибалтикой и Русью может являться народ, известный по письменным источникам как руги, руяне, русы. Надеемся, новые научные исследования, в том числе в перспективной области ДНК-генеалогии, позволят пролить свет на происхождение пруссов и их генетические связи.

¹ Обоснование отождествления «*предела Симова*» указанного фрагмента летописи с Волжской Булгарией и «*земли Агнянски*» с областью Ангельн – см.: Кузьмин 2003; Merkulov 2014.

ЛИТЕРАТУРА

- Merkulov 2014 - *Merkulov V.* Ostholstein – die Heimat der altrussischen Waräger. In: Federkiel, 10. Ausgabe, 2014. S. 4-9.
- Афанасьев 1865 - *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Том первый. М., 1865.
- Великая хроника 1987 - Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. М.: МГУ, 1987.
- Гельмольд 1963 - *Гельмольд.* Славянская хроника. М.: АН СССР, 1963.
- Генрих Латвийский 1938 - *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. 2-е издание. Издательство Академии Наук СССР, Москва-Ленинград, 1938.
- Гильфердинг 1874 - *Гильфердинг А.* История балтийских славян. С.-Петербург, 1874.
- Иванова-Бучатская 2006 - *Иванова-Бучатская Ю.В.* Plattes Land: Символы Северной Германии (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречьи Эльбы и Одера). СПб., 2006.
- Карамзин 1852 - *Карамзин Н.М.* Примечания к Истории Государства Российского. Т. 1-3. СПб., 1852.
- Каргер 1958 - *Каргер М.К.* Древний Киев. Т.1. М.-Л. 1958.
- Кузьмин 1970 - *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории, 1970, № 10.
- Кузьмин 2003 - *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. М.: Вече, 2003.
- Кузьмин 2003а - *Кузьмин А.Г.* Два вида руссов в юго-восточной Прибалтике // Сборник Русского исторического общества. Том 8 (156). Антиноманизм. М., 2003.
- Кулаков 1987 - *Кулаков В.И.* Прусы и восточные славяне // Труды V международного конгресса славянской археологии. Ч.III. М., 1987. С.116-124.
- Кулаков 1996 - *Кулаков В.И.* Восточная Пруссия с древнейших времен до конца второй мировой войны. Калининград, 1996.
- Куликаускаене 1953 - *Куликаускаене Р.К.* Погребения с конями у древних литовцев // СА, Т.XVII. М., 1953.
- Куликаускаене 1971 - *Куликаускаене Р.К.* Боевой конь литовского воина. Вильнюс, 1971.
- Меркулов 2003 - *Меркулов В.И.* Варяго-русский вопрос в немецкой историографии первой половины XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Московский педагогический государственный университет. М., 2003.
- Меркулов 2013 - *Меркулов В.И.* Начало Руси по германским источникам (К уточнению научной проблематики) // Русин. Международный исторический журнал. 2013. № 1. С. 42-52.
- Пауль 2015 - *Пауль А.* Роксоланы с острова Рюген: Хроника Николая Маршалка как пример средневековой традиции отождествления рюгенских славян и русских // Исторический формат. 2015. № 1. С. 5-30.
- Пашуто 1959 - *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.
- Петр из Дусбурга 1997 - *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. М., 1997.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу 1939 - Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.- Л., 1939.
- ПСРЛ, Т. I 1926-1928 - Полное собрание русских летописей. Т. I. Ленинград, 1926-1928.
- ПСРЛ, т. VII 1856 - Полное собрание русских летописей. Т. VII. СПб., 1856.
- Рапов 1968 - *Рапов О.М.* Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология, 1968, № 3. С. 62-69.
- Сахаров 1885 - *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. С.-Петербург, 1885.
- Славянские хроники 1996 - Славянские хроники. М.: Глагол, 1996.
- Топоров 1980 - *Топоров В.Н.* Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.
- Фаминцын 1884 - *Фаминцын А.С.* Божества древних славян. С.-Петербург, 1884.
- Якубовский 1946 - *Якубовский А.Ю.* О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX-X вв. // Изв. АН СССР, сер. истор., философ., III, 5. М., 1946.

REFERENCES

- Afanas'ev 1865 - *Afanas'ev A.N.* Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. Tom pervyy [Poetic views on the nature of the Slavs. Volume One]. Moscow, 1865 [in Russian].
- Velikaya khronika 1987 - *Velikaya khronika o Pol'she, Rusi i ikh sosedyakh* [Great Chronicle of Poland, Russia and their neighbors]. Moscow, 1987 [in Russian].
- Helmold 1963 - *Helmold.* Slavyanskaya khronika [Slavic Chronicle]. Moscow, 1963 [in Russian].
- Genrikh Latviyskiy 1938 - *Genrikh Latviyskiy.* Khronika Livonii. Vvedenie, perevod i kommentarii S.A. Anninskogo. 2-e izdanie [Chronicle of Livonia. Introduction, translation and commentary S.A. Anninskogo. 2nd edition]. Moscow-Leningrad, 1938 [in Russian].
- Gilferding 1874 - *Gilferding A.* Istoriya baltiyskikh slavyan [History of the Baltic Slavs]. S.-Petersburg, 1874 [in Russian].
- Ivanova-Buchatskaya 2006 - *Ivanova-Buchatskaya Yu.V.* Plattes Land: Simvol'y Severnoy Germanii (slavyano-germanskiiy etnokul'turnyy sintez v mezhdurech'i El'by i Odera) [Symbols of Northern Germany (Slavic-German ethno-cultural synthesis between the rivers Elbe and Oder)]. S.-Petersburg, 2006 [in Russian].
- Karamzin 1852 - *Karamzin N.M.* Primechaniya k Istorii Gosudarstva Rossiyskogo [Notes on the History of the Russian State]. T. 1-3. S.-Petersburg, 1852 [in Russian].
- Karger 1958 - *Karger M.K.* Drevniy Kiev [Old Kiev]. T. I. Moscow-Leningrad, 1958 [in Russian].
- Kuzmin 1970 - *Kuzmin A.G.* «Varyagi» i «Rus» na Baltiyskom more [«Varangs» and «Rus» in the Baltic Sea] // *Voprosy Istorii* [History questions], 1970, № 10 [in Russian].
- Kuzmin 2003 - *Kuzmin A.G.* Nachalo Rusi [The origin of Rus]. Moscow, 2003 [in Russian].
- Kuzmin 2003a - *Kuzmin A.G.* Dva vida russov v yugo-vostochnoy Pribaltike [Two types of Rus in the south-eastern Baltic region] // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva.* Tom 8 (156). Antinormannizm [Proceedings of the Russian Historical Society. Volume 8 (156). Antinormannizm]. Moscow, 2003 [in Russian].
- Kulakov 1987 - *Kulakov V.I.* Prussy i vostochnye slavyane [Prussians and the eastern Slavs] // *Trudy V mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii.* Ch. III [Proceedings of the V International Congress of Slavic archeology. Volume 3]. Moscow, 1987. S. 116-124 [in Russian].
- Kulakov 1996 - *Kulakov V.I.* Vostochnaya Prussiya s drevneyshikh vremen do kontsa vtoroy mirovoy voyny [East Prussia from ancient times until the end of the Second World War]. Kaliningrad, 1996 [in Russian].
- Kulikauskene 1953 - *Kulikauskene R.K.* Pogrebeniya s konyami u drevnikh litovtsev [Burials with horses in ancient Lithuanians] // *SA* [Soviet archeology], T. XVII. Moscow, 1953 [in Russian].
- Kulikauskene 1971 - *Kulikauskene R.K.* Boevoy kon' litovskogo voina [Warhorse Lithuanian warrior]. Vilnius, 1971 [in Russian].
- Merkulov 2003 - *Merkulov V.I.* Varjago-russkij vopros v nemeckoj istoriografii pervoj poloviny XVIII veka. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Varangian-Russian question in the German historiography of the first half of the 18th eyelid. The abstract of the thesis for competition of an academic degree of the candidate of historical sciences] / *Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet* [Moscow pedagogical state university], Moscow, 2003 [in Russian].
- Merkulov 2013 - *Merkulov V.I.* Nachalo Rusi po germanskim istochnikam (K utochneniju nauchnoj problematiki) [The beginning of Russia in the German sources (Specification of scientific problems)], in: *Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal* [Rusin. International historical magazine], 2013, № 1, pp. 42-52 [in Russian].
- Merkulov 2014 - *Merkulov V.* Ostholstein – die Heimat der altrussischen Waräger [East Holstein as the native country of the early russian Varangian]. In: *Federkiel*, 10. Ausgabe, 2014. S. 4-9 [in German and Russian].
- Paul 2015 - *Paul A.* Roksolany s ostrova Ruegen: Hronika Nikolaja Marshalka kak primer srednevekovoj tradicii otozhdestvleniya rjугenskikh slavyan i russkikh [The Roxolani from Rügen: Nikolaus Marschalk's Chronicle as an example of medieval tradition to associate the Rügen's Slavs with the Slavic Rus], in: *Istoricheskij format* [The Historical format], 2015, № 1, pp. 5-30 [in Russian].

- Pashuto 1959 - *Pashuto V.T. Obrazovanie Litovskogo gosudarstva* [Origin of the Lithuanian State]. Moscow, 1959 [in Russian].
- Petr iz Dusburga 1997 - *Petr iz Dusburga. Khronika zemli Prusskoy* [Peter from Dusburg. Chronicle of Prussian land]. Moscow, 1997 [in Russian].
- Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu 1939 - *Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu* [Journey of Ibn Fadlan on the Volga]. Moscow-Leningrad, 1939 [in Russian].
- PSRL T. I 1926-1928 - *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [A complete collection of Russian chronicles]. T. I. Leningrad, 1926-1928 [in Russian].
- PSRL T. VII 1856 - *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [A complete collection of Russian chronicles]. T. VII. SPb., 1856 [in Russian].
- Rapov 1968 - *Rapov O.M. Znaki Ryurikovichy i simvol sokola* [Signs of Rurik and a symbol Falcon] // *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1968, № 3. P. 62-69. [in Russian].
- Sakharov 1885 - *Sakharov I.P. Skazaniya russkago naroda* [Legends of the Russian people]. S.-Petersburg, 1885 [in Russian].
- Slavyanskije khroniki 1996 - *Slavyanskije khroniki* [Slavic Chronicle]. Moscow, 1996 [in Russian].
- Toporov 1980 - *Toporov V.N. Vilnius, Wilno, Vilna: gorod i mif* [Vilnius, Wilno, Vilna: the city and the myth] // *Balto-slavyanskije etnoyazykovye kontakty* [Balto-Slavic ethno-linguistic contacts]. Moscow, 1980 [in Russian].
- Famintsyn 1884 - *Famintsyn A.S. Bozhestva drevnikh slavyan* [Deity of the ancient Slavs]. S.-Petersburg, 1884 [in Russian].
- Yakubovskiy 1946 - *Yakubovskiy A.Yu. O russko-khazarских i russko-kavkazских otnosheniyakh v IX-X vv.* [About Russian-Khazar and Russian-Caucasian relations in the IX-X centuries] / *Izv. AN SSSR, ser. istor., filosof.* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR, the series history, philosophy], III, 5. Moscow, 1946 [in Russian].

Колтырин Сергей Анатольевич – Общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Москва, Россия).
Koltyrin Sergey – Public and scientific project
«The Russian-German Historical Seminar» (Moscow, Russia).
E-mail: mail@histformat.com

УДК 930.24;94(47).072.5

ХРОНОЛОГИЯ ШЕВАРДИНСКОГО БОЯ

В.П. Ануфриев

Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: vadimanufrief@yandex.ru

Авторское резюме

В статье восстанавливается хронология Шевардинского боя, споры вокруг которого, как и о Бородинском сражении в целом, вызваны использованием авторами разного времени (парижского и местного московского) в трактовке одних и тех же событий. Игнорирование исследователями этого обстоятельства часто приводит к искажению реальной картины сражения. Поэтому краткий ход Шевардинского боя в статье даётся с указанием одновременно как парижского, так и московского времени.

Ключевые слова: Шевардинский бой, хронология.

CHRONOLOGY OF THE BATTLE OF SHEVARDINO

Vadim Anufriev

Abstract

The author provides the chronology of the Battle of Shevardino, controversy over which, as well as over the Battle of Borodino in general, is caused by the fact that some historians, attempting to establish the chronology of the battle, use Moscow's time, while others – Paris' time in their interpretation of the same events. Ignoring the time zone difference, researchers often distort the real picture of the battlefield. The author provides a succinct chronology of the Battle of Shevardino indicating the order of events in time according to both the Paris' and Moscow's time zones.

Keywords: battle of Shevardino, chronology.

* * *

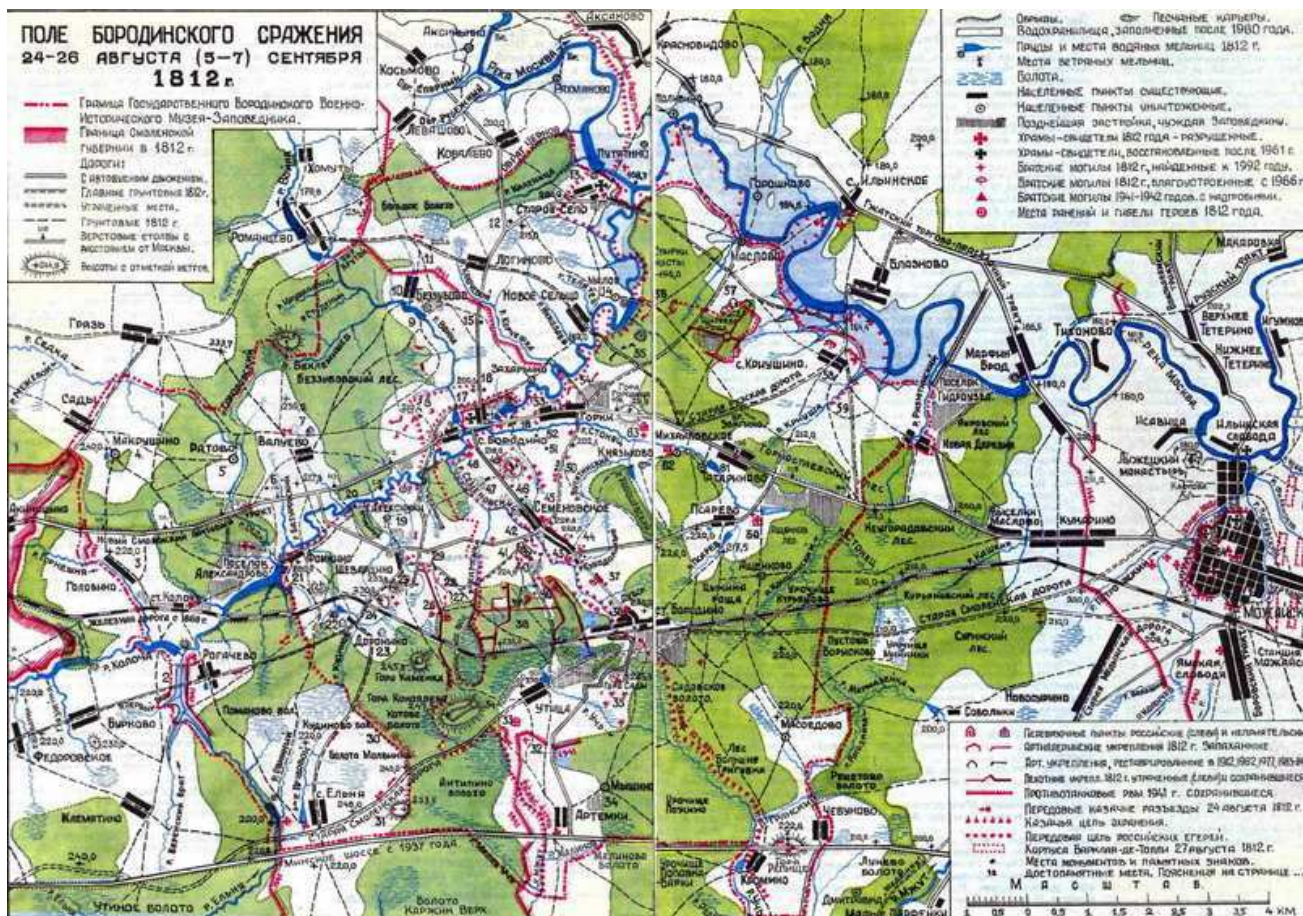
Проблемы, возникающие при изучении Бородинского сражения, вызваны в основном отсутствием правильной и единой хронологии, что обусловлено разницей местного времени в Москве, которое приводят многие отечественные мемуаристы и историки сражения, и парижского (европейского) времени, которым оперировали французские источники и официальные российские документы. Эта разница тогда, как и сейчас, составляет ровно 2 часа¹.

¹ В условиях отсутствия единой стандартизации времени, принятой лишь в конце XIX в., не только отдельные государства, но каждый город жил своим местным временем, соответствующим астрономическому в данной местности. Но если эта разница между европейскими городами была малозаметной, что и позволило позднее ввести здесь единое средневропейское время, то по сравнению с Москвой она составляла 2 часа. Это стало очевидным после открытия Царскосельского (Витебского) вокзала в 1838 г. и введения Петербургского (железнодорожного) времени в первой половине XIX в. Именно после этого появилось большое число исследований об Отечественной войне 1812 года. Многие участники и историки сражения использовали одновременно оба варианта времени без оглядки на их разницу, что приводило к искажению реальной картины сражения, домыслам и ненужным раздорам. Достаточно вспомнить споры о времени ранения Багратиона.

Наглядным подтверждением тому служит факт, что даже в конце XIX в. (в ходе официального признания временных поясов и введением нулевого меридиана по Гринвичу), касаясь войны 1812 г., М.Т. Селезнёв пишет, что согласно свидетельству современника, *«солнце всходило тогда в 5 часов утра, а заходило около 7 часов вечера»* (Селезнёв 1890: 54). Но тогда, в 1812 г., как и сегодня, солнце всходило около 7 часов утра (в 6 ч. 42 мин. на 05.09.2013 г., а гражданские сумерки заканчиваются в 6 ч. 07 мин.), а заходило – в 9-м часу вечера (20 ч. 12 мин. в 2013 г., а гражданские сумерки начинаются – в 20 ч. 46 мин.) по московскому времени. И это время действительно соответствует 5 утра и 19 часам, но парижского времени, по которому тогда и жила армия Наполеона, а сегодня живёт вся Западная Европа. Отсюда и разночтения, в основном, между русскими и французскими источниками, которые мы встречаем при описании Бородинского сражения, начиная с Шевардинского боя. С него, пожалуй, и начнём восстановление хронологии сражения с указанием, где это не вызывает сомнений, как парижского, так и московского времени.

24 августа (5 сентября) 1812 г. Е. Богарне *«на заре»* (Россия 1991: 125, здесь и далее выделено мной – В.А.) выступил в поход, и пройдя несколько деревень вышел к правому флангу арьергарда и всей русской армии со стороны д. Беззубово, после чего повернул к югу навстречу Мюрату, который на рассвете атаковал арьергард Коновницына. Разные источники называют время этой атаки то 4, то 6 часами утра, что не создаёт противоречий, если согласиться с тем, что атака Мюрата на авангард Коновницына началась в 4 часа утра по парижскому времени, соответствующим 6 часам московского. Тогда был атакован центральный отряд авангарда непосредственно Коновницына. Вюртембергский лейтенант Х. Флейшман вспоминал: *«Неприятель (Коновницын – В.А.) вновь выбрал очень хорошую позицию. На левом фланге его артиллерия упиралась в пространное здание монастыря, который был прочно занят пешими егерями. Правый фланг был прикрыт многочисленной кавалерией. Мы сняли орудия с передков, и начали такой огонь, будто разверзлась преисподняя. Около четверти часа русские выдерживали испытание, затем они весьма поспешно отступили»* (Попов 2008: 6). *«Егерский отряд генерал-лейтенанта Коновницына, который ясно видел полную невозможность не только удержать, но и задержать временно противника, начал отступать **ранним утром** от Колоцкого монастыря по новой Смоленской дороге к селу Бородино»* (Поликарпов 1913: 473).

Коновницын, как сообщает ставший свидетелем и участником этого боя Д. Давыдов, *«отослал назад пехоту с тяжелою артиллерией и требовал умножения кавалерии»* (Давыдов 1987: 15). Пеле пишет, что Коновницын *«отступил на возвышенность, находящуюся позади Валуева, и на Алексинские высоты»* (Пеле 2001: 58-59). Именно у Валуева атакующий 11-й голландский полк гусар 9-й легкой кавалерийской бригады генерала П. Мурье, переданной Мюрату из корпуса Нея, встретил Изюмский гусарский полк из 2-го кавалерийского корпуса и три казачьих полка 1-й бригады подполковника М.Г. Власова-3-го. Об этой «встрече» Коновницын рапортует: *«В атаке, произведенной вторым батальоном Изюмского гусарского полка и казаками **поутру** (выделено мной – В.А.) 24-го числа августа незадолго до вступления арьергарда в позицию армии, три французские эскадрона были совершенно уничтожены»* (Бородино 2004: 238).

Об этом эпизоде упоминается и Толем в несостоявшемся донесении М.И. Кутузова Александру I: «В сей день арьергард наш имел дело с неприятельской кавалерией и одержал поверхность. Изюмской гусарской полк с некоторым числом казаков атаковал сильно французскую кавалерию, где три эскадрона оной были истреблены» (Бородино 2004: 327). Но при этом за этот бой не был никто награждён. Наградные документы, оформленные в этот день приказом по 1-й армии (Изюмскому полку по четыре ордена Св. Георгия на эскадрон, Донскому полку Власова-3-го по три на сотню) касались сражения 27 июля (Бородино 2004: 91). Объяснение этому существует только одно. В стратегическом плане этот бой за д. Валуево нельзя признать успешным для русских, и закончился он поспешным отступлением Коновницына, на плечах которого французы вышли к Бородинской позиции.

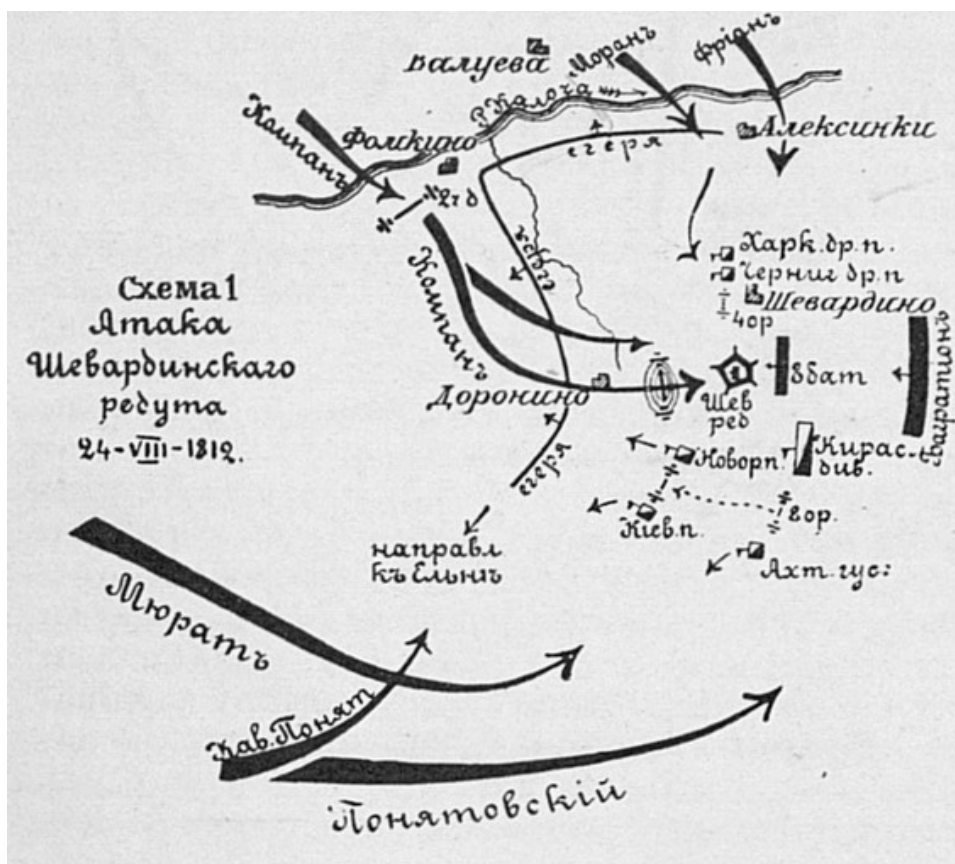
Командир Лейб-Егерского полка К.И. Бистром сообщает о своём содействии переправе без потерь Коновницына и отличившихся изюмских гусар. В этом ему помогали гусары Елизаветградского полка полковника Г.А. Шостакова, направленного сюда Барклаем в поддержку гвардейских егерей. Сообщая об этом, Барклай-де Толли в рапорте Кутузову пишет: «24-го **пополудни** войски вверенной мне армии, находящиеся в арьергарде, будучи сильно преследованы неприятелем, отступили в позицию и присоединились к своим корпусам. Переправа их через Москву реку (Колочу – В.А.) была обеспечена Лейб-гвардии Егерским полком, занявшим деревню Бородино, и батарею на правом берегу сей реки устроенную» (Бородино 2004: 249). Из этого можно сделать вывод, что русская артиллерия ушла с левого берега Колочи, где были созданы укрепленные позиции (Бородинский редут и пехотное укрепление, о

котором сообщает В. Хлёткин), сразу за аррьергардом, под прикрытием гвардейских егерей и гусар. Коновницын ничего не знает о действиях гвардейских егерей и гусар, так как *«должен был, наконец, вступить рано в позицию»*, перейдя Колочу по мосту у Бородина и через броды. Служивший в 1-м кавалерийском корпусе Ф.Я. Миркович, куда входил Елизаветградский полк, называет время, когда им приказали седлать коней в связи с подходом неприятеля 11-ю часами дня (Миркович 1888: 230). Отсюда вытекает вывод, что переход Коновницыным Колочи имел место между 11 (13) и 12 (14) часами, что подтверждает рапорт Барклая, использовавшего европейское время.

Вероятно, в поспешность отхода Коновницына в расположение армии свой вклад внесло также появление на его правом (северном) фланге 4-го французского корпуса вице-короля Евгения Богарне, который, как информирует инженер-капитан 4-го корпуса Лабом, остановился у Валуева, от которого отступил русский аррьергард. Здесь он простоял в бездействии до второго часа пополудни, пока не прибыл император, в то время *«как центр армии усердно преследовал неприятеля и принуждал его отступать на возвышенность, где он окапался»* (Россия 1991: 127). Причиной остановки Е. Богарне, очевидно, и стало вступление в бой русских гвардейских егерей и елизаветградских гусар, содействовавших переправе через Колочу своего аррьергарда. Но, отступая, Коновницын не сделал никаких распоряжений относительно южного аррьергардного отряда генерала графа Сиверса 1-го, который был извещён о приближении противника (5-го корпуса Понятовского), как он сам о том рапортует, от казаков Карпова, фактически являвшихся его дозорными. Вследствие этого в 6 ½ часов утра 24 августа Сиверс *«с бивака по Ельнинской дороге»*, запрашивал Багратиона о месте своей кавалерии в общей позиции (Поликарпов 1913: 473). Он не стал принимать серьёзного боя в этот день и, прикрываясь фланкерами, уже в первой половине дня благополучно отступил к Шевардину. Там его отряд влился в «авангардный корпус» генерал-лейтенанта князя А.И. Горчакова-2-го, защищавший также Шевардинский редут, который, насколько позволяла твёрдость грунта, был *«24-го к исходу 1-го часа окончен»* (Богданов 728).

Казачьи отряды Карпова заняли позиции по обе стороны Кудинова болота на флангах егерей 3-й бригады полковника Ф.Г. Гогеля-1-го (5-й и 42-й егерские полки), которая показана на опушке Утицкого леса под цифрой 30 на плане Н. Иванова «Достопримечательные места поля Бородинского» (Иванов 1992: 56-58). На укрепление этой бригады был отправлен 50-ый егерский полк 27-й дивизии Неверовского из 27 дивизии. Время этого события позволяют уточнить воспоминания капитана Н.И. Андреева, служившего батальонным адъютантом в этом полку, расположившемся в районе Центральной батареи (кургана). Сюда со стороны Новой Смоленской дороги долетали ядра артиллерии 4-го корпуса Евгения Богарне, которая своим огнём поддержала ещё только готовящееся в это время форсирование Колочи 5-й дивизией Компана. И хотя они предназначались для егерей полковника А.С. Глебова (6-й и 41-й егерские полки) из 12-й пехотной дивизии, державших оборону вдоль реки Колочи от Фомкино до Алексинок, и не могли на излёте представлять большой угрозы, но вызвали панику в рядах необстрелянных ополченцев и обывателей. *«Привезенный провиант и вино («хлебное», то есть водка – прим. ред.) были разобраны, - свидетельствует Андреев, - но много вина*

еще оставалось, как неприятель начал посылать к нам из орудий большие круглые гостинцы. Вино привозили обыватели, которые плакали, чтобы я их отпустил скорее и при каждом выстреле наклоняли головы свои. Я спросил у полковника, куда девать вино, его много. Он велел дать по другой чарке людям, а остальные бочки разбить, чтобы не перепились люди. Я исполнил и велел обручи рубить. Вино потекло, полилось, как 26-го числа кровь людей. Крестьяне, бросив телеги, а другие лошадей своих, бросились бежать. Это было 24 Августа в 2 часа пополудни..., не успели наши закусить, как баталион наш пошел в стрелки, а 3-я гренадерская рота продвинулась от полка вперед, но стали возле опушки леса (Утицкого – В.А), где и я был» (Андреев 1879: 190-191). Трудно заподозрить отнюдь не аристократа Андреева в том, что он указал парижское время. А значит, русские егеря пошли в стрелки в полдень по европейскому времени.

Причиной вступления в бой егерей 50-го полка стало наступление 5-го польского корпуса Понятовского. Служивший в штабе этого корпуса К-И-Е. Колачковский сообщает: «5 сентября (24 августа – В.А.) 5 корпус следовал Старой Смоленской дорогой через Ельню в одной колонне, имея конницу впереди. Часа в 2 ординарец императора сообщил князю Понятовскому, что русская армия расположена на позиции в нескольких верстах и что дело должно в тот же день дойти до боя. Князь Понятовский тотчас же сделал соответствующие распоряжения. 5 корпус оставил Старую Смоленскую дорогу и повернул влево, направляясь к Великой армии наискосок через равнину, перерезанную перелесками и зарослями» (Записки генерала Колачковского 1911: 34-35). Колачковский использует московское время, так как после войны перешёл на

службу Российской империи и опубликовал свои мемуары на русском языке после установления временных поясов¹.

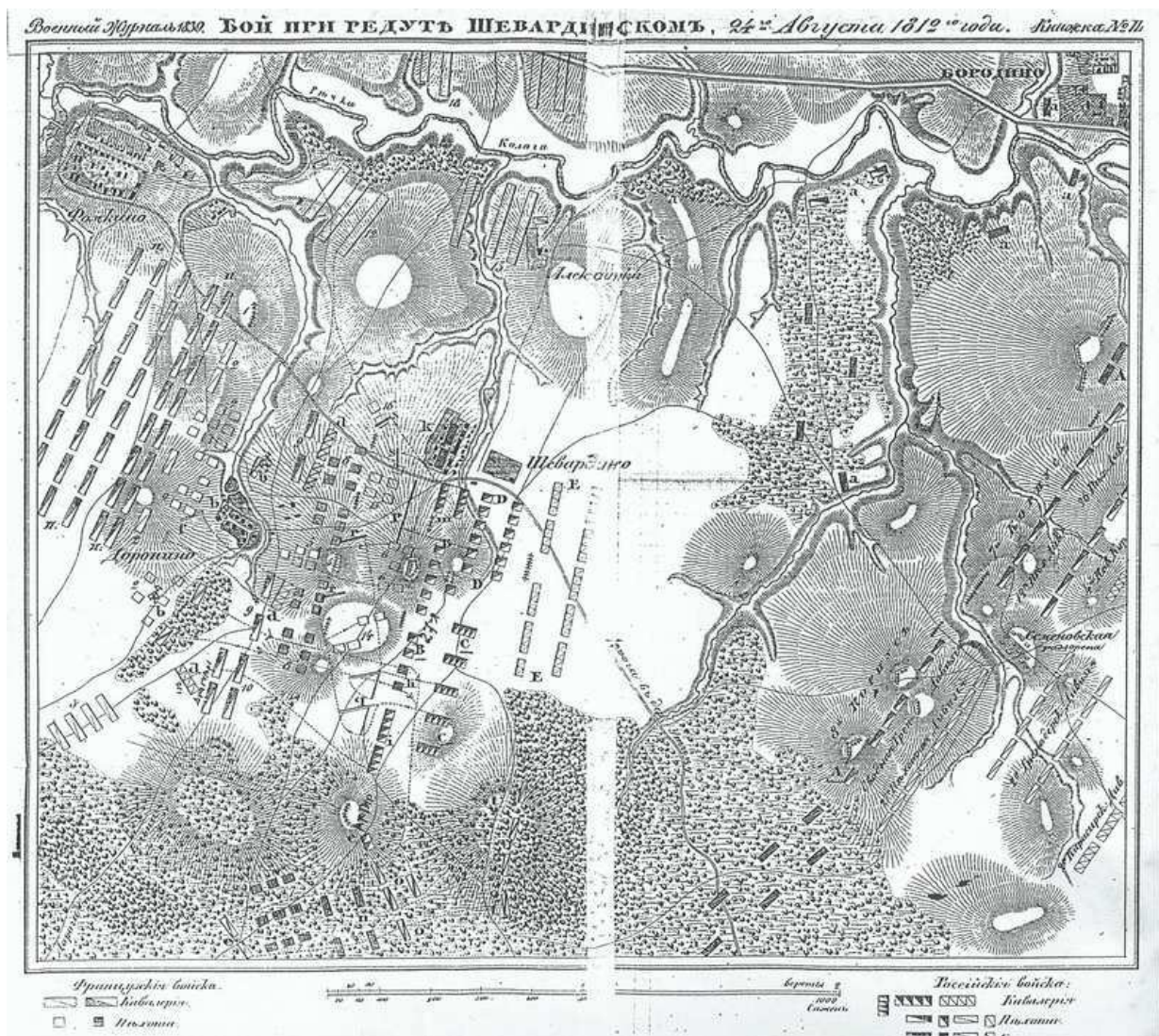
50-й егерский полк полковника Н.Г. Назимова был послан на смену отступивших перед польской кавалерией казаков Карпова, которые уступили противнику значительную территорию (см. карту Н. Иванова). А после 14 (16) часов они вообще исчезают с поля боя, где их не находит ни один исследователь (вероятно уже тогда они ушли к д. Утица). Назимов занял *«деревню (Доронино – В.А.) и лес (Утицкий – В.А.)»* впереди батарей для установления связи своего правого фланга с 5-м егерским полком. Это и были те егеря, *«которые крепко засели в густых зарослях»* и с которыми начали перестрелку наступавшие батальоны 18-й польской дивизии². Упорство русских егерей стало возможным благодаря драгунам Киевского полка, которые первыми пошли в атаку, согласно рапорту командира 4-го кавалерийского корпуса Сиверса Кутузову (Бородино 2004: 252). Окончание этой атаки Колачковский описывает так: *«Навстречу нам попало несколько неприятельских эскадронов. Встреченные с нашей стороны несколькими пушечными выстрелами, они повернули назад на всём скаку и прошли перед нашим фронтом»* (Записки генерала Колачковского 1911: 35).

После этого поляки 16-го пехотного полка князя Чарторыйского начали бой с егерями Назимова за имевшую большое значение гору Каменку, располагавшуюся юго-восточнее д. Доронино (высота 245,8 на карте Н. Иванова). Бой носил упорный характер, высота переходила из одних рук в другие, о чём свидетельствуют наградные документы на русских офицеров 50-го егерского полка, и продолжался он довольно длительное время. *«Стрелки наши были в лесу часа три, – продолжает Андреев, – Тогда неприятели, правее нас, стали показываться колоннами на поле»* (Андреев 1879: 191). Высоту русские вынуждены были оставить после 14 (16) часов, с переходом в наступление Е. Богарне с севера и Компана с запада на позиции 2-й армии Багратиона. *«Было два часа дня, – вспоминает Ложье, – Одни авангарды медленно подвигались. Итальянская армия остановилась и выстроила свои батальоны колоннами на нескольких возвышенностях. Вице-король после прогулки некоторое время прохаживался по террасе господского дома, а затем направился к авангарду, сопровождаемый гвардейскими драгунами, между которыми было и несколько стрелков; он обозревал русские позиции. Только что он прибыл туда, как подъехал император; они долго беседовали вместе, рассматривая окрестность. Затем, сделав необходимые распоряжения, император ускакал галопом, чтобы присоединиться к корпусу, с которым он шел. Вице-король, не покидая занятого им холма, разослал своих адъютантов с приказаниями снова продолжать движение»* (Россия 1991: 126).

¹ В пользу этого свидетельствует и упоминаемое им время начала артиллерийской подготовки в Бородинском сражении 7 часами утра, хотя она началось с восходом солнца в 5 часов по европейскому времени.

² Расположение 50-го егерского полка чётко локализуется западным подножием высоты 247,5 за Котовым болотом и сохранившимся до наших дней егерским ретраншементом (значится на карте Н. Иванова под № 26), где 24 августа находился русский перевязочный пункт, а позднее братская могила русских воинов, погибших при Шевардине. Там же этих егерей (без указания полка) локализует карта 1911 г. «Сражения 24 августа при дер. Доронино и дер. Шевардино» Фёдорова и Лукьянова к 100-летию юбилею Бородинской битвы. Но это более чем на 2 км северо-восточнее того места, где мы последний раз видим казаков Карпова на Старой Смоленской дороге (высоты 240,0 и 253,6 на карте Н. Иванова).

Этот манёвр Богарне позволило около 14 (16) часов двум батальонам сводных вольтижеров под командованием Дюшена из дивизии Компана, взять без боя деревню Фомкино, предварительно вытеснив русских егерей Глебова из леса к югу от Новой Смоленской дороги. Впереди этой деревни Компан установил сильную артиллерийскую батарею из доставленных с его авангардом дивизионных орудий. Так начался непосредственно Шевардинский бой, основные события которого происходили в районе деревень Доронино и Шевардино. Этот разгоревшийся бой затмил собой арьергардный бой за позиции у села Бородино, которые обороняли гвардейские егеря и гусары Елизаветградского полка от войск 4-го французского (итальянского) корпуса. Наполеон сообщает в своём 18 бюллетене: «В два часа пополудни мы обнаружили русских, расположившихся правым флангом на Москве-реке, левым — на высотах левого берега реки Колоць. В 1200 туазах (более 2-х км – В.А) впереди левого фланга неприятель начал укреплять прекрасную высоту между двумя лесами, где разместилось 9 или 10 тыс. человек. Император разведав это, решил, не теряя времени, взять эту позицию. Были отданы приказы Неаполитанскому королю переправиться через р. Колоть вместе с дивизией Компана и кавалерией. Принц Понятовский, шедший справа, мог обойти позицию...» (Маркхэм 2003).

Поляки, закрепившись на Каменке, установили на ней батарею из 24 орудий своей артиллерии Пелетье, которая показана на плане «Боя при редуте Шевардинском», помещённом в «Военном журнале» 1839 г. Она начала дуэль с русской артиллерией. Колачковский свидетельствует: «С обеих сторон завязался самый оживленный бой с заметным перевесом русской артиллерии, которая, занимая более выгодное расположение, осыпала польские линии градом снарядов. По истечении получасового боя позиция польской батареи была устлана людьми и лошадьми» (Записки генерала Колачковского 1911: 35). Несмотря на большие потери от русского огня, батарея Пелетье выполнила возложенную на неё задачу прикрытия организации польской атаки.

С учётом получасовой артиллерийской дуэли, атака поляков в направлении д. Доронино и Доронинского кургана с юго-запада началась ближе к 15 (17) часам. Против поляков на поддержку и замену 50-го егерского полка А.И. Горчаков бросает в бой Тарнопольский полк 1-й бригады 27-й дивизии. Полк «пошел колонной в атаку с музыкой и песнями», что так поразило Н.И. Андреева, полк которого стал выводиться из боя (Андреев 1879: 191). В это время 1-й батальон 57-го французского полка 5-й дивизии Компана, поддерживая поляков с северо-запада, атаковал через д. Доронино, прилегающую к нему рощу и Доронинский курган, находящийся в 250 метрах северо-восточнее деревни, как это показано на карте музея-панорамы и схеме 1 из «Военной энциклопедии» 1911 г. Находившиеся здесь основная часть 50-го и прикрывавший деревню с курганом 5-й егерские полки, оказавшись частично отрезанными, и неся тяжёлые потери, начала отступление. Отошёл в Утицкий лес после своей атаки и Тарнопольский полк.

Н.П. Поликарпов утверждает, что «ввиду тяжелого положения, сложившегося на участке 5-го егерского полка Главнокомандующий (Багратион. - В. А.) вынужден был послать адъютанта егерской бригады 26 пехотной дивизии, капитана 5-го егерского полка Сосновского, привести Фанагорийский гренадерский полк на смену 5-го егерского полка». Этот полк, посланный «для выгнания засевшего неприятеля в деревушке (Доронино – В.А.), имевшейся на левом фланге», что подтверждено и наградными документами, первым из 2-й гренадерской дивизии вступил в бой, очевидно, до 16 (18) часов (Поликарпов 1913: 483)¹. Но и он вскоре вынужден был укрыться в Утицком лесу, где показан на появившейся к 100-летнему юбилею карте 1911 г. «Сражения 24 августа при дер. Доронино и дер. Шевардино» Фёдорова и Лукьянова, вместе с Тарнопольским полком. Причиной их отхода стало вступление в бой основных сил дивизии Компана, которые форсировали Колочу и атаковали в направлении д. Доронино, через которую повернули на Доронинский курган. «Дабы подкрепить наших егерей из лесу и деревни уже отступающих» Сиверс приказал Новороссийскому драгунскому полку атаковать (Бородино 2004: 252). Эта успешно начатая атака пришлась на вольтижеров и второй эшелон 1-й батальон 57-го полка. Но французам поддержала 1-я легкая кавалерийская дивизия Брюйера. В конечном итоге атака

¹ В пользу этого времени свидетельствует тот факт, что Горчаков не называет этот полк в числе подчинявшихся ему по той простой причине, что к тому моменту, когда французы достигли редута, а это произошло после 16 (18) часов, его уже не было с остальными полками дивизии.

Новороссийского драгунского полка свелась к прикрытию эвакуации с Доронинского кургана 9-й конной артиллерийской рота Паркенсона, понёсшей большие потери (в том числе пленными), после чего новороссийские кавалеристы отошли вместе с егерями в лес между деревнями Шевардино и Утица.

Находившиеся ранее в прикрытии батареи Паркенсона два эскадрона ахтырских гусар, брошенные на помощь своим егерям и Тарнопольскому полку, были задействованы для нейтрализации атаки Понятовского, что успешно и сделали. Эта атака имела место после 15 часов (17 по московскому времени), если верить Андрееву, полк которого был в бою с полудня до 15 часов (с 14 до 17 часа по Москве). Они остудили наступательный пыл польской кавалерии, но, в конце концов, понеся серьёзные потери, были отбиты польской пехотой, что позволило четырнадцати ротам польских вольтижеров во главе с М. Рыбинским совместно с 15-м пехотным польским полком перейти в контратаку. Русская пехота, занимавшая холм и маленький лесок метрах в 500 к востоку от Шевардинского редута, отошла.

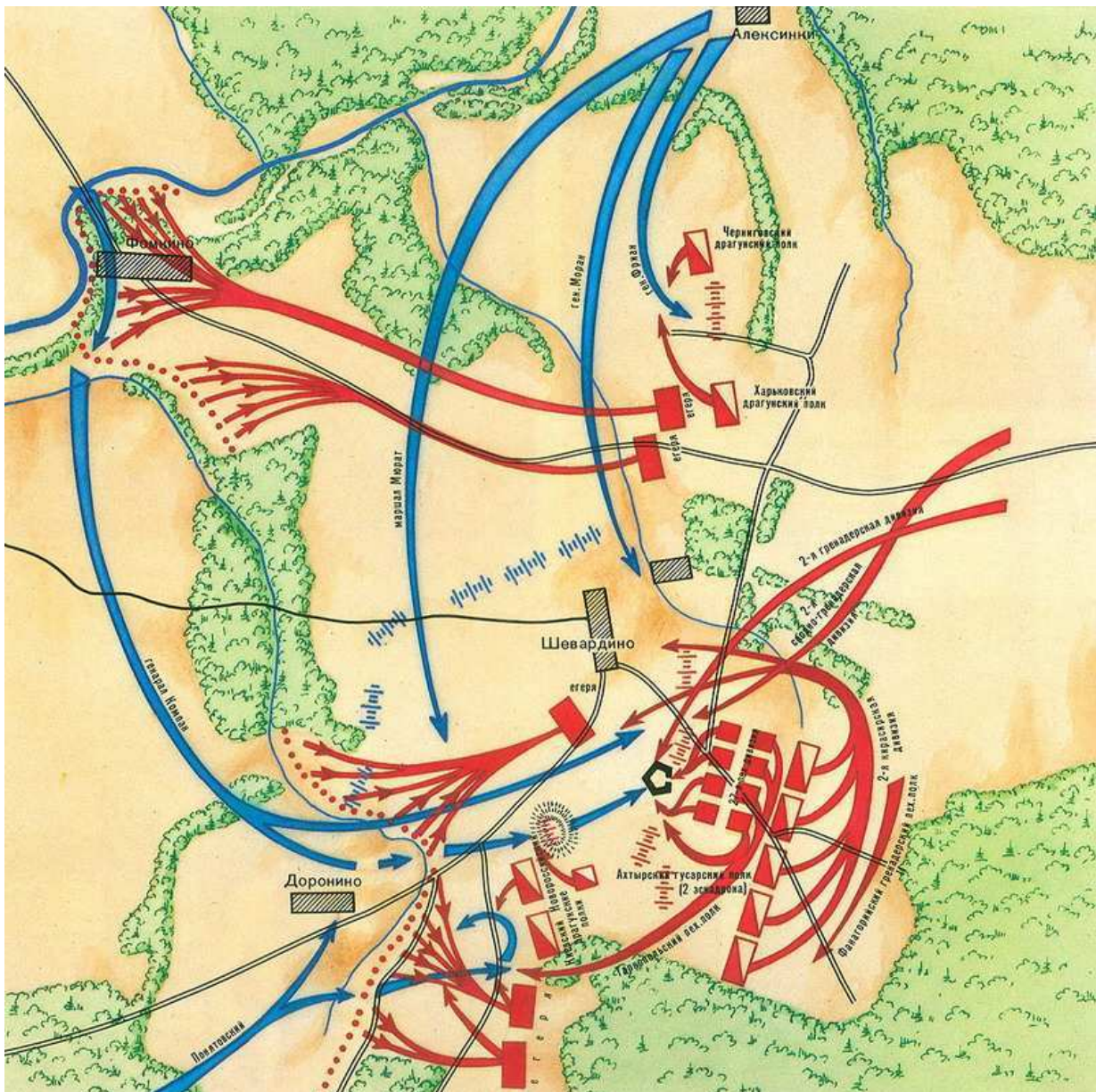
Это, несомненно, облегчило Компану, установившему артиллерийскую батарею на занятом им Доронинском кургане, штурм Шевардинского редута, продолжавшийся с 16 (18) до 17 (19) часов. Об этом говорит Наполеон в 18 бюллетене: *«В четыре часа (в 18 по Москве) началась атака. Через час редут противника был захвачен вместе с пушками; корпус противника, вытеснен из леса и обращен в бегство, он оставил треть своего состава на поле боя. В семь вечера огонь прекратился»* (Маркхэм 2003: 189-199). На это время начала боя, наряду с другими многочисленными свидетельствами, указывает и К.Ф. Толь от имени М.И. Кутузов в несостоявшемся донесении Александру I, правда, искажая истинный ход событий¹. *«Августа 24-го числа пополудни в 4 часа, – пишет Толь, – арьергард наш был атакован при Колоцком монастыре французами. Превосходные силы неприятеля принудили отступить оной к позиции, близ Бородина находящейся, где войска были уже устроены в боевой порядок»* (Бородино 2004: 327).

Бой непосредственно за Шевардинский редут, кроме 27-й дивизии, прикрывавшей его, вели четыре батальона из восьми (номинально 11) 2-й сводно-гренадёрской дивизии графа М.С. Воронцова, которые *«потеряли там довольно много народу»* (Харкевич 1900: 200-204). Они были посланы от Семёновских флешей на поддержку 27 дивизии, вероятно тогда, когда наша пехота и артиллерия начали отступать не только от Доронинского кургана, но и, возможно, от Шевардинского редута, которое было остановлено Левенштерном, как он сам о том рапортует Кутузову (Бородино 2004: 273-274). Но ненадолго. В редут около 17 (19) часов вошли части 61-го полка при поддержке других полков 5-й дивизии, а также лёгкой кавалерии Брюйера, которая, по свидетельству Тириона, *«не переставала производить свои многочисленные атаки во фланг и по обе стороны редута, пока его не очистили русские, и он не остался в наших руках»* (Колюбакин 1912: 11).

После этого, около 18 (20) часов на поддержку Компана были посланы Наполеоном 1-я Морана и 2-я Фриана дивизии с севера. Уже смеркалось, на что обратил внимание начальник артиллерии 3-го кавалерийского корпуса полковник

¹ Из-за чего, вероятно, это донесение и не было отослано царю.

Гриуа: «Прекрасное зрелище представляли наши войска в своем одушевлении. Ясное небо, лучи заходящего солнца, отражавшиеся на саблях и ружьях, увеличивали красоту его. Остальная армия следила со своих позиций за двигающимися войсками, гордившимися тем, что им на долю выпала честь открыть сражение; она провожала их криками одобрения. Рассуждения о способах атаки и возможных препятствиях пересыпались военными остротами. И все справедливо полагали, что неприятель отступит перед такими войсками; должно быть, и император был убежден в этом, если попытался в такой поздний час идти на приступ против сильной позиции, которой неприятель, видимо, дорожил, т.к. взятие ее открывало его левый фланг» (Французы 1912: 118).

Фриан приказал барону де Чюди со 2-м и 3-м батальонами его Испанского полка идти к д. Шевардино, чтобы сблизиться с Компаном. Чюди прибыл к северной окраине деревни в тот момент, когда русские драгуны бригады Панчулидзева-1-го, в которую входил Черниговский и Харьковский драгунские полки, атаковали части 111-го полка дивизии Компана. Шеф Черниговского полка

Панчулидзева-1-й рапортовал 4 сентября командующему кавалерией 2-й армии Д.В. Голицыну: *«Ваше сиятельство изволили установить сами Черниговский драг. полк при батарее, на которой находился г. г.-л. кн. Горчаков, - гласил этот рапорт, - примыкая к оной левым флангом чрез весь день полк подвержен был не только сильному пушечному, но и ружейному огню, а потом во время атаки Кирасирских полков, оный пошел им на подкрепление и, проходя мимо пешей неприятельской колонны с стремлением ударил на оную, более 300 человек неприятеля легло на месте, а 2 орудия, находившиеся при колонне, взяты были полком, но как сильный отряд неприятельской кавалерии приблизился на подкрепление, то Всемилостивейше вверенный мне Черниговский драг. полк принужден был ретироваться назад. За скоростию и неимением подводным орудиям лошадей, принужден был оное оставить, а другое с 3 лошадьми отдано под квитанцию г. коменданта 2-й Западной армии Ладожского пех. полка майора Орженского...»* (Бородино 2004: 177-178).

Вероятно, продолжением повествования об этой атаке, является рапорт командира Харьковского драгунского полка полковника Д.М. Юзефовича Панчудидзеву от 10 сентября 1812 года. *«В седьмом часу вечера, – гласит этот рапорт, – когда две неприятельские колонны показались на высоте горевшей деревни (Шевардино – В.А.) и начали уже огнем своим вредить нашей кавалерии, тогда полк, по данному повелению, атаковал оные – одну из них уничтожил, другую обратил в бегство и взял конное неприятельское орудие с картечным зарядом, не дав ему выстрелить»* (Бородино 2004: 218). Время Юзефовичем указано европейское, так как в 17-м часу, если признать это время московским, драгуны в бой ещё не вступали. Колоннами, о которой говорится в рапорте, и были части 1-й и/или 2-й французской дивизии, появившиеся у деревни не ранее 18 (20) часов, что подтверждает время вступления в бой харьковских драгун в 19-м (21-м) часу.

О том же свидетельствует упоминаемый в рапорте пожар в Шевардино, имевший место около 19 (21) часа, освещавший поле боя после захода солнца. По существующей традиции в рапортах не принято было говорить о неудачах. О них мы узнаем из источников противника, подтверждённых косвенными данными. И в этом случае мы имеем ту же картину при завершении этой успешно начатой атаки. Де Чуди приказал своим батальонам образовать каре, а вперед «в качестве приманки» он отправил роту вольтижеров, которая и «заманила» драгун в засаду, под огонь подготовившихся к этой встрече батальонов. Чуди констатирует: *«Кавалерия отступила в беспорядке, потеряв перед строем каре десяток убитыми, между которыми был командовавший ими начальник, и большое количество раненых людей и лошадей; батальоны не потеряли ни единого человека»* (Земцов 2001: 63). В Черниговском драгунском полку убитых офицеров в это день не было, что позволяет говорить о том, что атаку здесь осуществлял Харьковский драгунский полк, среди убитых в этот день в котором числились подполковник Остен-Сакен и командиры эскадронов капитан Л.К. Нестелей и капитан Т.Д. фон Нагель.

Дальнейшее продвижение французов за редут сдерживала до подхода подкреплений в лице гренадёр и кирасир только 27-я дивизия Неверовского. Об этом говорит безвестный Георгиевский кавалер этой дивизии: *«Генерал наш, Неверовский, ува! какой форсистый был: приучил нас все больше штыком работать. Под Шевардиным настоящего распорядку не было: француз валит с фронту, с левого фланга и с*

правого, а у нас когда-то догадались за гренадерами и конницей послать. Отдуйся, как знаешь! Как нас, до приходу кирасир, потеснили шибко, батальонный наш осерчал и говорит: «Гунство! Никакого распорядка путем не сделают, а потом горячку и порят! Под Шевардиным дрались мы ночью, как днем: деревня горела. Отвели нас назад, совсем ночь была» (Рассказ 1872: 119-120). Ночь наступала около 19 часов по парижскому времени или около 21 часа по московскому. Именно в это время Багратион, не смерившийся с потерей редута, предпринял контратаку. В дело вступили остальные полки 2-й гренадёрской дивизии.

По Д.П. Бутурлину, «2-я гренадерская дивизия подошла к месту сражения около 8 часов вечера, сменив полки 27-й дивизии» (Бутурлин: 254). Это соответствует 18 часам парижского времени, то есть через час после падения Шевардинского редута, что вполне логично с учётом времени подхода. «Чрезмерное превосходство сил неприятельских, – вспоминает служивший в 27 дивизии Д.В. Душенкевич, – заставило двинуть встречу им гренадерские полки, за нами находившиеся, которые покуда к нам подошли, уже мы были засыпаны с редутом нашим гранатами, ядрами, картечью и пулями. Гренадеры, пред полками коих священники в облачении, с крестом в руках, шли истинно в страх врагам – геройски, у каждого в глазах сверкала слеза чистой веры, а на лице готовность сразить и умереть. Едва поравнялись они с батареею, как у всех нас настал штыковой бой; то опрокидывали мы штыками, то артиллерия и кавалерия французские атаквали нас. Это не сражение, но сущее побоище тут происходило» (Душенкевич 1995: 114).

Гренадеры в общей сложности участвовали в бою около 2-х часов и заканчивали его уже в темноте, при свете горящих стогов сена и домов, оставшихся от деревни Шевардино. Они дрались вместе с 27-й дивизией. «24 августа, – пишет Неверовский, – неприятель атаковал одну нашу батарею, которая была отделена от позиции, и я был первый послан защищать батарею. Страшный и жестокий был огонь; несколько раз брали у меня батарею, но я ее отбирал обратно. 6 часов продолжалось сие сражение в виду целой армии, и ночью велено мне было оставить батарею и присоединиться на позицию к армии» (Записки генерала Неверовского 1859: 79-80).

«Часу в 10-м (в 8-м по парижскому времени – В.А.) ночи, – вспоминает Душенкевич, – нам велено было освободить нашего фланга захваченную неприятелем батарею, охраняемую сильно; владеющие ею сделали нам встречу жесточайшую, но мы штыками в несколько минут свое доказали – отняли редут обратно при значительной потере офицеров и нижних чинов с обеих сторон. В то же время догоравшие стога, зажженные вечером во время боя, правее нас, помогли нам заметить, что сильная неприятельская колонна шла косвенно направлению, вероятно с тем, чтобы, отрезав нас, атаковать в тыл или с другою какою целью. ...Усталый, от трех часов пополудни непрерывно в бою жарком находящийся, наш полк кричал дать в помощь кавалерии; Орденский кирасирский полк уже мчался по следам нашим; мы продолжали свое дело, не внимая шуму и гулу колонны кирасирской, пока голос начальства не пронесся: «Ребята, место кавалерии, раздайся, раздайся!». Пропустив кавалерию, [мы] остановились, и на сем кончились действия наши...» (Душенкевич 1995: 114).

В контратаке участвовала вся 1-я кирасирская дивизия, направленная А.И. Горчаковым, по приказу которого до её подхода единственный к тому времени

боеспособный из всей 27-й дивизии батальон Одесского полка, «и довольно слабый», имитировал контратаку с фланга, чтобы выиграть время для удержания занимаемых позиций (Письмо А.И. Горчакова 1962: 345). Лейтенант и старший адъютант 3-го батальона 111-го французского полка С.-Л. Гардые в своих мемуарах пишет: *«Полностью наступила ночь, когда появилась дивизия русских кирасир»* (Попов 2003: 46-64). Он отмечает её первоначальный успех. В биографии командира кирасирской дивизии И.М. Дуки сказано, что *«русские кирасиры опрокинули первую линию французской пехоты правого крыла на вторую и произвели в ней такое замешательство, что король Неаполитанский Мюрат поспешал лично с отрядом своей кавалерии на помощь для восстановления порядка»* (Великий день Бородина 1987: 101). Малороссийский кирасирский полк даже побывал на отбитом Шевардинском редуте, где оказался полностью погребённым защищавший его 3-й батальон 61-го французского полка. Но после завершения (отражения) атаки русских кирасир, отступившая за редут французская пехота, в том числе 111-й полк, согласно Гардые, вновь заняла его.

Контратаки имела целью возвращение не только и столько Шевардинского редута, потерявшего своё значение как укрепление, сколько всей утерянной 2-й армией Багратиона в этот день территории, что превратило редут в отрезанный островок, к тому же заваленный трупами. Начальник артиллерии 3-го кавалерийского корпуса армии Наполеона полковник Л. Гриуа рассказывает: *«...парапеты были во многих местах разрушены нашими пушками; русские орудия сзади были сброшены с лафетов и опрокинуты; артиллеристы, обслуживавшие их, лежали тут же мертвые. Особенно много убитых было во рвах и на внутренней стороне валов. На наружной стороне лежали трупы французских солдат, которых во время приступа погибло еще больше, чем русских гренадер на противоположном конце вала, когда они несколько раз пытались взобраться, после того, как мы заняли редут»* (Французы 1912: 133-137).

Спор о том, кто защищал, а кто атаковал (контратаковал) редут в это время, порождённый во многом использованием разного времени, что даёт волю воображению, оставим на совести спорящих. Отмечу лишь, что Шевардинский бой завершился уже в полной темноте вскоре после 19 часов по парижскому времени, соответствующему 21-му часу московского¹. Но, в отличие от распространённого мнения, следов приказа Кутузова на оставление непосредственно редута историкам обнаружить не удалось. Был приказ на отход левого крыла на Семёновские позиции, но и он не носил официального характера, а упомянувший о нём А.И. Горчаков не сообщает от кого он исходил. Кутузов же в официальном донесении царю вообще не упомянул об отступлении 2-й армии, отослав план расположения войск (кроки) уже на новых позициях, а Шевардинский бой представил как победоносное отражение неприятеля на всех пунктах. Это и порождает версию о Шевардинском редуте как о передовом укреплении, а бой за него – как арьергардный, с целью задержать противника до укрепления Семёновских флешей.

¹ В это время вписывается 6 часовое участия в бою 27-й дивизии с учётом егерей (с половины 13-го) и двухчасовое участие гренадёр 2-й гренадёрской дивизии (с учётом времени её подхода).

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев 1879 - *Андреев Н.И.* Воспоминания офицера 50-го егерского полка // Русский архив. 1879. Т. 3.
- Богданов 728 - *Богданов Дементий.* Бородино. Рассказ очевидца // Государственный архив Российской Федерации. Зимний дворец. Ф. 728, оп. 1, д. 900.
- Бородино 1962 - Бородино: документы, письма, воспоминания. М., 1962.
- Бородино 2004 - Бородино: документальная хроника. М., 2004.
- Бутурлин 1837 - *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. Ч. 1. СПб., 1837.
- Великий день Бородина 1987 - Великий день Бородина // Бородино, 1812 / Б.С. Абалихин, Л.П. Богданов, В.П. Бучнев и др.; П.А.Жилин (отв. ред.). М., 1987.
- Время восхода и захода Солнца и Луны - Время восхода и захода Солнца и Луны, а также начало и конец гражданских сумерек // Москва. Народная интернет-энциклопедия городов и регионов России «Мой Город» / Электронный ресурс: <http://www.mojgorod.ru/cgi-bin/moonsun.cgi?ОКАТО=45> (дата обращения – 16.08.2015).
- Давыдов 1987 - *Давыдов Д.В.* Дневник партизанских действий 1812 года // Клятву верности сдержали. М., 1987.
- Душенкевич 1995 - *Душенкевич Д.В.* Из моих воспоминаний от 1812-го года до [1815 года] // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.
- Записки генерала Колачковского 1911 - Записки генерала Колачковского о войне 1812 года / Предисл. и пер. К. Военского // Военно-исторический сборник. 1911. № 1-4.
- Записка генерала Неверовского 1859 - Записка генерала Неверовского о службе своей в 1812 году // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1859. Кн. 1.
- Земцов 2001 - *Земцов В.Н.* Битва при Москве-реке. М., 2001.
- Иванов 1992 - *Иванов Н.* Достопримечательные места поля Бородинского // Родина. 1992. № 6-7.
- Иванов 1912 - *Колюбакин Б.М.* Воспоминания офицера французского кирасирского 2-го полка о кампании 1812-го года. СПб., 1912.
- Маркхэм 2003 - *Маркхэм Дж. Дэвид.* Русская кампания 1812 года в бюллетенях Наполеона // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения (Бородино, 9-11 сентября 2002 г.). Москва, 2003.
- Миркович 1888 - *Миркович Ф.Я.* Дневник. 1812 год // Русский архив. 1888. Книга 1.
- Пеле 2001 - *Пеле Ж.Ж.* Извлечение из записок генерала Пеле о русской войне 1812 г. // Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001.
- Письмо А.И. Горчакова 1962 - Письмо А.И. Горчакова А.И. Михайловскому-Данилевскому с описанием боя при с. Шевардине 24 августа 1812 г. // Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962.
- Поликарпов 1913 - *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник. Отечественной войны 1812 года. Печатня А. Снегиревой. М., 1913.
- Попов 2003 - *Попов А.И.* Новые сведения о Бородинском сражении // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения (Бородино, 9-11 сентября 2002 г.). Москва, 2003.
- Попов 2008 - *Попов А.И.* Бородино. Северный фланг. М., 2008.
- Рассказ Георгиевского Кавалера 1872 - Рассказ Георгиевского Кавалера из дивизии Неверовского, слышанный в 1839 году в Серпухове // Бородинское сражение. М., 1872.
- Россия 1991 - Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991.
- Селезнёв 1890 - *Селезнёв М.Т.* Любопытные рассказы из 1812 года. М., 1890.
- Французы 1912 - Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев / Сост. Васютинский А.М. и др. Ч. 1. М., 1912.

Харкевич 1900 - *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильна, 1900.

REFERENCES

Andreev 1879 - *Andreev N.I.* Vospominaniya oficera 50-go egerskogo polka [Reminiscences of an officer of the 20th regiment of Jäger 50], in: Russkij arhiv [Russian archive], 1879, T. 3 [in Russian].

Bogdanov 728 - *Bogdanov Dementij.* Borodino. Rasskaz ochevidca [The battle of Borodino. The story of the beholder], in: Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. Zimnij dvorec. F. 728, op. 1, d. 900 [State archive of the Russian Federation. The Winter Palace. Fund 728, inventory 1, business 900] [in Russian].

Borodino 1962 - Borodino: dokumenty, pis'ma, vospominaniya [Borodino: documents, letters, memories], Moscow, 1962 [in Russian].

Borodino 2004 - Borodino: dokumental'naja hronika [Borodino: documentary Chronicles], Moscow, 2004 [in Russian].

Buturlin 1837 - *Buturlin D.P.* Istorija nashestvija imperatora Napoleona na Rossiju v 1812-m godu. Ch. 1 [History of invasion by Emperor Napoleon in Russia in 1812. Part 1], St. Petersburg, 1837 [in Russian].

Davydov 1987 - *Davydov D.V.* Dnevnik partizanskih dejstvij 1812 goda [Diary of guerrilla warfare 1812], in: Kljatvu vernosti sderzhali [Pledge of Allegiance discreet], Moscow, 1987 [in Russian].

Dushenkevich 1995 - *Dushenkevich D.V.* Iz moih vospominanij ot 1812-go goda do 1815 goda [From my memories from 1812 to 1815], in: 1812 god v vospominanijah sovremennikov [1812 in the memoirs of contemporaries], Moscow, 1995 [in Russian].

Francuzy 1912 - Francuzy v Rossii. 1812 god po vospominanijam sovremennikov-inostrancev / Sost. Vasjutinskij A.M. i dr. Ch. 1 [The French in Russia. 1812 according to the memoirs of contemporaries-foreigners. Comp. Vasyutinskiy A.M. and others. Part 1], Moscow, 1912 [in Russian].

Harkevich 1900 - *Harkevich V.I.* 1812 god v dnevnikah, zapiskah i vospominanijah sovremennikov. Vyp. 1 [1812 diaries, notes and memoirs of contemporaries. Vol. 1], Vil'na, 1900 [in Russian].

Ivanov 1992 - *Ivanov N.* Dostoprimechatel'nye mesta polja Borodinskogo [Points of interest field of Borodino], in: Rodina [Rodina], 1992, № 6-7 [in Russian].

Koljubakin 1912 - *Koljubakin B.M.* Vospominaniya oficera francuzskogo kirasirskogo 2-go polka o kampanii 1812-go goda [Memoirs of a French officer Kirasirsky №2-Regiment Campaign 1812], St. Petersburg, 1912 [in Russian].

Markhjem 2003 - *Markhjem Dzh. Djevid.* Russkaja kampanija 1812 goda v bjulletenjah Napoleona [Russian campaign of 1812 in the bulletins of Napoleon], in: Borodino i napoleonovskie vojny. Bitvy. Polja srazhenij. Memorialy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 190-letiju Borodinskogo srazhenija (Borodino, 9-11 sentjabrja 2002 g.) [Borodino and the Napoleonic Wars], Moskva, 2003 [in Russian].

Mirkovich 1888 - *Mirkovich F.Ja.* Dnevnik. 1812 god [Diary. 1812], in: Russkij arhiv [Russian archive], 1888, Kniga 1 [in Russian].

Pele 2001 - *Pele Zh.Zh.* Izvlechenie iz zapisok generala Pele o ruskoj vojne 1812 g. [Extract from the notes of the General Pele Russian War of 1812], in: Borodino v vospominanijah sovremennikov [Borodino in the memoirs of contemporaries], St. Petersburg, 2001 [in Russian].

Pis'mo A.I. Gorchakova 1962 - Pis'mo A.I. Gorchakova A.I. Mihajlovskomu-Danilevskomu s opisaniem boja pri s. Shevardine 24 avgusta 1812 g. [Letter A.I. Gorchakov A.I. Mikhailovsky-Danilevsky describing the battle at p. Shevardino August 24, 1812], in: Borodino: Dokumenty, pis'ma, vospominaniya [Borodino: documents, letters, memoirs], Moscow, 1962 [in Russian].

Polikarpov 1913 - *Polikarpov N.P.* Boevoj kalendar'-ezhednevnik. Otechestvennoj vojny 1812 goda. Pechatnja A. Snegirevoj [Fighting calendar-diary. War of 1812. A. Snegirev printed], Moscow, 1913 [in Russian].

Popov 2003 - *Popov A.I.* Novye svedeniya o Borodinskom srazhenii [New information on the Battle of Borodino], in: Borodino i napoleonovskie vojny. Bitvy. Polja srazhenij. Memorialy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 190-letiju Borodinskogo srazhenija (Borodino, 9-11 sentjabrja 2002 g.) [Borodino and the Napoleonic Wars], Moskva, 2003 [in Russian].

Popov 2008 - *Popov A.I.* Borodino. Severnyj flang [Borodino. Northern flank of the], Moscow, 2008 [in Russian].

Rasskaz Georgievskogo Kavalera 1872 - Rasskaz Georgievskogo Kavalera iz divizii Neverovskogo, slyshannyj v 1839 godu v Serpuhove [The story of the Knights of St. George division Neverovsky heard in 1839 in Serpukhov], in: Borodinskoe srazhenie [Battle of Borodino], Moscow, 1872 [in Russian].

Rossija 1991 - Rossija pervoj poloviny XIX v. glazami inostrancev [Russian first half of the nineteenth century. the eyes of foreigners], Leningrad, 1991 [in Russian].

Seleznjov 1890 - *Seleznjov M.T.* Ljubopytnye rasskazy iz 1812 goda [Interesting stories from the 1812 Moscow], Moscow, 1890 [in Russian].

Velikij den' Borodina 1987 - Velikij den' Borodina [Great Day Borodin Borodino], in: Borodino, 1812 / B.S. Abalihin, L.P. Bogdanov, V.P. Buchnev i dr.; P.A. Zhilin (otv. red.) [Borodino, 1812 / B.S. Abalihin, L.P. Bogdanov, V.P. Buchnev etc.; P.A. Zhilin (Rep. Ed.)], Moscow, 1987 [in Russian].

Vremja voshoda i zahoda Solnca i Luny - Vremja voshoda i zahoda Solnca i Luny, a takzhe nachalo i konec grazhdanskih sumerek [Time of sunrise and sunset and the moon, as well as the beginning and end of civil twilight], in: Moskva. Narodnaja internet-jenciklopedija gorodov i regionov Rossii «Moj Gorod» [Moscow. People online encyclopedia of Russian cities and regions «My City»] / Electronic resource: <http://www.mojgorod.ru/cgi-bin/moonsun.cgi?OKATO=45> (Date of access – 16.08.2015) [in Russian].

Zapiska generala Neverovskogo 1859 - Zapiska generala Neverovskogo o sluzhbe svoej v 1812 godu [Note General Neverovsky about his service in 1812], in: Chtenija v imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej rossijskih [Reading at the Imperial Society of History and Russian Antiquities], 1859, Kn. 1 [in Russian].

Zapiski generala Kolachkovskogo 1911 - Zapiski generala Kolachkovskogo o vojne 1812 goda / Predisl. i per. K. Voenskogo [Notes General Kolachkovskogo of the War of 1812 / Pre. and trans. K. Voenskogo], in: Voенно-istoricheskij sbornik [Voen. East. collection], 1911, № 1-4 [in Russian].

Zemcov 2001 - *Zemcov V.N.* Bitva pri Moskve-reke [Battle of the Moscow River], Moscow, 2001 [in Russian].

Ануфриев Вадим – Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).

Anufriev Vadim – Independent researcher (St.Petersburg, Russia).

E-mail: vadimanufrief@yandex.ru

УДК 902.9+902.6:737(477.75)=737(477.75)

МОНЕТЫ ПРЕЕМНИКОВ ВАСИЛИЯ I МАКЕДОНИЯНИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

М.М. Чореф

Нижевартовский государственный университет
Россия, 628605, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО-Югра,
г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56
e-mail: choref@yandex.ru
Researcher ID: M-4177-2014
ORCID ID: 0000-0002-6377-4121
SPIN-код: 6164-09140

Авторское резюме

Предметом исследования стали широко известные и уже основательно изученные монеты, выпущенные в Херсоне в X – первой трети XI вв. от имени потомков Василия I Македонянина и их соправителей. В результате были уточнены прочтения монограмм имен этих правителей, а также высказаны и обоснованы соображения о технологии денежного производства, а также по поводу причин, побудивших выпускать новые серии, а также активизировать и сворачивать эмиссию.

Ключевые слова: Византия, Херсон, нумизматика, монограмма, политическая история.

COINS OF SUCCESSORS OF BASIL I MACEDONIAN AS HISTORICAL SOURCES

Mikhail Choref

Abstract

Widely known and already thoroughly studied coins which are let out in Cherson in X – the first third of the XI centuries on behalf of Basil I Macedonian descendants and their co-rulers became an object of research. Readings of monograms of names of these governors were as a result specified, and observations about technology of monetary production, and also concerning the reasons which induced to let out new series, and also to make active and curtail issue are made and proved.

Keywords: Byzantium, Cherson, numismatics, monogram, political history.

* * *

Речь пойдет о позднейших выпусках бронз византийской Таврики. Сразу же заметим, что, судя по отсутствию каких-либо дифферентов на аверсе, их выпускали только в Херсоне (Чореф 2012b: 247–248). Но это отнюдь не свидетельствует об ослаблении влияния Византии. Полагаем, что усовершенствование технологии монетного производства при Василии I Македоняnine позволило при его преемниках сократить количество таврических эмиссионных центров – нужды региона в разменных деньгах вполне мог удовлетворить один денежный двор Херсона.

Мы основываемся и на том, что, судя по Тактикону Эскуриала, в 971–975 гг. существовали стратегии «Εὐξεινίου Πόντου» – «Черного моря» и «Βοσπόρου» – «Боспора» (Oikonomides 1972: 266–269), так что ни о каком ослаблении византийского влияния и говорить не приходится. Что же касается нападений печенегов, тревоживших св. Николая Мистика (Nicholas I Patriarch 1973: Let. 9, 66, 100) и Константина VII Багрянородного (Константин Багрянородный 1989: 40–43), то тут мы имеем дело с вполне ожидаемыми пограничными столкновениями. Однако стоит учитывать то обстоятельство, что они привели к разорению окрестностей таврических городов, в т.ч. и приморских, что не позволяло им стать центрами сепаратизма. В этом смысле очень ценны сведения, приведенные в трактате «Об управлении империей». Судя по материалам гл. 53, жители Херсона получали основную часть продуктов сельского хозяйства из фем Малой Азии (Константин Багрянородный 1989: 274–275).

Собственно, этим можно объяснить то, что если жители Херсона и восставали в 891 и 1066 гг., выражая, тем самым, недовольство императорскими чиновниками, то, они, в любом случае, не стремились к выходу своего города из состава империи. Они осознавали опасность, исходящую от славян и кочевников Восточной Европы. А Константинополь, в свою очередь, защищал их интересы. В этом смысле примечательны договоры 911, 945 и 971 гг. (ПВЛ 2012: 25–28, 32–36, 50). В результате Херсон стал северным форпостом империи, а управлявшие им чиновники начали исполнять дипломатические функции¹.

Но, ad rem. Первые разновидности литых бронз Льва VI Мудрого были введены в научный оборот еще на заре становления нумизматики византийской Таврики. Так, Ф. де Сольси датировал правлением этого государя монеты с монограммой «ΛΕ», в которой он видел две первых буквы его имени Λέ[ον] – «Ле[он]» (Saulcy 1836: 210). Каких-либо возражений эта гипотеза до сих пор не вызвала и ныне считается аксиомой. Согласно наиболее распространенной точке зрения, на аверсах херсонских бронз при Льве VI Мудром оттискивали монограмму «ΛΕ», традиционно расшифровываемую как Λέ[ον], или «ΛΑ», в которой видят первые буквы имен братьев–соправителей «Λ[έον] Ἀ[λέξανδρος]» – «Лев Александр». Однако общепринятые интерпретации не позволяют объяснить наличие на монетах небуквенных элементов оформления. К примеру, на лицевых сторонах двух серий бронз между инициалами братьев–императоров помещен малый патриарший крест на Голгофе. Так как этот религиозный символ являлся разделителем, то получается, что в монограммах «ΛΑ» и «ΛΕ» было зашифровано по два слова. Кроме того, до сих пор так и не выработана бесспорная датировка херсонских серий монет Льва VI Мудрого и соправителей.

Убедившись в недостаточности проработки вопроса, попытаемся самостоятельно расшифровать эти буквосочетания. Для этого определим множество допустимых слов. Известно, что у Льва VI Мудрого соправителями были его брат Александр и сын Константин VII Багрянородный. Их в монетных легендах

¹ Речь идет о посольстве патрикия Калокира, сына херсонского протевона, к Святославу в 967/8 гг. (Лев Диякон 1988: 43–44, кн. 5) и об отравлении неизвестным катепаном тмутараканского князя Ростислава Владимировича (ПВЛ 2012: 111–112).

титоловали августами и василевсами ромеев. К власти были приобщены и жены императора: Феофано, Зоя Заутца, Евдоксия Вайана, Зоя Карбонопсида, а также дочь Анна (Продолжатель Феофана 2009: 225, 227). Все они носили титулы август. Но монет в их честь не чеканили.

Составив список лиц, имена которых при Льве VI могли появиться на деньгах константинопольского чекана, а так же выяснив их титулы, проанализируем разработанные к настоящему времени теории прочтения строчных монограмм. К примеру, в монограмме «ΛΑ» могут быть разобраны не только общепринятое «Λέων Ἀλέξανδρος» – «Лев Александр», но и, безусловно, гипотетические¹ «Λέων αὐγουστός» – «Лев август» и «Λέων αὐτοκράτωρ» – «Леон император, самодержец».

Пытаясь найти решение этой задачи, попробуем разобраться с остальными элементами оформления аверса и реверса. Начнем с поиска объяснений появления малого патриаршего креста на Голгофе. Для этого обратимся к материалам по истории монетного дела Византии. Действительно, в VIII–X вв. на аверсах денег этого государства изображали императоров с крестом в руке, а на реверсах – соправителей, если, конечно, они у них были. Иногда на лицевых сторонах монет оттискивали портреты всех василевсов. Причем, если у власти находилась пара правителей, то их изображали с длинным крестом или лабарумом в руках. Это же правило действовало и при Льве VI Мудром. При нем в обращение поступило несколько разновидностей золота, серебра и меди столичного чекана с изображениями братьев-соправителей на аверсе (рис. 1,2–3). Они оформлены в том же стиле, что и поздние монеты Василия I Македонянина² (рис. 1,1). Единственным отличием стало появление в руках василевсов креста или лабарума.

Как видим, культовые и государственные символы являлись обязательным атрибутом оформления византийских монет. В том же ключе должны были оформлять и бронзы Херсона. Однако принятая в городе технология денежного производства не позволяла массово выпускать фоллисы с изображениями василевсов. Как правило, на них оттискивали только простые буквосочетания и несложные культовые символы.

По мнению В. А. Анохина, эмиссия бронз с монограммой «ΛΑ» происходила в первый период правления Льва VI Мудрого (Анохин 1977: 117). По логике исследователя, позже какие-то события привели к отстранению от власти соправителя, имя которого начиналось с буквы «Α». Действительно, Александр с 903 г. и до рождения Константина VII Багрянородного находился под домашним арестом (Две византийские хроники 1959: 51, 198, прим; Продолжатель Феофана

¹ Приводим эти прочтения, так как ставим перед собой цель проанализировать все, даже, безусловно, проблемные прочтения монограмм «ΛΑ» и «ΛΕ». По объективным причинам мы не рассматриваем только гипотетическое «ἄρχων, ἄρχοντος» – «архонт», т.к. не можем принять точку зрения Г.К.Э. фон Кёлера и В.А. Анохина о возможности выявления серий монет чиновников византийского Херсона (Анохин 1977: 115, 125; Köhler 1822: 22; Köhler 1850: 22).

² Изображения константинопольских фоллисов Василия I Македонянина, Льва VI Мудрого и их соправителей (рис. 1,1–3,6) взяты из (Sabatier, Cohen 1862: Tab. XLV,9–10,13–14,17–18). Херсоно-византийские монеты Льва VI Мудрого были изданы В.А. Анохиным (Анохин 1977: табл. XXVI,386,389,390–392).

2009: 228, прим. 2)¹. А августом и автократором Лев VI Мудрый оставался все свое правление. Так что у него не было оснований убирать с монет упоминания об этих титулах.

Но у нас есть другое объяснение исчезновения монограммы «ΛΑ» с аверса херсонских монет. Вероятно, в 903 г. Константинополе прекратилась эмиссия денег от имени Александра. По крайней мере, судя по развитию иконографического типа изображения василевса, упоминания о нем отсутствуют на позднейших монетах Льва VI Мудрого. В тот период в обращение поступили солиды, миллиарсии и фоллисы, на аверсах которых было помещено изображение одного автократора (Grierson 1973: 507–522; Sear, Bendall, O'Hara 1987: 330–331, № 1723–1724, 1726–1729; Wroth 1908: 446–447, № 6–10, pl. LI). Полагаем, что в тот же период была разработана и аббревиатура «ΛΕ».

В таком случае, монограмму «ΛΑ» следует расшифровывать, как «Λέον Ἀλέξανδρος» – «Лев Александр», а монеты с ней на аверсе можно датировать периодом совместного правления братьев, т.е. 886–903 гг.

Куда сложнее, с нашей точки зрения, обстоит дело с аббревиатурой «ΛΕ». Сейчас принято считать, монеты с ней выпускались весь период правления Льва VI Мудрого. Но, как мы уже установили, «ΛΕ» нельзя расшифровывать как «Λεον». Мало того, у этого василевса не было и постоянного соправителя, имя которого начиналось бы с буквы «Ε». В таком случае, вторым словом, зашифрованным в монограмме, мог быть только титул этого правителя. Попытаемся определить его, а для этого изучим легенды реверсов константинопольских монет периода единоличного правления Льва VI Мудрого.

Табл.

№ п/п	Монетная легенда	Расшифровка	Перевод
1	Λεον εν θεο βασιλεvs Romεον	Λέον εν θεο βασιλεvs Ρωμαιοv	Лев в Боге василевс римлян
2	Λεον εν cRιστο βασιλεvs Romεον	Λέον εν Χριστω βασιλεvs Ρωμαιοv	Лев во Христе василевс римлян
3	Λεον εν x/ω βασιλεvs (βασιλεvs) Rom (Romων)	Λέον εν Χριστω βασιλεvs Ρωμαιοv	Лев во Христе василевс римлян
4	Λεον (Λεων) εν x/ω ενσεβης βασιλεvs Ρωμαιοv	Λέον εν Χριστω ευσεβης βασιλεvs Ρωμαιοv	Лев во Христе благочестивый василевс римлян
5	Λεον βασιлеvs Rom	Λέον βασιλεvs Ρωμαιοv	Леон василевс римлян

Как видим, в этих надписях есть два слова, пригодные для титулования: «βασιλεvs» – «василевс» и «ευσεβης» – «благочестивый, набожный, праведный, почтительный, священный». Предполагаем, что упоминание о втором из них – почетном прозвище, которым должен был гордиться император, считавший себя

¹ Так как Александр долго был единственным наследником, то у Льва VI Мудрого были веские основания опасаться, и, в то же время, щадить его. Только этим можно объяснить то, что после покушения 11 мая 903 г. Александр остался в живых, но был отстранен от власти.

праведником¹, и было размещено на монетах Херсона. Но из-за дефицита места и примитивности технологии изготовления денег на его бронзах отбивали только первую его букву.

Наше предположение не столь скоропалительно, как кажется на первый взгляд. Ведь на монетах большинства византийских императоров, правивших с конца VI в. выбивали как полные легенды, так и их сокращенные варианты.

Заметим, что предлагаемая расшифровка монограмм «ΛΑ» и «ΛΕ» не только позволяет уточнить прочтение аббревиатур иных византийских императоров, но и дает возможность по-новому датировать херсонские выпуски Льва VI Мудрого. Считаем, что в первый период его правления, т.е. с 886 по 903 гг., в Херсоне, как и во всей империи, выпускали монету от имени обоих правителей – с монограммой «ΛΑ» (рис. 1,4). На аверсах первой серии бронз отбивали инициалы императоров. Позже между этими символами поместили крест (рис. 1,5). В 903 г. в Константинополе началась эмиссия от имени автократора Льва VI Мудрого (рис. 1,6), а в Херсоне в обращение поступили бронзы с портретом правителя на аверсе и с крестом и монограммой «ΛΕ» на реверсе (рис. 1,7).

Рис. 1. К атрибуции херсонских фоллисов Льва VI Мудрого (по П.Ж. Сабатье и В.А. Анохину)
1 – Фоллис Василия I. На реверсе – изображение Льва и Александра. Чекан Константинополя; 2,3 – Лев VI Мудрый и Александр. Чекан Константинополя; 4,5 – Лев VI Мудрый и Александр. Литье Херсона; 6 – Лев VI Мудрый. Чекан Константинополя; 7–9 – Лев VI Мудрый. Литье Херсона.

¹ Собрание теологических сочинений этого императора приведено в (Leo Imperator 1863).

С нашей точки зрения, столь значительное изменение монетного типа: появление на аверсе канонического изображения автократора¹ и перемещение на реверс практически немодифицированных легенд и изображений, размещаемых ранее на лицевых сторонах монет ранних серий, не могло быть случайным. Складывается впечатление, что городские монетчики подстраивались под стандарты оформления константинопольской меди того времени. Однако прежний дизайн лицевой стороны они сохранили, а видоизмененную монограмму и крест стали оттискивать на реверсе.

Единственным возможным объяснением этого могло являться только стремление сохранить как привычное обозначение номинала – «крест на Голгофе»², так и принципы размещения монетной легенды.

Вскоре в Херсоне, как и во всей империи, монетная стопа фоллисов была увеличена³, и в обращение поступили монеты с монограммой «ΛΕ» на лицевой стороне. На реверсах первой серии этих бронз нет точек под крестом (рис. 1,8). Так как со временем монетная стопа херсонской меди опять упала, то для формования оборотных сторон позднейших выпусков Льва VI Мудрого стали использовать стандартные штампы, применяемые со времен Василия I Македонянина (рис. 1,9). Эмиссия монет с монограммой «ΛΕ» продолжалась до конца правления этого императора.

Таким образом, проведя небольшое нумизматическое исследование, мы попытались вынести на научное обсуждение наши предположения о методике прочтения строчных монограмм «ΛΑ» и «ΛΕ». Считаем, что на херсонских монетах в VIII–X вв. оттискивали только имена императоров. Правда, в исключительных случаях в их легендах могли появиться упоминания титулов или почетных прозвищ правителей⁴. Вероятно, спешность в подготовке эмиссии от имени Льва VI Мудрого не дала херсонским монетчикам возможности разработать оригинальный монетный тип. Они были вынуждены воспользоваться стандартным клише фоллисов братьев-императоров, заменив символ Λ на Ε, благо, что автократор дорожил почетным прозвищем $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\eta\varsigma$.

Не менее интересно и информативно монетное дело Константина VII Багрянородного и его соправителей. К настоящему времени выявлены монеты, выпущенные как от имени самого василевса, так и его сына Романа II, матери Зои, бывшей регентшей в 914–919, василеопатора, а позже старшего августа Романа I, а также его сыновей: Христофора (921–931), Стефана (924–945) и Константина (924–945).

¹ Городские монетарии смогли точно скопировать изображение Льва VI Мудрого. Не смотря на расплывчивость оттиска, заметно, что, как на столичных, так и на херсонских бронзах правитель изображен в одном и том же облачении, на его правом плече схожие фибулы, а его левая рука аналогично зафиксирована.

² На всех известных экземплярах у подножия креста просматривается расширение, похожее на сглаженные ступени.

³ Подобного рода изменения монетной стопы меди происходили или в начале правления императоров, или в связи с какими-либо важными событиями. Так, по мнению В.В. Хапаева, вес меди Василия II Македонянина (963, 976–1025 гг.) и Константина VIII (1025–1028 гг.) был увеличен в 1014–1019 гг. в ознаменование победы над болгарями (Хапаев 2008b: 150).

⁴ См. нашу дешифровку монограммы «ΜΒ».

Монеты в честь этих правителей выпускали, вернее всего, только в Херсоне¹. Они давно известны и введены в научный оборот². Однако споры вокруг их атрибуции продолжаются до сих пор. Так, к примеру, по мнению В. А. Анохина, на реверсах херсонских монет Константина VII Багрянородного первой серии (913–919)³ оттискивали монограмму «Ϛ» («Κω[ισταντῖνος]») на аверсе и портрет правителя на реверсе (Анохин 1977: 119, табл. XXVI,397–400) (рис. 2,2), на выпусках второй (920) помещали изображение Елены – жены императора (Анохин 1977: 119, табл. XXVII,401,402) (рис. 2,1). Следующая портретная серия⁴ была отлита в память о коронации Христофора (Анохин 1977: 119, табл. XXVII,403) (рис. 2,4). Четвертая эмиссия прошла от имени одного Романа I (рис. 2,3). На поступивших тогда в обращение монетах В.А. Анохин выявил изображение самого старшего августа и его первую разновидность его монограммы – «Ϛ» («Ρωμ[ανός]») (Анохин 1977: 119, табл. XXVII,404–407). Пятый и шестой выпуски прошли также от имени Романа I. На монетах этих эмиссий, по мнению В.А. Анохина, на них размещали следующие варианты написания имени василевса: «Ϛ» и «Ϛ»⁵ («Ρωμ[ανός]») на аверсе и «крест на Голгофе» на реверсе (Анохин 1977: 119, табл. XXVII,408–412) (рис. 2,5–7,9). В седьмую и восьмую серии В.А. Анохин выделил бронзы Романа I и Константина VII Багрянородного с их монограммами «Ϛ» или «Ϛ» на аверсе и с уже стандартным крестом на реверсе (Анохин 1977: 120, табл. XXVII,413–418, XXVIII,419–422). К эмиссиям василеопатора В.А. Анохин отнес и мелкие монеты с монограммой «Ϛ» («Ρω[μανός]») (Анохин 1977: 120, табл. XXVIII,423–424,426) (рис. 2,8). А после устранения от власти Лакапинов, по мнению ученого, в обращение поступили монеты Константина VII и его сына Романа II с монограммами «Ϛ» («Κωνσταντῖνος») на аверсе и «Ϛ» на реверсе (Анохин 1977: 120, табл. XXVIII,428–430) (рис. 2,10).

Заметим, что эта классификация не считается общепризнанной. Так, с точки зрения И. В. Соколовой, на монетах Константина VII Багрянородного могли оттискивать портрет только одной женщины – матери правителя (Соколова 1983: 45, табл. IX,1). Она считает, что в 914–919 гг. в обращение поступили монеты с изображением Константина VII Багрянородного и его матери Зои (Соколова 1983: 49). После удаления от власти вдовы Льва VI Мудрого от власти эмиссия денег от ее имени прекратилась. Началось литье монет в честь Романа I. На первых его монетах был размещен портрет правителя, известный на первых выпусках Константина VII Багрянородного и монограмма «Ϛ» (Соколова 1983: 49). В 921 г. была выпущена

¹ Считаем, что «●●» по сторонам «Ϛ» на реверсе не могут трактоваться как дифференты. Дело в самом месте их размещения – на оборотной стороне. Учтем и то, что аверсы этих монет были сформованы херсонскими штампами, ранее использованными для литья фоллисов Льва VI Мудрого.

² Приведенные на рис. 2 изображения херсонских фоллисов Константина VII Багрянородного были изданы В.А. Анохиным (Анохин 1977: табл. XXVI,395, XXVII,401,403,405,408,410,411,414, XVIII,423,429).

³ Будем проставлять только те даты эмиссий, которые были явно указаны исследователем.

⁴ С легендами «P-O» и «X-P». В.А. Анохин полагает, что изображения и надписи на монетах это разновидности следует трактовать как упоминания о четырех правящих особах: Романа I, Христофора, Константина VII и Елены.

⁵ Полагаем, что «P» могли развернуть на 90°.

серия в память о коронации Романа I и Христофора (Соколова 1983: 49). На монетах это разновидности просматриваются литеры «P-O» и «X-P».

Не меньше споров вызывает атрибуция монет с монограммой «L» («Ρω[μανός]») (Соколова 1983: 49). Монеты с ними приписывают литью четырех императоров – Романов, правивших в X–XI вв., в них видят и анонимные выпуски¹.

Мы не будем вступать в полемику, так как видим ее бесперспективной. Для разрешения проблемы воспользуемся ранее разработанной и апробированной нами методикой выделения номиналов.

Первым делом попытаемся разбить разновидности этих монет на группы по принципу оформления. Заметно, что на большей их части, кстати, наиболее распространенных, были оттиснуты монограммы и культовые символы, а на немногих и относительно редких – изображения правителей. Причем последние стилистически близки к портретам императоров и членов их семей, известным на монетах раннесредневековой Византии².

В тоже время, как мы уже знаем, примитивность технологии денежного производства, принятая в Херсоне, не позволяла выпускать высокохудожественные бронзы. На его монетах не могли размещать сложные композиции. Как правило, оттискивали только монограммы, эмиссионные данные или обозначения номиналов (Чореф 2008: 121). Лишь в исключительных случаях на них размещали портреты правителей, т.к. очень трудно изготовить форму со столь сложным изображением для массовой отливки монет при относительно малом диаметре. Кроме того, раз уж портретные штампы и были пущены в производство, то по какой причине от них отказались и перешли к использованию традиционных с монограммами?

К сожалению, наши предшественники не заметили этой проблемы. Попытаемся разрешить ее самостоятельно. Для этого попытаемся найти в монетном деле Херсона аналогичный прецедент. Действительно, при Льве VI Мудром в городе уже была выпущена серия фоллисов с портретом правителя (рис. 2,7). Чтобы не повторяться, отметим только, что эта разновидность фоллисов была отлита в честь самодержца Льва VI Мудрого, отстранившего от власти своего брата и соправителя Александра (Чореф 2010: 326–331). Т.е. и позднейшие серии литья Херсона с портретами императоров можно считать памятными³.

В таком случае, в 914–919 гг. в Херсоне была выпущена серия с изображениями Константина VII Багрянородного и его матери Зои (рис. 2,1). Мы вполне можем

¹ История изучения монет с аббревиатурами «L» и «L» на лицевой стороне и наши соображения по поводу их атрибуции приведены в (Чореф 2009: 35–51). Добавим только, что В.А. Сидоренко заключил, что бронзы с зеркально развернутой монограммой «L» (рис. 2,8) могли нелегально выпускать при Романе II (Сидоренко 2013: 277, рис. 3,9–11). В связи с этим заметим, что технология их изготовления ничем не отличается от принятой для остальной массы литых монет, обоснованно относимой к выпускам монетного двора Херсона. Сам же факт их обнаружения в позднейших кладах, время выпадения которых В. А. Сидоренко относит ко времени похода кн. Владимира Святославича (Сидоренко 2013: 277), будет объяснен несколько ниже.

² Мы не можем принять точку зрения В.А. Анохина, безапелляционно, и, к слову, бездоказательно отвергающего всякую возможность выявления общих черт в оформлении бронз константинопольского чекана и таврического литья (Анохин 1977: 118). Полученные нами результаты опровергают его гипотезу.

³ Известны своего рода памятные серебряные и медные жетоны, выпускавшиеся при Константине VII Багрянородном (Соколова 1960: 57–60, табл. I). Все они схожи с современными им золотыми. То, что херсонские монеты с портретами были оформлены в ином стиле, свидетельствует об их выпуске для нужд обращения.

считать эту серию памятной, выпущенной в честь воцарения новых правителей. Вероятно, сложность размещения двух портретов на одной из сторон сравнительно небольшой литой монеты заставила денежных мастеров разнести изображения на аверс и реверс¹.

В 919 г., после отстранения от власти Зои в обращение поступили константинопольские фоллисы с портретом молодого Константина VII Багрянородного анфас (Sear, Bendall, O'Hara 1987: 338, № 1759). Одновременно в Херсоне началась эмиссия монет с изображением императора на аверсе и с монограммой его имени на реверсе (рис. 2,2). Так как единоличное правление Константина VII Багрянородного было крайне непродолжительным, то были отлиты только памятные фоллисы – с его портретом. Причем их лицевая сторона была сформована штампом, используемым при выпуске монет Льва VI Мудрого периода его самостоятельного правления (Чореф 2010: 326–331) (рис. 1,7, 2,2). Это можно объяснить как желанием дистанцироваться от прежнего режима, так и стремлением превознести малолетнего императора – единственного сына и наследника почившего правителя.

Переворот Романа I нашел свое отражение как в константинопольской, так и в провинциальной эмиссиях. Причем, если в столице продолжали упоминать на монетах легитимного Константина VII Багрянородного, то в Херсоне из-за специфики денежного производства о выпуске фоллисов со столь же сложным, как в столице, оформлением и не мечтали. В 920 г. городе в обращение поступила памятная серия в честь воцарения Романа I (рис. 2,3). На их аверсе штампом, используемым в период регентства Зои, было оттиснуто изображение императора, а, чтобы горожане не сомневались в его трактовке, на реверсе разместили первый, еще довольно недоработанный вариант монограммы василеопатора. В 921 г. в память о коронации Христофора была выпущена серия городских бронз (рис. 2,4), сформованных с использованием штампов, примененных ранее для литья фоллисов Константина VII Багрянородного и Зои. А, чтобы горожане не усомнились в предложенной атрибуции изображений, на штампах были вырезаны соответствующие легенды «P-O»² и «X-P»³.

¹ Считаем нужным обратить внимание читателя еще на один вопрос, не поднятый своевременно нашими предшественниками. Дело в том, что монетному делу Константина VII Багрянородного не было свойственно вынесение портретов правителей на обе стороны монеты. Известно, что это активно практиковалось в период иконоборчества (Чореф 2012а: 108–110). Т.е., не будь нам известны бронзы с монограммой «Ϟ» и с легендами «P-O» и «X-P», то у нас не было бы оснований датировать фоллисы Херсона с портретами императора и императрицы X в.

² Не видим ничего странного в размещении аббревиатуры «P-O» вместо классического «P-Ω». Дело в том, что, как мы уже знаем из разбора легенд на таврических бронзах Василия I Македонянина и Льва VI Мудрого, в Византии не всегда было принято придерживаться правил правописания при составлении монетных легенд. При Константине VII Багрянородном положение, как видим, не изменилось.

³ В.А. Анохин склонен выделять монеты с портретом императора и с монограммой «PΩ» в более позднюю эмиссию, поступившей в обращение после выпуска фоллисов с портретами и с аббревиатурами «P-O» и «X-P» (Анохин 1977: 118–119). Однако непонятно, как он представляет себе процесс заделывания в форме букв монограмм, не просматривающихся на бронзах позднейшей, по его мнению, эмиссии. Ведь, по его мнению, штампы изготовлялись путем оттискивания в глине ранее отлитых монет.

Позже в обращение поступили фоллисы Романа I с упрощенным оформлением. На их аверсе были отгиснуты лигатуры¹ «Ϡ» или «Ϡ»², а на реверсе – стандартное обозначение номинала – «крест на Голгофе» (рис. 2,5–7). К концу правления василеопатора монограмма была сокращена до «Ϡ» (рис. 2,8) – сказалось уменьшение размера монет. В 945 г., после отстранения от власти Лакапинов в обращение поступили фоллисы Константина VII Багрянородного, отличавшиеся от ранее выпущенных только оформлением аверса: на нем была отгиснута монограмма «Ϡ» (рис. 2,9). После приобщения к власти Романа II (945 г.) были выпущены монеты с аббревиатурами имен обоих правителей – с «Ϡ» на аверсе и с «Ϡ» на реверсе (рис. 2,10).

Итак, в результате изучения монетного материала нам удалось не только разнести во времени херсонские эмиссии Константина VII Багрянородного, но и найти еще одно подтверждение нашему объяснению появления на фоллисах Херсона X в. изображений государей. Получается, что в этом городе в память об их воцарении выпускали памятные монеты, являвшиеся копиями столичных образцов.

Однако мы пока не можем прекратить изложение истории монетного дела Константина VII Багрянородного. Осталось проанализировать небольшую, но весьма интересную публикацию известного севастопольского собирателя Н.Н. Грандмезона, посвященную найденным на территории Херсонесского городища редким или даже уникальным бронзам, а также «золотому монетовидному кружку» (рис. 2,11), являвшимся, по мнению исследователя, монетой херсонского чекана (Грандмезон 1986: 209–210, табл.,1). Нумизмат определил на его аверсе примитивное изображение императора, а на реверсе – «крест на Голгофе», выше которого, по его словам, просматривался предмет, похожий на копье (Грандмезон 1986: 209–210, табл.,1). Н.Н. Грандмезон датировал свою находку правлением Константина VII Багрянородного (Грандмезон 1986: 210). По мнению исследователя, сама примитивность оформления этого «кружка» указывает на его местное, херсонское происхождение. Однако, с нашей точки зрения, выводы Н. Н. Грандмезона покоятся на весьма зыбкой почве.

Попытаемся доказать нашу правоту, и, одновременно, проверить результаты исследования уважаемого коллекционера. Начнем с изучения самых значимых элементов оформления, т.е. с монетных легенд. Заметно, что надпись просматривается только на реверсе «золотого монетовидного кружка». Правда, она не читается. Как верно подметил Н.Н. Грандмезон, легенда реверса состоит «из прямых и наклонных черточек». Отметим, что подобного рода тексты на византийских монетах не известны. Далее, судя по основным элементам оформления, «золотой монетовидный кружок» должен быть солидом. Ведь на его реверсе был отгиснут «крест на Голгофе». Правда, настораживает сообщение автора о «предмете, похожем на копье», помещенном над культовым символом. Дело в том, что изображения этого вида оружия на византийских монетах со времен Тиверия III Аписмара не встречаются. Кроме того, находка Н.Н. Грандмезона не содержала и четверти веса

¹ Полагаем, что их эволюция отразила развитие представлений о конструкции грекоязычной монограммы.

² Ее составляющую «P» часто разворачивали на 180°.

металла, шедшего на номизму. Да и диаметр у «золотого монетовидного кружка» был в 1,5 раза меньше, чем у солида. Однако все эти обстоятельства не смутили нумизмата. Он счел возможным отнести «золотой монетовидный кружок» к херсонской эмиссии Константина VII Багрянородного, т.к. «в другие периоды на монетах не было изображений императоров такого типа, за исключением монет, где на аверсе изображен император Лев VI» (Грандмезон 1986: 210).

Считаем, что Н.Н. Грандмезон приобрел какое-то неизвестное подражание византийскому золоту, которое по приведенному собирателем описанию определить практически невозможно. Можно правда, допускать, что эта находка, судя по весу, могла быть четвертью номизмы – номиналом, широко используемым населением варварской Таврики (Гурулева 2004: 441). Но, вернее всего, Н.Н. Грандмезон издал одну из множества современных фальшивок, волей судьбы оказавшихся в его собрании¹.

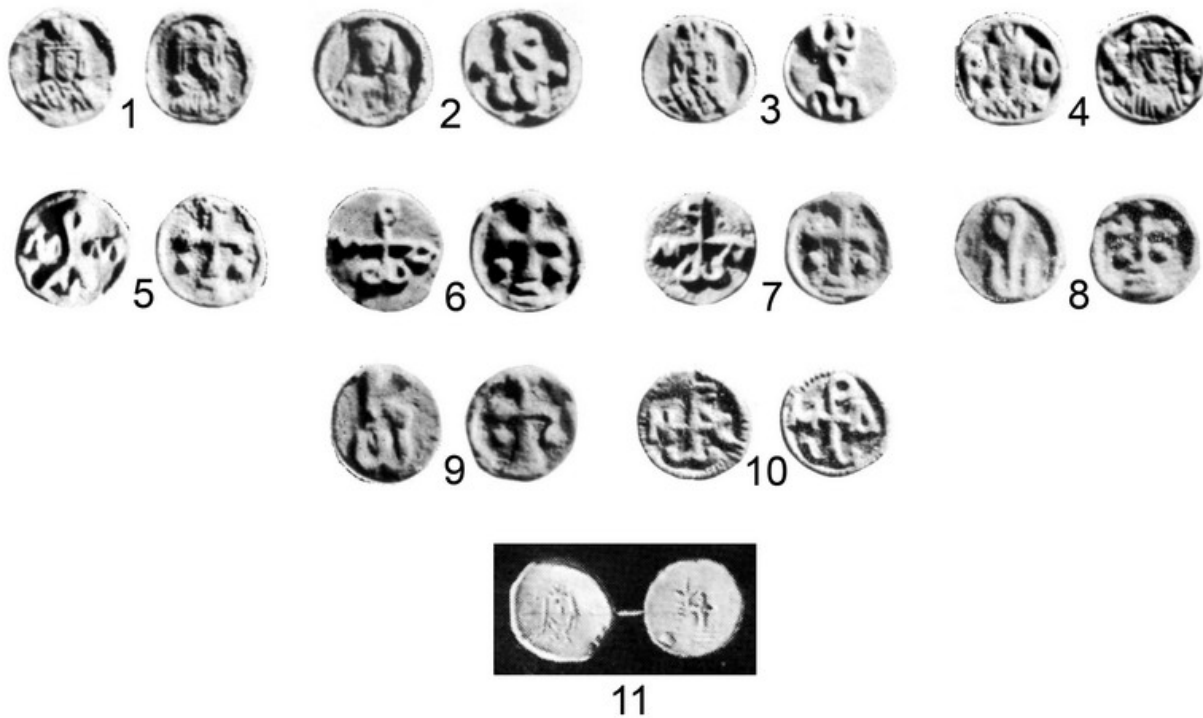

Рис. 2. Монетное дело Херсона при Константине VII Багрянородном и его соправителях
(по В.А. Анохину и Н.Н. Грандмезону)

1–10 – фоллисы Херсона времен Константина VII Багрянородного: периода регентства Зои (1), первого самостоятельного правления (2), в память о коронации Романа I (3), в честь Романа I и Христофора (4), ординарные выпуски Романа I (5–8), второго самостоятельного правления (9), Константина VII Багрянородного и Романа II (10); 11 – «золотой монетовидный кружок» Н.Н. Грандмезона.

Но вернемся к подлинным монетам. Известно, что в Херсоне продолжали лить фоллисы и при преемниках Константина VII Багрянородного. Причем каждый

¹ Общее представление о ситуации мы получили из обстоятельной беседы с крымским историком, археологом и нумизматом Е.Я. Туровским в августе 2007 г. Пользуясь случаем, хотим выразить ему благодарность за регулярные и очень ценные консультации.

из этих правителей успевал выпустить в обращение монету со своей монограммой. Как правило, начинали с эмиссии более тяжеловесных и крупных монет, чем было принято ранее. Но со временем монетная стопа неуклонно снижалась. И дело тут не в стремлении получить максимальную выгоду от монетной регалии. В Херсоне продолжали лить фоллисы в глиняных формах, сформованных сначала эталонными штампами, а позже, по мере их порчи – самими монетами. А глина при высыхании сжимается. Так что от отливки к отливке размеры херсонских монет заметно уменьшались. Первым это установил В.А. Анохин (Анохин 1977: 111–112). Этому исследователю принадлежит приоритет в установлении технологии литья монет в византийском Херсоне.

Правда, известно два исключения. Рассмотрим серии, вес которых не успел снизиться. Так, при Романе II были отлиты сравнительно крупные фоллисы с аббревиатурами «Ϟ» на аверсе и с «Λ» на реверсе¹ (рис. 3,1). Если первая их них привлекают внимание вычурностью своих форм, то обе исключительно примечательны новыми конструктивными идеями – монограммы такой структуры ранее не составлялись. Но прежний принцип шифрования имен, тем не менее, сохранился. Для восстановления порядка букв в именах следует выделить основной, или так сказать, образующий символ, вокруг которого группировались все остальные. В первом случае это, безусловно, «P», на которую как бы нанизаны «M» с дугообразной срединной частью, усеченная снизу «A» и традиционно начертанная лунарная «Ω».

Заметим, что принцип построения аббревиатуры довольно революционен. Но не это самое интересное. Дело в том, что в монограмме просматривается второй образующий символ – «M». Ее полукруглая составляющая служит опорой «A». В тоже время далеко вынесенные по сторонам вертикальные галги «M» являются изящными ограничителями монограммы, образуя тем самым, четкий и безукоризненный рисунок. Мы разбираем в «Ϟ» вполне очевидное «Ρωμα[νός]»².

Считаем нужным акцентировать внимание на следующем обстоятельстве. Сама идея трансформации букв и разработка новых методик их переплетения сближает «Ϟ» с куда более поздними аббревиатурами правителей Феодоро (Чореф 2011: 46–55), сконструированным по правилам построения подписей императоров Византии (Dölger 1931). С нашей точки зрения, эта монограмма является подлинным шедевром византийской каллиграфии. Само же ее размещение на монете литья Херсона свидетельствует о высоком мастерстве его монетчиков.

Не менее интересна и аббревиатура «Λ». Правда, она построена куда более строго, скажем даже, аскетически. Нет ни волнистых линий, ни переплетения вычурных букв. Но вот что интересно. Бесспорно читаемые символы «Λ» прописаны в соответствии с прежними традициями, как видим, сохраненными монетчиками византийской Таврики. Начнем с того, что образующая ее «B» наклонена точно так же, как и на позднейших выпусках таврических бронз Василия I Македонянина. Не

¹ Изображение этой монеты размещено на сайте acsearch.info (acsearch.info: 1).

² Т.к. монограммы на херсоно-византийских монетах этого периода довольно хорошо изучены, то мы без особой на то необходимости не будем приводить схему их дешифровки.

менее интересен рисунок четкой и строгой «А». Она совершенно не похожа на ту же букву, выделенную нами в составе «&» на аверсе. Зато безусловной ее аналогией является «Λ» – монограмма имени Артавасда на его давно уже выпавших их обращения гемифоллисах херсонского литья. Само же сочетание этих символов свидетельствует отнюдь не столько о временной близости эмиссий, сколько о сохранении традиций. Но факт есть факт. На монетах Романа II размещены монограммы, сконструированные в различных, разновременных стилях.

Попытаемся объяснить это явление. Сразу же заметим, что оно не может трактоваться как случайность. Очевидно то, что монограмму автократора конструировали с куда большей тщательностью, а аббревиатуру «&» строили довольно схематично. Главное было добиться ее безусловной читаемости. И цель была достигнута. Монограмма «Λ» может быть прочтена только как «ВА». Но что за слово могло быть в ней зашифровано? Титул Романа II или имя его старшего сына Василия II Болгаробойцы? Попытаемся дать ответ на этот вопрос.

Первым делом определим круг поиска. По логике вещей, буквосочетание «ВА» могло быть использовано для сокращения только двух слов: «βασιλεύς» и «Βασίλειος». Причем первое, по-видимому, неуместно – совершенно нелогично размещать на одной стороне имя правителя, а на другой его титул. Для таких красивых монет это было бы совершенно недопустимо¹. Получается, что аббревиатуру «&» следует читать как «Βασίλειος»².

Итак, у нас есть все основания отнести литые бронзы с лигатурами «&» и «Λ» к выпускам Романа II и его сына Василия II Болгаробойцы. Сама же их редкость подтверждает нашу атрибуцию. Ведь за крайне непродолжительное правление сына Константина VII Багрянородного невозможно было выпустить много монет.

Non deficit alter aureus. На смену монетам Романа II пришли столь же крупные, но куда менее искусно оформленные бронзы³ малолетних Василия II Болгаробойцы и Константина VIII (рис. 3,2). На их аверсе была оттиснута аббревиатура «ВА», а на реверсе «κτω». Заметно, что монограммы правителей разрабатывали заново и спешно. Собственно, это даже не лигатуры – их символы не сопряжены. Похоже, что мы имеем дело с незапланированной ранее эмиссией, вызванной политическими событиями. Иначе чего бы стоило использовать ранее использованный штамп с монограммой «Λ»? Собственно, именно это обстоятельство заставило нас отвергнуть атрибуцию этих монет, предложенную В. А. Анохиным. Напомним, что ученый отнес и их к эмиссиям Романа II (Анохин 1977: 120). Полагаем, что спешный выпуск бронз с аббревиатурами «ВА» и «κτω» был вызван известиями о смерти императора. И власти фемы были вынуждены срочно отлить монеты от имени новых правителей.

Но, как ни странно, новые принципы построения монограмм были сохранены. На аверсе монет Василия II Болгаробойцы и Константина VIII размещена аббревиатура имени старшего василевса, состоящая только из двух букв: «В» и «А».

¹ Также считают В.А. Анохин (Анохин 1977: 120) и И.В. Соколова (Соколова 1983: 52).

² Вполне возможно его написание в родительном падеже – Βασίλειου.

³ Изображение монеты этих правителей размещено на сайте acsearch.info (acsearch.info: 2).

Она проста и понятна. Куда примечательнее монограмма «ΚΩ». Причем ее состав – очевиден¹. Она сконструирована из букв «Κ», «Τ» и «Ω». Но, к сожалению, мы не нашли в нумизматической литературе, посвященной изучению монетного дела византийской Таврики ее убедительного прочтения. Правда, в ней видят имя «Константин», но, похоже, без какого-либо обоснования (Анохин 1977: 120). Хотя монограмма довольно проста. Дело в том, что лигатура, состоящая из тех же символов, хорошо известна и уже давно атрибутирована. Речь идет об аббревиатуре «ΚΩ» («Κω[νσ]τ[αντίνος]»), проставлявшейся на медных монетах при Константе II и Константине IV Погонате (Grierson 1982: 128, 137), носящих, к слову, тронное имя «Константин»².

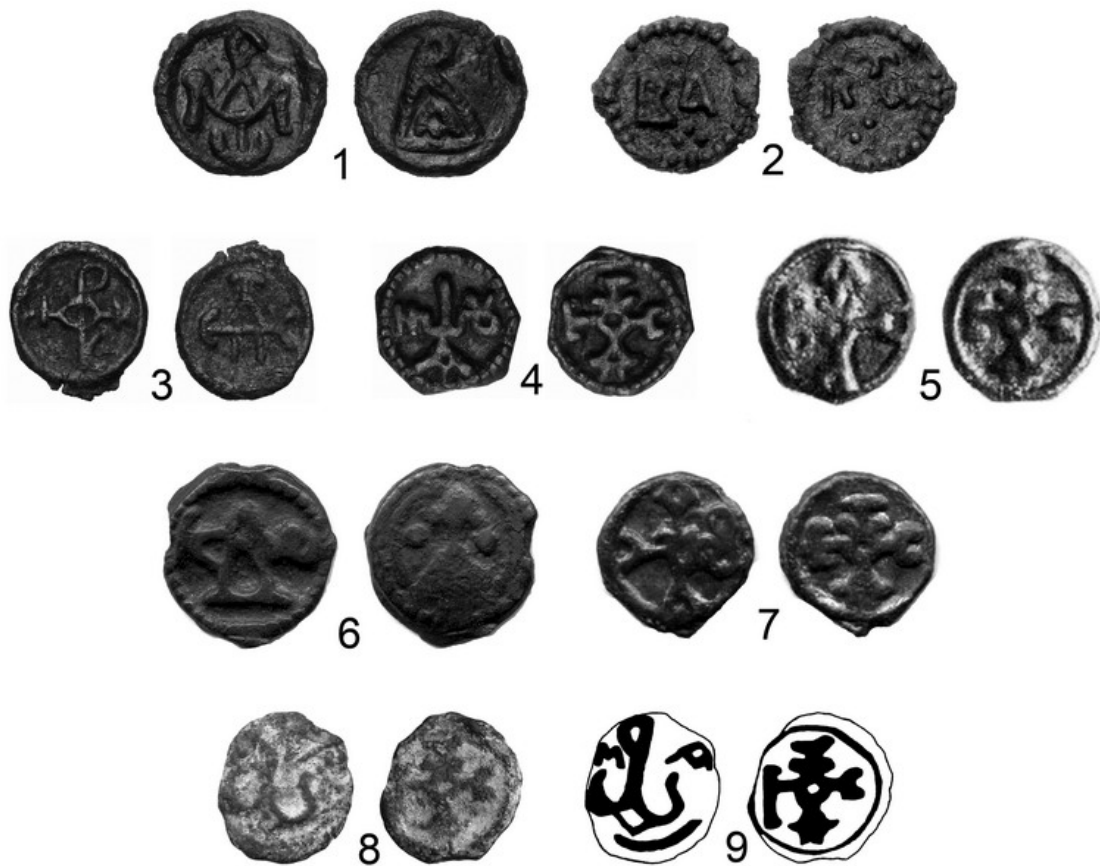

Рис. 3. Фоллисы таврического литья второй половины X – первой трети XI вв.

1 – Романа II и Василия II; 2 – Василия II и Константина VIII, первый период самостоятельного правления;
3 – Никифора II Фоки; 4 – Иоанна I Цимискиса; 5,7 – Василия II и Константина VIII, второй период самостоятельного правления; 6 – «анонимный фоллис» этих же правителей; 8,9 – фоллис Романа III Аргиры.

¹ Правда, М.В. Ступко и Е.Я. Туровский разобрали в ней «В», «Ω» и «маленький антониевский крест» (Ступко, Туровский 2010: 197). Мы же, в свою очередь, не видим оснований для выявления на средневековой византийской монете символа св. Антония Великого – основателя христианского монашества. Тем более, что наша методика прочтения этой аббревиатуры позволяет истолковать этот символ как букву «Т».

² В современной историографии его принято именовать Констант, Constans, Κωνσταντ. Но так его именовали только армянские и византийские хронисты (История императора Иракла 1862: 123; Толстой 1914: 724; Theophanis Chronographia 1883: 343). Тронным именем этого правителя было Constantinus (Κωνσταντίνος) (Толстой 1914: 724; Martindale 1992: 496–497).

Итак, получается, что херсоно-византийские бронзы с монограммами «BA» и «κτω» выпускали при Василии II Болгаробойце и Константине VIII. Причем, судя по оформлению и физическим характеристикам, они входили в одну группу с монетами времен самодержавного правления Романа II. А если учесть их редкость, то у нас будут все основания обоснованно датировать их эмиссию коротким периодом первого правления малолетних сыновей этого императора.

При Никифоре II Фоке (863–869) монетная стопа не изменилась. Остались в силе и прежние правила оформления монет херсонского литья. На аверсах и реверсах его фоллисов¹ традиционно размещали монограммы. В данном случае, это «κτω» – «Νικ[η]φόρος Φ[ω]κ[α]ς» на лицевой и «Α» – «δεσπ[ό]τ[η]ς» – «*despot*» на оборотной стороне (рис. 3,3).

Все херсонские бронзы этого правителя однотипны. Полагаем, что это обеспечивалось технологией литья в глиняных формах, оттискиваемых сначала эталонными штампами, а потом наиболее искусно изготовленными монетами.

Столь же стабильна была ситуация в Херсоне во время правления Иоанна I Цимискиса². При нем в городе продолжали лить фоллисы с монограммами на обеих сторонах. На лицевой стороне его монет³ размещали аббревиатуру «κτω» – «Ιωάννου», а на оборотной все тоже слово δεσπότης, но уже зашифрованное в монограмме иной формы («κτω») (рис. 3,4). Они практически однотипны – их изготавливали в глиняных формах, оттиснутых сначала эталонными штампами, а потом монетами.

Серьезные новации произошли во второй период самостоятельного правления Василия II Болгаробойцы и Константина VIII. Да, при них продолжали выпускать обычные фоллисы с монограммами «ΒΑΣ» – «Βασιλείου» на аверсе и «κτω» на реверсе⁵ (рис. 3,5,7). Судя по значительному уменьшению веса и диаметра, неизбежным при тогдашней технологии изготовления форм, их лили весь период самостоятельного правления императоров.

При Василии II Болгаробойцы и Константине VIII произошли важные изменения в финансовой сфере. Были выпущены «анонимные фоллисы» – относительно крупные и тяжеловесные медные монеты, в легендах которых отсутствовали упоминания о правящих императорах, но зато обязательно наличествуют культовые символы. Полагаем, что в связи с этим в Херсоне начали лить бронзы с аббревиатурой «κτω», в которой следует читать имена «Β[ασίλειος]» и «Κ[ωνσταντῖνος]» на аверсе и с «крестом на Голгофе» на реверсе, причем более тяжеловесные, чем ранние выпуски этих правителей⁶. И их оформление не было случайным. Ведь «крест на Голгофе» являлся традиционным для ранней Византии обозначением крупнейшего номинала (Чореф 2008: 122). Но, раз реверс оказался

¹ Изображение этой монеты приведено на сайте acsearch.info (acsearch.info: 3).

² Основываемся на греческом написании – Ιωάννης Τσιμισκής.

³ Изображение фоллиса этого правителя, приведенное на рис. 3,4, опубликовано на сайте acsearch.info (acsearch.info: 4).

⁴ Правда, тут оно дано в родительном падеже. Судя по наличию в ее составе лигатуры «Ϟ» («ου»), монограмму «κτω» следует читать как «δεσπότης» – «*despota*».

⁵ Изображения монет, приведенные на рис. 3,5,7, были опубликованы в (Соколова 1983: табл. XI,6; ancients.info: 1).

⁶ Речь идет о фоллисах с аббревиатурами «ΒΑΣ» на лицевой и «κτω» на оборотной сторонах.

занят культовым символом, а размер монетного поля не позволял поместить упоминания об обоих братьях-правителях, то их монограммы нужно было скомпоновать на аверсе. В результате была создана невиданная ранее аббревиатура двух имен сразу. Построена она была по все тем же правилам компоновки строчных многобуквенных лигатур – первая, самая крупная буква – в центре. Вернее всего, монеты этой разновидности являлись первой серией крупной меди, «анонимных фоллисов»¹, со временем вытеснивших все прежние разменные деньги из обращения.

Мы отдаем себе отчет в том, что наша атрибуция монет с « $\text{K}\Psi\omega$ » на аверсе не будет поддержана сторонниками И.В. Соколовой, относящей их появление к царствованию Василия I (Соколова 1983: 41–42). Однако уже В.А. Анохин верно подметил, что эти монеты близки к позднейшим сериям литья Херсона² как по слоям обнаружения, так и по дизайну оформления и физическим данным (Анохин 1977: 122–123).

Заметим, что его точку зрения разделяет и В. А. Сидоренко. Правда, ученый относит их к церковным выпускам, с чем мы согласиться никак не можем³.

В любом случае, не считаем возможным, вслед за В. А. Анохиным (Анохин 1977: 123), увязывать эмиссию бронз с аббревиатурой « $\text{K}\Psi\omega$ » с подавлением «восстания» Георгия Цулы – исторического деятеля, протоспафария, стратига Херсона, а, по мнению И.В. Соколовой и В.П. Степаненко, не поддержанного Г.Г. Литавриным (Литаврин 2000: 216, 218–222) – Боспора (Соколова 1983: 103–106; Степаненко 1992: С. 125–129), упомянутого Иоанном Скилицей и Георгием Кедреном (Georgius Cedrenus 1839: 464), а также известном по печатям (Alekseyenko 2012: 173–176, № 89). Вслед за Г.Г. Литавриным считаем его представителем знатного рода⁴, попытавшегося создать в Таврике независимое княжество (Литаврин 2000: 221). Добавим также, что появление боспорской печати Георгия Цулы может быть объяснено не только его понижением в должности, но и административными преобразованиями в Таврике, начатыми при Василии II Македоняnine и приведшим во второй половине XI в. к образованию катепаната Херсона и Хазарии⁵. В любом случае, это не могло вызвать появление в обращении монет нового, не известного в остальной части империи номинала.

К сожалению, очень трудно установить время эмиссии бронз с аббревиатурой « $\text{K}\Psi\omega$ » (рис. 3,6). Очевидно только то, что их выпускали относительно недолго. Вернее всего, они поступили в обращение после похода кн. Владимира Святославича⁶ и фактически выпали из него к концу правления Василия II Болгаробойцы и

¹ Сразу же заметим, что мы не согласны с этим названием, но пока вынуждены его использовать, учитывая сложившуюся в нумизматике традицию.

² Имеются ввиду монеты с монограммами « L » или « L » на аверсе.

³ Нашу аргументацию см. ниже.

⁴ Известные на данный момент печати Цулы из Херсона были изданы Н.А. Алексеенко (Alekseyenko 2012: 231–238, № 151–160).

⁵ Печать чиновника из рода Аланов, занимавшего эту должность во второй половине XI – начале XII в., была опубликована Н.А. Алексеенко и Ю.А. Цепковым (Алексеенко, Цепков 2012: 7–17, рис. 1).

⁶ Основываемся на мнении В.А. Анохина (Анохин 1977: 123).

Константина VIII¹. Дело в том, что жители византийской Таврики предпочитали привычные литые фоллисы. Так что не стоит удивляться тому, что их выпускали еще в начале XI в. Последняя их серия была отлита при Романе III Аргире².

В 1986 г. историком–археологом и крымским краеведом М.Я. Чорефом в окрестностях гор. Эски-Кермен была найдена уникальная литая монета (Чореф 2007: рис. 1, 2). К сожалению, находка не заинтересовала исследователя и не была им издана. Она была нами изучена только в последние годы.

Перейдем к ее описанию. Монета (рис. 3,8,9), диаметром 1,76 на 1,55 см., весом 2,55 г, была отлита из медно-свинцового сплава. Просматриваются следы двух литников. Соотношение осей ее аверса и реверса 6 ч.

На лицевой стороне монеты различимы элементы монограммы. Определенно читается «Ω», выше и правее ее расположена угловатая «А». От первой из них идет вверх линия, заканчивавшаяся кружком. Похоже, что это зеркально развернутая буква «Р». Левее и ниже последнего элемента надписи просматривается наплыв металла, вероятно, след плохо переданной буквы «М». Как видим, были соединены только «Р» и «Ω».

После внимательного осмотра этой надписи у нас сложилось впечатление о том, что штамп для аверса был изготовлен с нарушением технологии, принятой на монетном дворе Херсона во второй половине IX–X вв. Хорошо заметно, что мастер не смог прорезать надпись линиями одинаковой толщины и глубины: видно, как рельефно он передал «Ω» и как слабо выступает над поверхностью едва читаемая «А». Вероятно, он был вынужден работать не с мягким, податливым материалом, а с уже обожженной глиной. В противном случае трудно объяснить наличие хорошо различимых точек на линиях, образующих букву «А». Складывается впечатление, что резчику пришлось царапать по керамической поверхности, прилагая при этом большие усилия. Причем особо твердые частицы ему пришлось выковыривать. Только в результате этого процесса на поверхности штампа появились хорошо заметные многочисленные царапины и выщерблины. Так, под «Ω» заметны две пересекающиеся линии, образовавшиеся как результат ошибок резчика, не сумевшего аккуратно выбрать материал. Как видим, мастер по пока не понятным нам причинам правил уже использованную форму.

Проведем графологический анализ определяемых букв. Известно, что на аверсах херсонских выпусков Романа I есть монограммы, в которых буква «Р» была развернута зеркально (рис. 2,7,8), а использование «А» такой конфигурации было свойственно монетному делу Херсона второй четверти X – начала XI вв., т.е. как при вышеупомянутом правителе, так и при его преемниках Романе II и Иоанне I

¹ К сожалению, точное датирование этих монет в результате использования исключительно нумизматических средств, практически невозможно. Но есть возможность привлечь результаты археологических исследований. Можно установить период образования слоя разрушения, в верхних слоях которого находят эти монеты. По мнению А.И. Романчук, он возник в первой половине – середине XI в. (Романчук 1989: 182–188). Ей вторит В.В. Хапаев, полагающий, что этот слой разрушения не мог образоваться в результате землетрясения (Хапаев 2008а: 89–116). Основываясь на этом, датировем период обращения монет с «Ω» первой половиной XI в.

² Учитывая уникальность находки, приведем как можно более подробное описание монеты и схемы ее исследования.

Цимискисе, а также при Василии II Болгаробойце и Константине VIII (рис. 2,5–7,10, 3,1,4,5,7).

Таким образом, изучив различные элементы легенды аверса, мы имеем право предположить, что заинтересовавшая нас аббревиатура является весьма неудачно выполненной монограммой «», схожей на лигатуры, свойственные монетному литью Херсона времен Константина VII Багрянородного и его соправителей (рис. 2,6,7).

На оборотной стороне монеты видна хорошо известная монограмма «». Как помним, она была характерна для херсонских выпусков Иоанна I Цимискиса, а также Василия II Болгаробойцы и Константина VIII (рис. 3,4,5,7). Вернее всего, штамп реверса мог быть сформован в результате оттискивания соответствующей стороны одной из монет вышеупомянутых разновидностей (Анохин 1977: табл. XXIX,438). Учитывая это обстоятельство, полагаем, что эту бронзу могли изготавливать только на официальном монетном дворе.

Кроме того, судя по ее редкости, она не могла быть отлита древним фальшивомонетчиком, который стремился бы выпустить копии привычных денег и, в любом случае, не стал бы разрабатывать новый монетный тип. Кроме того, как уже было отмечено, мастер был хорошо знаком с технологией, принятой на монетном дворе Херсона: он стандартно формовал реверс и подрезал штамп, вероятно, ранее использованный для оттискивания аверсов прежде выпускавшихся монет.

Теперь, после того, как мы установили место изготовления нашей бронзы, попытаемся разобраться с оттиснутыми на ней монограммами и датировать ее. Мы знаем, что императоры, правившие в конце X – начале XI в., перечеканивали медь своих предшественников (Столярник 1992: 60–61; Dimian 1960: 197–221; Thompson 1954: 73–74). В таком случае, монетчики, работавшие в провинциальных центрах, должны были учитывать перемены, происходившие в верхних эшелонах власти в Константинополе. Известно, что штампы для аверсов херсонской бронзы изготавливались с учетом этих изменений, причем их реверсы могли оттискивать и старыми формами.

Если все наши предположения верны, то наша монета могла быть изготовлена после смерти Василия II Болгаробойцы, но, в любом случае, только при каком-то Романе – ближайшем его преемнике, при котором в городском обращении могло еще находиться большое количество мелких выпусков его предшественников, правивших в конце X – начале XI вв.

Попытаемся, в таком случае, определить этого императора. Как мы знаем, на престол империи всходили четыре правителя, носивших это имя. Причем только два из них: Роман III Аргир и Роман IV Диоген правили в XI в. Сразу отметим, что первый из вышеупомянутых императоров с большей вероятностью мог застать по приходу к власти в Херсоне монетное обращение, насыщенное мелкой бронзой X – начала XI вв.

Следовательно, мы можем считать, что наша монета могла быть отлита во время правления Романа III Аргира, о чем говорит как единство идей ее оформления и известных нам херсонских выпусков предшественников этого правителя, так и

уверенность в том, что при преемниках этого императора мелкая медь прежних типов уже не выпускалась.

Итак, в рассмотренный нами период основной монетой денежного обращения в Тавриде был фоллис, причем, заметим, местного же литья. Полагаем, что столь длительное их хождение было обусловлено стабильностью экономической ситуации в регионе.

Мы обязаны обратить внимание еще вот на какое обстоятельство. Регулярная смена монетного типа херсоно-византийских монет¹ не только в память о приходе к власти очередного императора, но даже в период одного правления, безусловно, имела определенный смысл. Причем она не проводилась с целью максимально использовать право на монетную регалию. Новые серии не могли вытеснить более ранние выпуски. Полагаем, что их лили как с целью внедрить в обращение более художественно исполненные бронзы, как и поднять монетную стопу, периодически снижавшуюся вследствие использования довольно примитивной технологии литья. Только этим можно объяснить факт совместного обращения фоллисов IX–XI вв.

Это явление можно объяснить и тем, что при ближайших преемниках Романа III Аргира эмиссия региональных денег в Херсоне временно прекратилась. Так, нам не известны таврические именные бронзы последних правителей Македонской династии, Исаака I Комнина (1057–1059), а также Дук. И это притом, что в городе действовали довольно эффективные чиновники. Так, стратиг Херсона и Сугдеи Лев Алиат в 1059 г. соорудил ворота претория и организовал ремонт городских оборонительных сооружений (Латышев 1896: 15–19, № 8)². По мнению А.И. Романчук, Херсон в тот период активно перестраивался (Романчук 2008: 419–421). О налаженной работе фемной администрации свидетельствует и обнаружение печатей (Алексеенко 1998: 726–734, № 29–34; Алексеенко, Цепков 2012a: 6–9; Алексеенко, Цепков 2012b: 7–17, рис. 1; Степанова 2009: 185–189; Alekseyenko 2012: 177, № 91–92). Учтем и то, что монетные дворы империи в XI в. активно чеканили «анонимные фоллисы».

Вернее всего, единственным объяснением этому явлению может быть катастрофическое сжатие регионального рынка. Основываясь на том, что мелкие деньги таврического литья выпускались для удовлетворения потребности в разменной монете, предполагаем, что прекращение их эмиссии в третьей четверти XI в. могло быть вызвано разрывом торговых связей с жителями причерноморских степей³. Действительно, в 1036 г. печенегии потерпели поражение от Ярослава Мудрого (ПВЛ 2012: 105). А берендеи и половцы не сразу втянулись в региональную торговлю. Денежное производство в Херсоне возродилось только к концу столетия, когда политическая и экономическая ситуация в регионе кардинально изменились.

¹ Речь идет не о памятных, а о ходячих монетах.

² О масштабе проделанных работ свидетельствует плохо сохранившаяся надпись с упоминанием о василевсе (Латышев 1900: 68, № 13), которую А.Ю. Виноградов датирует правлением Исаака I Комнина (Виноградов 2011: 218–219, № 2).

³ Собственно, этим можно прекратить Русско-византийской войны 1043 г. (ПВЛ 2012: 105) и крайнее недовольство отравлением Ростислава Владимировича – Херсон был заинтересован в тесных контактах как с Константинополем, так и с Русью. Им важно было сохранить status quo, что и выразилось в договоре 1046 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеенко 1998 - *Алексеенко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 701-743.
- Алексеенко, Цепков 2012a - *Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А.* Новые материалы к сфрагистической карте Крыма: моливдовул Иоанна Комнина из района мыса Сарыч // *Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна: Тезисы докладов и сообщений*. Бахчисарай, 2012a. С. 6–9.
- Алексеенко, Цепков 2012b - *Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А.* Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // *Херсонесский сборник*. Вып. XVII. Севастополь, 2012. С. 7-17.
- Анохин 1977 - *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977.
- Виноградов 2011 - *Виноградов А.Ю.* Строительные надписи византийского Крыма. *Addenda et corrigenda* // *Вопросы эпиграфики*. 2011. № 4. С. 217-253.
- Грандмезон 1986 - *Грандмезон Н.Н.* Заметки о херсоно-византийских монетах // *Византийский временник*. Т. 46. 1986. С. 209-212.
- Гурулева 2004 - *Гурулева В.В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // *Сугдейский сборник*. Вып. I. Судак, 2004. С. 430-441.
- Две византийские хроники 1959 - *Две византийские хроники X века / Пред., перев. и комм. А.П. Каждана и Р.А. Наследовой*. М., 1959.
- История императора Иракла 1862 - *История императора Иракла*. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII в. / Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862.
- Константин Багрянородный 1989 - *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1989.
- Латышев 1900 - *Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1900 г. (с 20 снимками) // *Известия Императорской Археологической комиссии*. № 2. 1900. С. 61-72.
- Латышев 1896 - *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
- Лев Диакон 1988 - *Лев Диакон*. История / Пер. М.М. Копыленко, ст. М.Я. Сюзюмова, комм. М.Я. Сюзюмова и С.А. Иванова. М., 1988.
- Литаврин 2000 - *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
- ПВЛ 2012 - *Повесть временных лет / Пер. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Ком. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю.Чернова, А.М. Введенского, Л.В. Войтовича. Ст. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, С.В. Белецкого. Илл. М.М. Мечева*. СПб., 2012.
- Продолжатель Феофана 2009 - *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Пер. Я.Н. Любарского. СПб., 2009.
- Романчук 2008 - *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: В 2 т. Т. 2: Византийский город. Тюмень, 2008.
- Романчук 1989 - *Романчук А.И.* Слои разрушения X в. в Херсонесе: к вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // *Византийский временник*. Т. 50. 1989. С. 182-188.
- Сидоренко 2013 - *Сидоренко В.А.* Церковное и муниципальное производства херсоно-византийских монет IX – начала XIII вв. // *Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: Сборн. науч. трудов / Под. ред. Н.А. Алексеенко*. Севастополь, 2013. С. 267-293.
- Соколова 1983 - *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
- Соколова 1960 - *Соколова И.В.* Серебряный монетный чекан Константина VII // *Нумизматика и Эпиграфика*. Т. 2. 1960. С. 57–60.
- Степаненко 1992 - *Степаненко В.П.* К истории средневековой Таврики: 1. К интерпретации свидетельства Скилицы о восстании Георгия Чулы; 2. К датировке восстановления власти Византии на Боспоре // *Античная Древность и Средние Века*. Вып. 26: Византия и средневековый Крым. Екатеринбург, 1992. С. 125-133.

Степанова 2009 - *Степанова Е.В.* Находки печатей в Судаке // Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Суражского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 175-192.

Столярик 1992 - *Столярик Е.С.* Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднееримское и византийское время (конец III – начало XIII в.). Киев, 1992.

Ступко, Туровский 2010 - *Ступко М.В., Туровский Е.Я.* Литые монеты средневекового Херсона // *Stratum plus*. № 6. 2010. С. 187-200.

Толстой 1914 - *Толстой И.И.* Византийские монеты. Вып. VII: Монеты Константа II и Константина Погоната. СПб., 1914.

Хапаев 2008a - *Хапаев В.В.* Крымские землетрясения древности и средневековья: к истории вопроса // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. Вып. 1. Симферополь, 2008. С. 89-116.

Хапаев 2008b - *Хапаев В.В.* Разрушение Херсонеса на рубеже X–XI вв.: к изучению причин // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 3. 2008. С. 143-160.

Чореф 2007 - *Чореф М.М.* Новый тип монетного литья Херсона // VII Таврические научные чтения / Гл. ред. Е.Б. Вишневецкая. Симферополь, 2007. С. 137-144.

Чореф 2008 - *Чореф М.М.* К вопросу о номиналах бронз раннесредневекового Херсона // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. Вып. 1. Симферополь, 2008. С. 117-130.

Чореф 2009 - *Чореф М.М.* Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой «Pω» // *Вестник Тюменского ГУ*. № 7. 2009. С. 35-51.

Чореф 2010 - *Чореф М.М.* Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром // *Сугдейский сборник*. Вып. IV. Судак, 2010. С. 326-331.

Чореф 2011 - *Чореф М.М.* «Lapis officionis», или к расшифровке монограмм правителей Феодоро // *Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика*. № 13(108). Вып. 19. 2011. С. 46–55.

Чореф 2012a - *Чореф М.М.* Иконография императоров–иконоборцев как средство легитимизации власти // *Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2012 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2012»* / Под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузищина, Н.Н. Миленко, В.В. Хапаева. Севастополь, 2012. С. 108-110.

Чореф 2012b - *Чореф М.М.* Денежная реформа Михаила III и Василия I Македонянина: переход к эмиссии таврических фоллисов // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. Вып. 4. 2012. С. 243-252.

acsearch.info: 1 - Basile Ier le Macédonien et Constantin (868–879), AE (20 mm), vers 868–876, Cherson / Электронный ресурс: <http://www.acsearch.info/record.html?id=205571> (дата обращения – 07.06.2015).

acsearch.info: 1 - Romain II (959–963), lot de 2 bronzes de Cherson. Sear 1767 (Romain Ier, rare, photo), 1775; Anokhin 411, 431 / Электронный ресурс: <http://www.acsearch.info/record.html?id=420779> (дата обращения – 07.06.2015).

acsearch.info: 3 - Nicéphore II Phocas (963–969), bronze, Cherson / Электронный ресурс: <http://www.acsearch.info/record.html?id=420791> (дата обращения – 07.06.2015).

acsearch.info: 4 - Jean Ier Tzimiscès (969–976), bronze, Cherson / Электронный ресурс: <http://www.acsearch.info/record.html?id=420723> (дата обращения – 07.06.2015).

Alekseyenko 2012 - *Alekseyenko N.* L'Administration Byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux / Ed. E. Capet, K. Zuckerman // *Occasional monographs – 4*. Paris, 2012.

ancients.info: 1 - Byzantine Coins of Cherson (Kherson) / Электронный ресурс: <http://est.ancients.info/Cherson/BasilI.html> (дата обращения – 07.06.2015).

Dimian 1960 - *Dimian I.* Cu privire la cronologia și atribuirea monedelor anonime bizantine de bronz // *Stidii și cercetari de numismatica*. București, 1960. № 3. P. 197–217.

Dölger 1931 - *Dölger F.* Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden. München, 1931.

- Georgius Cedrenus 1839 - Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope / Ed. I. Bekkeri // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae, Vol. 2. 1839.
- Grierson 1973 - *Grierson P.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger, P. Grierson. Vol. III. P. II: Basil I to Nicephorus III. Washington, 1973.
- Grierson 1982 - *Grierson P.* Byzantine Coins. Los Angeles, 1982.
- Köhler 1822 - *Köhler H.K.E.* Médailles Grècques // Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Römische Alterthum. T. I. St. Petersburg, 1822. S. 1-29.
- Köhler 1850 - *Köhler H.K.E.* Médailles Grecques // Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Her. L. Stephani. Theil I. Band I. St. Petersburg, 1850. S. 1-29.
- Leo Imperator 1863 - Leo Imperator, cognomine Sapiens // Patrologiae cursus completus. Series graeca posterior / Acc. J.-P. Migne. Vol. CVII. Paris, 1863.
- Martindale 1992 - *Martindale J.R.* The prosopography of the Later Roman Empire. Vol. IIIA: A.D. 527-641. (Abandanes - 'Iyād ibn Ghanm). Cambridge, 1992.
- Nicholas I Patriarch 1973 - Nicholas I Patriarch of Constantinople: Letters / Ed. R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink // Dumbarton Oaks Texts. Washington, 1973.
- Oikonomides 1972 - *Oikonomides N.* Les Listes de Préséance Byzantines des IXe - et Xe Siècles. Paris, 1972.
- Sabatier, Cohen 1862 - *Sabatier J., Cohen M.H.* Description générale des monnaies Byzantines frapées sous les empereurs l'Orient depuis Arcadius jusqu'à la prise de Constantinople, par Mahomet II. T. II. Paris, 1862.
- Saulcy 1836 - *de Saulcy F.* Essai de classification des suites monétaires Byzantines. Metz, 1836.
- Sear, Bendall, O'Hara 1987 - *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Byzantine coins and their values. London, 1987.
- Theophanis Chronographia 1883 - Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Vol. I: Textum graecum continens. Lipsiae, 1883.
- Thompson 1954 - *Thompson M.* Coins from the Roman through the Venetian period // Athenian Agora. Vol. II. Princeton, 1954.
- Wroth 1908 - *Wroth W.* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. Vol. II. London, 1908.

REFERENCES

- acsearch.info: 1 - Basile Ier le Macédonien et Constantin (868-879), AE (20 mm), vers 868-876, Cherson [Basily I Makedonets and Konstantin (868-879), AE (20 mm), to 868-876, Cherson], Electronic resource: <http://www.acsearch.info/record.html?id=205571> (Date of access - 07.06.2015) [in French].
- acsearch.info: 2 - Romain II (959-963), lot de 2 bronzes de Cherson. Sear 1767 (Romain Ier, rare, photo), 1775; Anokhin 411, 431 [Roman II (959-963), party 2 of Cherson bronze. Sear 1767 (first, rare Roman, photo), 1775; Anokhin 411, 431], Electronic resource: <http://www.acsearch.info/record.html?id=420779> (Date of access - 07.06.2015) [in French].
- acsearch.info: 3 - Nicéphore II Phocas (963-969), bronze, Cherson [Nikifor II Foka (963-969), bronze, Cherson], Electronic resource: <http://www.acsearch.info/record.html?id=420791> (Date of access - 07.06.2015) [in French].
- acsearch.info: 4 - Jean Ier Tzimiskes (969-976), bronze, Cherson [John I Tsimiskhy (969-976), bronze, Cherson], Electronic resource: <http://www.acsearch.info/record.html?id=420723> (Date of access - 07.06.2015) [in French].
- Alekseenko 1998 - *Alekseenko N.A.* Stratigi Hersona po dannym novyh pamjatnikov sfragistiki IX-XI vv. [Strategos of Cherson according to new monuments sphragistics IX-XI centuries], in: Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], Vyp. VI, Simferopol', 1998, pp. 701-743 [in Russian].

Alekseyenko 2012 - *Alekseyenko N.* L'Administration Byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux / Ed. E. Capet, K. Zuckerman [Byzantine administration of Cherson. Catalog of seals / Prod. E. Capet, K. Zuckerman], in: Occasional monographs – 4 [Occasional monographs – 4], Paris, 2012 [in French].

Alekseenko, Cepkov 2012a - *Alekseenko N.A., Cepkov Ju.A.* Novye materialy k sfragisticheskoj karte Kryma: molivdovul Ioanna Komnina iz rajona mysa Sarych [New materials to the card of a sfragistika of the Crimea: molivdovul of Ioann Komnin from the area of the cape Sarych], in: Bahchisarajskie nauchnye chtenija pamjati E.V. Vejmarna: Tezisy dokladov i soobshhenij [Bakhchisarai scientific readings memory of E.V. Veymarn: Theses of reports and messages], Bahchisaray, 2012a, pp. 6–9 [in Russian].

Alekseenko, Cepkov 2012b - *Alekseenko N.A., Cepkov Ju.A.* Katepanat v Tavrike: legendarnye svidetel'stva ili istoricheskie realii [Katepanat in Taurika: legendary certificates or historical realities], in: Chersonesskij sbornik [Chersonese collection], Vyp. XVII, Sevastopol', 2012, pp. 7-17 [in Russian].

ancients.info: 1 - Byzantine Coins of Cherson (Kherson), Electronic resource: <http://est.ancients.info/Cherson/BasilI.html> (Date of access – 07.06.2015) [in English].

Anohin 1977 - *Anohin V.A.* Monetnoe delo Chersonesa (IV v. do n.je. – XII v. n.je.) [Coinage of Chersonese (IV century BC – XII century AD)], Kiev, 1977 [in Russian].

Choref 2007 - *Choref M.M.* Novyj tip monetnogo lit'ja Chersona [New type of monetary molding of Cherson], in: VII Tavricheskie nauchnye chtenija [VII Taurian scientific readings], Gl. red. E.B. Vishnevskaja, Simferopol', 2007, pp. 137-144 [in Russian].

Choref 2008 - *Choref M.M.* K voprosu o nominalah bronz rannesrednevekovogo Chersona [To a question of face values bronz early medieval Cherson], in: Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], Vyp. 1, Simferopol', 2008, pp. 117-130 [in Russian].

Choref 2009 - *Choref M.M.* Pozdnejshie emissii Chersona, ili k atribucii monet s monogrammoj «Pω» [The latest issues of Cherson, or to attribution of coins with the monogram «Pω»], in: Vestnik Tjumenskogo GU [Bulletin of the Tyumen State University], № 7, 2009, pp. 35-51 [in Russian].

Choref 2010 - *Choref M.M.* Monetnoe delo Chersona pri L've VI Mudrom [Coinage of Cherson at Leo VI the Wise], in: Sugdejskij sbornik [Sugdean collection], Vyp. IV, Sudak, 2010, pp. 326-331 [in Russian].

Choref 2011 - *Choref M.M.* «Lapis officionis», ili k rasshifrovke monogramm pravitelej Feodoro [«Lapis officionis», or to interpretation of monograms of governors of Feodoro], in: Nauchnye vedomosti Belgorodskogo GU. Serija Istorija. Politologija. Ekonomika. Informatika [Scientific sheets of the Belgorod state university. History series. Political science. Economy. Informatics], № 13(108), Vyp. 19, 2011, pp. 46–55 [in Russian].

Choref 2012a - *Choref M.M.* Ikonografija imperatorov–ikonoborcev kak sredstvo legitimizacii vlasti [Iconography of emperors-iconoclasts as means of legitimization of the power], in: Materialy Nauchnoj konferencii «Lomonosovskie chtenija» 2012 goda i Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh «Lomonosov-2012» [Materials of the Scientific conference «Lomonosov Readings» of 2012 and International scientific conference of students, graduate students and young scientists «Lomonosov-2012»], Pod red. V.A. Trifonova, V.A. Ivanova, V.I. Kuzishhina, N.N. Milenko, V.V. Hapaeva, Sevastopol', 2012, pp. 108-110 [in Russian].

Choref 2012b - *Choref M.M.* Denezhnaja reforma Mihaila III i Vasilija I Makedonjanina: perehod k jemissii tavrisheskih follisov [Mikhail III and Vasily I Makedonyanin's monetary reform: transition to issue of Taurian follis], in: Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], Vyp. 4, 2012, pp. 243-252 [in Russian].

Dimian 1960 - *Dimian I.* Cu privire la cronologia și atribuirea monedelor anonime bizantine de bronz [To the question of attribution of anonymous Byzantine bronze coins], București, 1960, № 3, pp. 197–217 [in Romanian].

Dölger 1931 - *Dölger F.* Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden [Facsimile of the Byzantine emperors], München, 1931 [in German].

Dve vizantijskie hroniki 1959 - Dve vizantijskie hroniki X veka [Two Byzantine chronicles of the X century], Pred., perev. i komm. A.P. Kazhdana i R.A. Nasledovoj, Moscow, 1959 [in Russian].

- Georgius Cedrenus 1839 - Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope / Ed. I. Bekkeri [George Kedrenos John Skylitzes], in: *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae* [Corpus of Byzantine history writers], Bonnae, Vol. 2, 1839 [in Latin].
- Grandmezon 1986 - *Grandmezon N.N.* Zametki o chersono-vizantijskih monetah [Notes about the Chersono-Byzantine coins], in: *Vizantijskij vremennik* [Byzantina xronika], T. 46, 1986, pp. 209-212 [in Russian].
- Grierson 1973 - *Grierson P.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection, Ed. A.R. Bellinger, P. Grierson, Vol. III, P. II, Basil I to Nicephorus III, Washington, 1973 [in English].
- Grierson 1982 - *Grierson P.* Byzantine Coins, Los Angeles, 1982 [in English].
- Guruleva 2004 - *Guruleva V.V.* Zolotyje monety Konstantina V (741–775), najdennye v Sudake [The gold coins of Constantine V (741–775) found in the Sudak], in: *Sugdejskij sbornik* [Sugdean collection], Vyp. I, Sudak, 2004, pp. 430-441 [in Russian].
- Khapaev 2008a - *Khapaev V.V.* Krymskie zemletrjaseniya drevnosti i srednevekov'ja: k istorii voprosa [Crimean earthquakes of antiquity and Middle Ages: to the historical background], in: *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], Vyp. 1, Simferopol', 2008, pp. 89-116 [in Russian].
- Khapaev 2008b - *Khapaev V.V.* Razrushenie Chersonesa na rubezhe X–XI vv.: k izucheniju prichin [Destruction of Chersonese at a boundary of the X-XI centuries: to studying of the reasons], in: *Bahchisarayskij istoriko-arheologicheskij sbornik* [Bakhchisaray historical and archaeological collection], Vyp. 3, 2008, pp. 143-160 [in Russian].
- Istorija imperatora Irakla 1862 - *Istorija imperatora Irakla. Sochinenie episkopa Sebeosa, pisatelja VII v.* [History of the emperor Heraclius. Composition of the bishop Sebeos, writer of the VII century], Per. K. Patkan'jana, St. Petersburg, 1862 [in Russian].
- Köhler 1822 - *Köhler H.K.E.* Médailles Grécques [Greek Coins], in: *Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Römische Alterthum* [Serapis or papers relating to the Greek and Roman antiquity], T. I, St. Petersburg, 1822, pp. 1-29 [in German].
- Köhler 1850 - *Köhler H.K.E.* Médailles Grecques [Greek Coins], in: *Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften* [Serapis. H.K.E. Köhler's collected writings, on behalf of the Imperial Academy of Sciences], Her. L. Stephani, Theil I, Band I, St. Petersburg, 1850, pp. 1-29 [in German].
- Konstantin Bagrjanorodnyj 1989 - *Konstantin Bagrjanorodnyj* [Constantine Porphyrogenetos]. Ob upravlennii imperiej [About management of the Empire], Moscow, 1989 [in Russian].
- Latyshev 1900 - *Latyshev V.V.* Grecheskie i latinskie nadpisi, najdennye v juzhnoj Rossii v 1900 g. (s 20 snimkami) [The Greek and Latin inscriptions found in the southern Russia in 1900 (with 20 pictures)], in: *Izvestija Imperatorskoj Arheologicheskoi komissii* [News of the Imperial Archaeological commission], № 2, 1900, pp. 61-72 [in Russian].
- Latyshev 1896 - *Latyshev V.V.* Sbornik grecheskih nadpisej hristianskih vremen iz Juzhnoj Rossii [The collection of the Greek inscriptions of Christian times from the Southern Russia], St. Petersburg, 1896 [in Russian].
- Leo Diakon 1988 - *Leo Diakon* [Leo the Deacon]. *Istorija* [History], Per. M.M. Kopylenko, st. M.Ja. Sjuzjumova, komm. M.Ja. Sjuzjumova i S.A. Ivanova, Moscow, 1988 [in Russian].
- Leo Imperator 1863 - *Leo Imperator, cognomine Sapiens* [The Emperor Leo, nicknamed the Wise], in: *Patrologiae cursus completus. Series graeca posterior* [The complete collection of the works of the Church Fathers. Greek second series], Acc. J.-P. Migne, Vol. CVII, Paris, 1863 [in Latin, Greek].
- Litavrin 2000 - *Litavrin G.G.* Vizantija, Bolgarija, Drevnjaja Rus' (IX – nachalo XII v.) [Byzantium, Bulgaria, Ancient Russia (IX – the beginning of the XII century)], St. Petersburg, 2000 [in Russian].
- Martindale 1992 - *Martindale J.R.* The prosopography of the Later Roman Empire, Vol. IIIA, A.D., 527–641 (Abandanes – 'Iyād ibn Ghanm), Cambridge, 1992 [in English].
- Nicholas I Patriarch 1973 - *Nicholas I Patriarch of Constantinople: Letters*, Ed. R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink, Dumbarton Oaks Texts, Washington, 1973 [in English].

Oikonomides 1972 - *Oikonomides N.* Les Listes de Préséance Byzantines des IXe – et Xe Siècles [Lists of the Byzantine nobility of IX and X centuries], Paris, 1972 [in French].

PVL 2012 - *Povest' vremennyh let* [Story of temporary years], Per. D.S. Lihacheva, O.V. Tvorogova. Kom. A.G. Bobrova, S.L. Nikolaeva, A.Ju.Chernova, A.M. Vvedenskogo, L.V. Vojtovicha. St. A.G. Bobrova, S.L. Nikolaeva, S.V. Beleckogo. Ill. M.M. Mecheva, St. Petersburg, 2012 [in Russian].

Prodolzhatel' Pheofana 2009 - *Prodolzhatel' Pheofana* [Theophanes the Confessor]. Zhizneopisanija vizantijskih carej [Biographies of the Byzantine emperors], Per. Ja.N. Ljubarskogo, St. Petersburg, 2009 [in Russian].

Romanchuk 2008 - *Romanchuk A.I.* Issledovanija Chersonesa–Chersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy: Monografija: V 2 t. T. 2: Vizantijskij gorod [Researches of Chersonese-Cherson. Excavation. Hypotheses. Problems: Monograph: In 2 t. T. 2: Byzantine city], Tyumen, 2008 [in Russian].

Romanchuk 1989 - *Romanchuk A.I.* Sloi razrushenija X v. v Chersonese: k voprosu o posledstvijah Korsunskogo pohoda Vladimira [Layers of destruction of the X century in Chersonese: to a question of consequences of the Korsunsky campaign of Vladimir], in: Vizantijskij vremennik [Byzantina xronika], T. 50, 1989, pp. 182-188 [in Russian].

Sabatier, Cohen 1862 - *Sabatier J., Cohen M.H.* Description générale des monnaies Byzantines frapées sous les empereurs l'Orient depuis Arcadius jusqu'à la prise de Constantinople, par Mahomet II [The general description of the Byzantine coins from the emperor of the East Arcadius to a capture of Constantinople Magomet II], T. II, Paris, 1862 [in French].

Saulcy 1836 - *de Saulcy F.* Essai de classification des suites monétaires Byzantines [Classification of the Byzantine coins], Metz, 1836 [in French].

Sear, Bendall, O'Hara 1987 - *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Byzantine coins and their values, London, 1987 [in English].

Sidorenko 2013 - *Sidorenko V.A.* Cerkovnoe i municipal'noe proizvodstva chersono-vizantijskih monet IX – nachala XIII vv. [Church and municipal productions of the Chersono-Byzantine coins of IX – the beginning of the XIII centuries], in: Vizantijskij seminar ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperija» i «polis»: Sbornik nauchnih trudov [Byzantine seminar ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «empire» and «policy»: collection of scientific works], Pod. red. N.A. Alekseenko, Sevastopol', 2013, pp. 267-293 [in Russian].

Sokolova 1983 - *Sokolova I.V.* Monety i pečati vizantijskogo Chersona [Coins and seals of the Byzantine Cherson], Leningrad, 1983 [in Russian].

Sokolova 1960 - *Sokolova I.V.* Serebrjanyj monetnyj chekan Konstantina VII [Silver monetary coinage of Constantine VII], in: Numizmatika i Epigrafika [Numismatics and Epigraphy], T. 2, 1960, pp. 57–60 [in Russian].

Stepanenko 1992 - *Stepanenko V.P.* K istorii srednevekovoj Tavriki: 1. K interpretacii svidetel'stva Skilicy o vosstanii Georgija Tsuly; 2. K datirovke vosstanovlenija vlasti Vizantii na Bospore [To medieval Tavrika's history: 1. To interpretation of the certificate of Skilitsa on revolt Georgy Tsula; 2. To dating of restoration of the power of Byzantium on Bospore], in: Antichnaja Drevnost' i Srednie Veka, Vyp. 26: Vizantija i srednevekovyj Krym [Antique Antiquity and Middle Ages. Vyp. 26: Byzantium and medieval Crimea], Ekaterinburg, 1992, pp. 125-133 [in Russian].

Stepanova 2009 - *Stepanova E.V.* Nahodki pečatej v Sudake [Finds of the seals in the Sudak], in: Mogarichev Ju.M., Sazanov A.V., Stepanova E.V., Shaposhnikov A.K. Zhitie Stefana Surozhskogo v kontekste istorii Kryma ikonoborcheskogo vremeni [Stephane of Surozh in the context of history of the Crimea of iconoclastic time], Simferopol', 2009, pp. 175-192 [in Russian].

Stoljarik 1992 - *Stoljarik E.S.* Očerki monetnogo obrashhenija Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja v pozdnerimskoe i vizantijskoe vremja (konec III – nachalo XIII v.) [Sketches of the monetary circulation of Northwest Black Sea Coast in the late Roman and Byzantine time (the end of III – the beginning of the XIII century)], Kiev, 1992 [in Russian].

Stupko, Turovskij 2010 - *Stupko M.V., Turovskij E.Ja.* Litye monety srednevekovogo Chersona [Cast coins of medieval Cherson], in: Stratum plus [Stratum plus], № 6, 2010, pp. 187-200 [in Russian].

Theophanis Chronographia 1883 - *Theophanis Chronographia* / Rec. C. de Boor. Vol. I: Textum graecum continens [Text in Greek], Lipsiae, 1883 [in Greek].

Thompson 1954 - *Thompson M.* Coins from the Roman through the Venetian period, Athenian Agora, Vol. II, Princeton, 1954 [in English].

Tolstoj 1914 - *Tolstoj I.I.* Vizantijskie monety. Vyp. VII: Monety Konstanta II i Konstantina Pogonata [Byzantine coins. Vyp. VII: Coins of Constans II and Constantine Pogonat], St. Petersburg, 1914 [in Russian].

Vinogradov 2011 - *Vinogradov A.Ju.* Stroitel'nye nadpisi vizantijskogo Kryma. Addenda et corrigenda [Construction inscriptions of the Byzantine Crimea. Addenda et corrigenda], in: Voprosy epigrafiki [Questions of epigraphy], 2011, № 4, pp. 217-253 [in Russian].

Wroth 1908 - *Wroth W.* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, Vol. II, London, 1908 [in English].

Чорев Михаил Михайлович – Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований
Нижевартовского государственного университета.

Choref Mikhail – Candidate of historical sciences, research associate of
Research laboratory of regional historical researches, Nizhnevartovsk state university.

E-mail: choref@yandex.ru

УДК 94(47).021

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ (ОБЗОР УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ Л.П. ГРОТ)

В.И. Меркулов

Российско-немецкий исторический семинар (Москва, Россия)

e-mail: mail@histformat.com

Scopus Author ID: 55848349600

ORCID ID: 0000-0003-0555-0813

ResearcherID: E-5671-2014

SPIN-код: 1519-7585

Авторское резюме

В этом обзоре рассматривается двухтомное учебное пособие Л.П. Грот «Начальный период древнерусской истории: проблематика изучения», представляющее собой авторский курс лекций по историографии и начальной истории Руси. В обзоре отмечаются ключевые проблемные вопросы и те преимущества, которые делают данный лекционный курс весьма полезным для современного исторического преподавания в вузах.

Ключевые слова: Древняя Русь, Рюрик, готицизм, княжеская власть, учебное пособие.

EARLY HISTORY OF RUS' (OVERVIEW OF THE TEXTBOOK BY LIDIA P. GROTH)

Vsevolod Merkulov

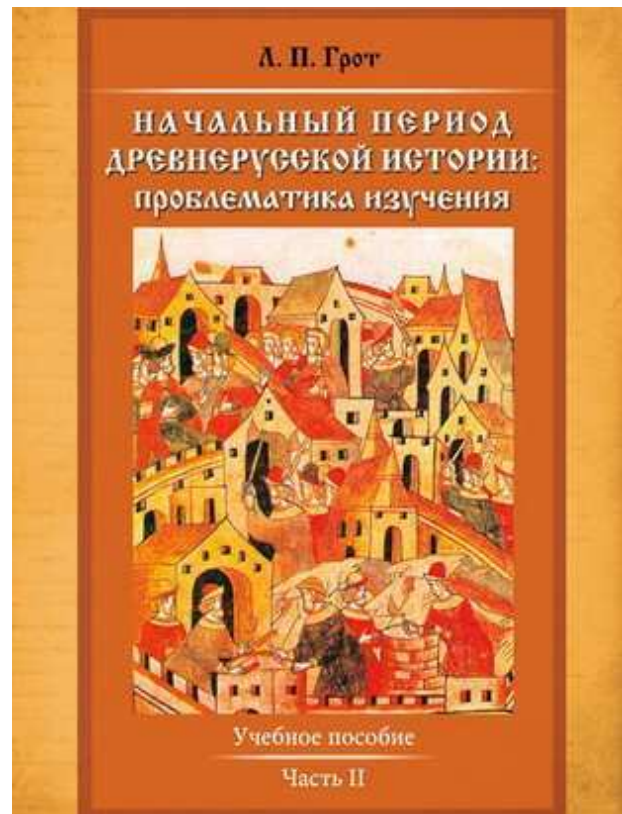
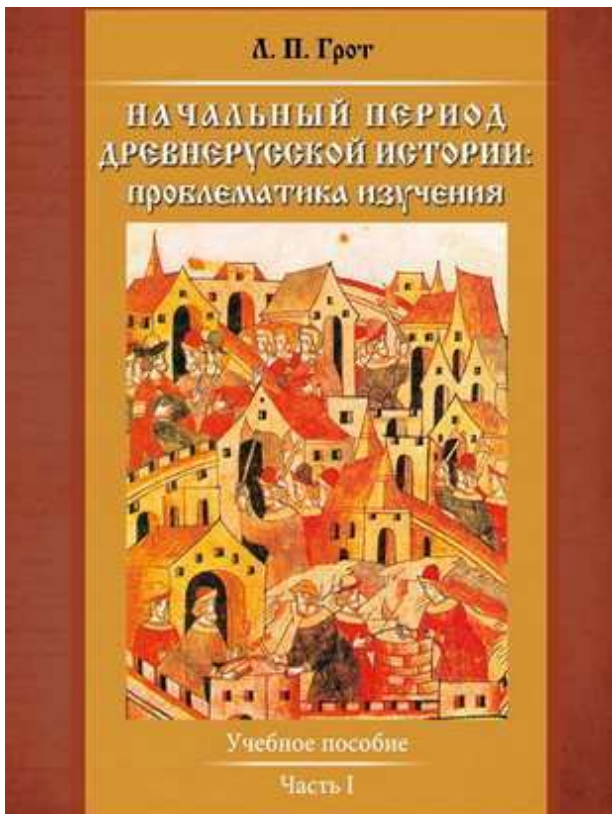
Abstract

The two-volume textbook by Lidia P. Groth *Early History of Rus': Problems of the Study* represents a course of lectures on historiography and early history of ancient Russia. The author of the article in his review points to the key questions raised by Lidia Groth and notes the great value of the textbook in teaching modern history to university students.

Keywords: early Rus', Rurik, Gothicismus, princely power, textbook.

* * *

Данное учебное пособие было составлено в рамках сотрудничества к.и.н. Лидии Павловны Грот с Ленинградским государственным университетом им. А.С. Пушкина и первоначально предназначалось для спецкурса «Начальный период древнерусской истории: проблематика изучения», участниками и слушателями которого были студенты III и IV курсов исторического и филологического факультетов. Тематика спецкурса была прямо связана с вопросами происхождения Руси и истоков российской государственности, что нашло отражение в материалах учебного пособия в двух томах. Цель настоящего обзора – дать краткую характеристику издания и отметить его основные особенности.

Грот А.П. Начальный период древнерусской истории: проблематика изучения. Учебное пособие. Часть I. СПб.: Издательство ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. 151 стр.

Грот А.П. Начальный период древнерусской истории: проблематика изучения. Учебное пособие. Часть II. СПб.: Издательство ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. 195 стр.

Сразу необходимо сказать, что отличительной чертой этого пособия стало то, что помимо приведения и анализа широкого круга исторических источников в нём подробно разбирается малоизвестная шведская донаучная историография XVI-XVIII вв., утопические идеи которой А.П. Грот связывает с истоками представлений о шведской этимологии имени Русь и о скандинавском происхождении летописных варягов. Перед нами концептуальная авторская работа, попытка адаптировать результаты новейших исторических исследований для вузовского преподавания. К примеру, призвание Рюрика рассматривается в ней в контексте матрилиатеральной традиции наследования власти (т.е. наследование со стороны матери), а присутствие русов в Восточной Европе увязывается с древнейшим индоевропейским субстратом, позволяя выстраивать непрерывную последовательность древнерусской истории¹. Всё это дает возможность признать учебное пособие А.П. Грот в полной мере новаторским и весьма полезным для студентов и аспирантов гуманитарных факультетов, которые только формируют для себя научные подходы к изучению прошлого.

¹ Данные концепции были представлены автором в целом ряде публикаций: Грот 2013, Грот 2013а, а также см. библиографию в указанных работах.

Какие именно новые разработки нашли отражение в этом двухтомнике, что отличает его от аналогичных изданий и делает актуальным в современном историческом преподавании?

Во-первых, Л.П. Грот довольно последовательно сформулировала и представила концепцию об утопической западноевропейской историософии XVI-XVIII вв. (шведская гипербореада и рудбекианизм, теория Общественного договора), проводя параллели с последующей историографией, в том числе с развитием т.н. норманнской теории. В частности, она наглядно показывает, как шведские государственно-политические интересы отражались в области донаучной историографии, нередко приводя к возникновению мифов, некоторые из которых вплоть до сегодняшнего дня не преодолены в исторической науке. Одним из таких мифов была популярная некогда идея о «гипербореях», которые якобы выступали прямыми предками шведов. В действительности же, «гипербореада» фактически оправдывала притязания шведской короны в Восточной Европе, подводя под актуальные политические цели легендарные «обоснования». Так, у шведских правителей будто бы издревле существовала особая миссия в европейской истории, в том числе и в связи с зарождением древнерусской государственности. Предки шведов якобы выступали то под именем легендарных «гипербореев», то варягов из русских летописей, с помощью чего, например, оправдывалось шведское вмешательство в события периода Смутного времени в России начала XVII века.

Во-вторых, в учебном пособии подробно рассматривается, как происходило становление западноевропейских представлений о прошлом. В связи с этим, Л.П. Грот представляет свою концепцию о взаимосвязи идеи «светлого прошлого», которую развивали итальянские гуманисты эпохи Возрождения, с идеями готицизма – течения в странах Северной Европы, возникшего в ответ на «обвинения» германских «варварских» народов в разрушении античной цивилизации. Действительно, воссоздание величественных картин античности, того самого «светлого прошлого», на позитивных образах и идеалах которого должно было воспитываться итальянское общество времен Ф. Петрарки, Дж. Боккаччо и К. Салютати, имело и другую сторону. Исследовательница отмечает, что у истоков традиции возвеличивать историческое прошлое своего народа всегда присутствовали политико-прагматические цели, причем бремя исторической вины нередко налагалось на соседей. Как следствие, в германоязычных странах стали формироваться альтернативные воззрения о древнем величии готов и вообще германцев-скандинавов, что привело в конечном итоге к бурному расцвету исторического мифотворчества. При этом тема готицизма практически никак не разрабатывалась в российской науке, несмотря на то, что она, по мнению Л.П. Грот, прямо связана со всеми ключевыми «норманистскими» идеями, т.е. имеет прямое отношение к изучению начального периода древнерусской истории.

В основу готицизма легли представления о том, что древние готы внесли выдающийся вклад в историю Европы, были основоположниками национальных историй и государств; и эти представления получили широкое распространение в среде германоязычных интеллектуалов Нового времени в пику «антиготской пропаганде» итальянских гуманистов. На мифическое родство с готами стали

претендовать многие западноевропейские народы, в том числе и скандинавы. Постепенно готицизм стал «модным» идейным направлением, влияние которого распространилось и на отечественную историографию в качестве «передового научного опыта», воспринятого из Западной Европы. Такой подход к рассмотрению широкого идейного контекста западноевропейской историографии представляется весьма интересным и обоснованным.

В-третьих, в учебном пособии приводятся и апробируются для вузовского преподавания результаты новейших исследований относительно истории шведской области Рослаген, которая на протяжении долгого времени считалась «прародиной» Руси. Как известно, Л.П. Грот впервые использовала данные геологии и геофизики, согласно которым Рослаген не мог существовать в качестве пригодной для обитания суши в IX веке. Дело в том, что Ботния в районе шведской прибрежной акватории, начиная с послеледникового периода, обнаруживает феномен постепенного подъёма морского дна и прирастания за счёт этого подъёма новой суши, новой береговой полосы. Согласно исследованиям шведских учёных, уровень моря в районе, где сейчас расположен Рослаген, в IX в. был минимум на 6-8 метров выше нынешнего. Нынешнее озеро Мэларен было, к примеру, открытым заливом моря, а значительная часть береговой полосы была островками, более или менее выступавшими из воды. Только в конце XIII в. «новые земли», вышедшие в буквальном смысле из морских волн, стали заселяться немногочисленным населением, что нашло отражение в шведских документах того времени (Грот 2013а: 99-115). Соответственно, выходцы из области Рослаген в IX веке, так называемые «гребцы» (*Róþsmenn* или *Róþskarlar*), в которых некоторые авторы видят основателей Древнерусского государства, оказываются столь же мифическими персонажами, как и шведские «гиперборейцы». В контексте вузовского спецкурса это дает возможность существенно пересмотреть устаревшие положения и предложить молодому поколению историков и филологов новейшие научные данные.

Впрочем, пересмотр «норманнской теории», который имеет важное научное и общественное значение, занимает немалое место в обозреваемом учебном пособии. И это оправдано, поскольку перспективы исследований Древней Руси сильно затрудняют некоторые прочно укоренившиеся в историографии положения, которые зачастую принимаются историками «автоматически», без должного критического отношения, нередко просто потому, что были в таком виде усвоены как раз в период получения профильного образования. Поэтому успешно преодолеть расхожие стереотипы вроде идеи о «гребцах» из Рослагена можно только уделяя им должное внимание уже на уровне вузовского преподавания, чтобы молодые историки начинали свой научный путь, не будучи связанными пережитками утопической историософии.

Очевидная научная слабость и необоснованность гипотезы о Рослагене как древнерусской «прародине» приводит, однако, к тому, что в работах некоторых авторов, с которыми полемизирует Л.П. Грот, на передний план выдвигается «Средняя Швеция» раннесредневекового периода. При этом фактически принимается, что данная область давала мощные импульсы для этнополитического и культурного развития не только Балтийского региона, но и Восточной Европы в

целом. Представляется, что отсюда, а именно из исторической области Свеяланд, отправлялись в походы многочисленные дружины викингов, которым отводится основополагающая роль в государственной и династийной истории Древней Руси IX-X вв. Такие положения можно до сих пор встретить в литературе, несмотря на то, что они максимально точно соответствуют не актуальным результатам научных исследований, а утопическим идеям шведской донаучной историографии или, иными словами, являются следствием исторического мифотворчества.

Л.П. Грот ссылается на работы шведских медиевистов Томаса Линдквиста и Марии Шёберг, которые убедительно показывают, что процессы шведского социо- и политогенеза носили затяжной, длительный характер, а признаки раннего государства в Швеции выявляются не ранее второй половины XIII – начала XIV вв. При этом, конечно, совершенно неясно, как шведские викинги могли способствовать зарождению древнерусской государственности в IX в., если в самой Швеции только со второй половины XIII в. стала складываться такая «форма относительно тонкой политической организации, как государственная власть». Причем подчеркивается вторичный характер шведского государства, которое «возникло позднее многих государств в Европе и даже в Скандинавии. Целый ряд явлений и представлений носили экзогенный характер: они “вводились” со стороны» (Lindkvist 1995: 4-5, 10-11; Lindkvist, Sjöberg 2010: 23-33).

Что же касается т.н. эпохи викингов (IX-XI вв.), то шведские учёные сейчас сходятся во мнении о том, что на раздробленной территории Швеции в рамках нескольких исторических регионов имелось множество мелких правителей – конунгов и хёвдингов/вождей, а объединение свеев (север Швеции) и гётов (юг Швеции) в единое политическое образование заняло несколько столетий. Тогда как, напоминает Л.П. Грот, объединение Новгорода и Киева представителями династии Рюриковичей произошло за буквально за пару десятилетий: согласно летописным данным, «в льто 6370» состоялось призвание Рюрика с братьями, а «в льто 6390... съде Олег княжа въ Киевь...». Для подобной территориально-политической консолидации в рамках Древнерусского государства было необходимо обладать опытом и организационными ресурсами, которых, очевидно, не было у тогдашнего немногочисленного населения «Средней Швеции». То же самое, подчеркивает Грот, можно сказать и о развитии городской культуры, городов в шведской истории. Безусловно, такие концептуальные положения современной исторической науки должны закладываться ещё на уровне вузовского образования, чему в полной мере способствует учебное пособие.

Интересно, что Л.П. Грот ставит под сомнение отождествление норманнов из западноевропейских хроник только с выходцами со Скандинавского полуострова и на основании исторических источников показывает, что в грандиозных норманнских походах участвовали и южнобалтийские славяне, в частности, варинны, которых исследовательница связывает с летописными варягами.

К слову, данные исследований по ДНК-генеалогии также не позволяют вести речь о сколько-нибудь широком присутствии скандинавов в Древней Руси. Вопреки встречающимся мнениям о значительном количестве викингов среди древнерусской знати, включая династию Рюриковичей, и населения древнерусских городов, на

современном материале не удастся зафиксировать более-менее статистически значимого количества их потомков, которые непременно должны были остаться. Дело в том, что ДНК-генеалогия анализирует метки в Y-хромосоме, которые передаются из поколения в поколение по мужской линии от отца к сыну и должны сохраняться даже в том случае, если потомки перешли на другой язык, восприняли иноязычные имена и полностью приобщились к иному этнокультурному кругу. Тем более что предполагаемое широкое присутствие скандинавов в составе древнерусской знати давало серьезные социальные преимущества для оставления потомства. Таким образом, среди современного населения России, Украины, Беларуси должно было бы сохраниться немало носителей специфических «скандинавских» ДНК-генеалогических линий – иными словами, прямых потомков тех самых гипотетических викингов, которые со временем «ославянились», но сохранили в своей ДНК метку «предка».

Однако конкретные данные этого не подтверждают. База данных IRAKAZ¹ содержит 4769 67-маркерных гаплотипов гаплогруппы R1a. Из них 1197 гаплотипов субклада R1a-Z284, так называемого скандинавского субклада, гаплотипы которого покрывают территорию от Швеции-Дании-Норвегии до Британских островов, куда они были принесены из Скандинавии. При этом в Восточной Европе этот субклад представлен крайне слабо. В России из 534 гаплотипов R1a – всего два из скандинавского субклада, и они могли попасть в страну в любое время, хоть в XX веке. В Беларуси из 94 гаплотипов R1a – ни одного из скандинавского субклада. В Украине из 174 гаплотипов R1a – ни одного из скандинавского субклада. В Литве из 86 гаплотипов R1a – ни одного из скандинавского субклада.

Из этого следует, что массовое присутствие скандинавов в Древней Руси оказывается под большим вопросом. Конечно, это не исключает определенного количества скандинавских наемников, которые с определенного времени фиксируются источниками, однако, представить, что древнерусская знать была скандинавской по происхождению и не оставила никакого потомства – практически невозможно. Выражаем благодарность А.А. Клёсову за уточнение ДНК-генеалогических данных, приведенных в этом обзоре.

Важной частью учебного пособия Л.П. Грот является материал о матрилатеральной традиции наследования власти и критика положения о «князе по найму». Представляется, что именно матрилатеральная традиция наиболее удачно объясняет призвание Рюрика согласно летописным источникам, когда новый князь приглашался в силу своих наследных прав, по причине отсутствия прямых наследников мужского пола. Это также соответствует сведениям из произведений многих западных авторов XV-XVIII вв., среди которых выделяются труды С. Мюнстера, С. Герберштейна, Б. Латома, Ф. Хемница и других (Меркулов 2003; Меркулов 2008; Меркулов 2013; Меркулов 2015; Пауль 2015).

Грот показывает, что призвание Рюрика было обычной практикой для обществ с наследным институтом власти и приводит множество примеров

¹ <http://dna-academy.ru/irakaz/>

призвания правителя «со стороны» из мировой истории. При этом подобные «призвания» были подчинены определенным правилам, исходя из отношения избираемого кандидата к правящему роду, чем определялась легитимность правителя. Данная традиция передачи власти в рамках одного рода, выделившегося из социума в качестве правящего, уходит в глубокую древность. В этом контексте призвание летописного князя Рюрика представляется типичным явлением западноевропейской династийной истории, обусловленным пресечением правящей династии. Выход из создавшегося кризиса власти находили, как правило, обращаясь к кандидатам, имевшим права наследования по отцовской или материнской линии. Призвание князя Рюрика осуществлялось на основе матрилateralной традиции, характеристике которой посвящен отдельный раздел.

В целом, двухтомное пособие Л.П. Грот очень интересно и может быть рекомендовано к использованию в вузовском историческом преподавании. К сожалению, оно было выпущено весьма небольшим тиражом, но это уже недоработка издателя, а не автора.

ЛИТЕРАТУРА

- Lindkvist 1995 - *Lindkvist Th.* Plundring, skatter och den feodala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergången från vikingatid till tidig medeltid. Uppsala, 1995.
- Lindkvist, Sjöberg 2010 - *Lindkvist Th., Sjöberg M.* Det svenska samhället. 800-1720. Klerkernas och adelns tid. Studentlitteratur. Lund, 2010.
- Грот 2013 - *Грот Л.П.* Прерванная история руссов: Соединяем разделенные эпохи. М.: Вече, 2013. 184 с.
- Грот 2013а - *Грот Л.П.* Призвание варягов. Норманны, которых не было. М.: Алгоритм, 2013. 368 с.
- Меркулов 2003 - *Меркулов В.И.* Варяго-русский вопрос в немецкой историографии первой половины XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Московский педагогический государственный университет. М., 2003.
- Меркулов 2008 - *Меркулов В.И.* Мекленбургская генеалогическая традиция о Древней Руси / Труды Института российской истории РАН. 2008. № 7. С. 8-28.
- Меркулов 2013 - *Меркулов В.И.* Начало Руси по германским источникам (К уточнению научной проблематики) // Русин. Международный исторический журнал. 2013. № 1. С. 42-52.
- Меркулов 2015 - *Меркулов В.И.* Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Иоганна Фридриха Хемница // Исторический формат. 2015. № 2. С. 54-74.
- Пауль 2015 - *Пауль А.* Роксоланы с острова Рюген: Хроника Николая Маршалка как пример средневековой традиции отождествления рюгенских славян и русских // Исторический формат. 2015. № 1. С. 5-30.

REFERENCES

- Lindkvist 1995 - *Lindkvist Th.* Plundring, skatter och den feodala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergången från vikingatid till tidig medeltid [Looting, taxes and the feudal state expanded. Organizational tendencies in Sweden during the transition from the Viking Age to the early Middle Ages]. Uppsala, 1995 [in Swedish]
- Lindkvist, Sjöberg 2010 - *Lindkvist Th., Sjöberg M.* Det svenska samhället. 800-1720. Klerkernas och adelns tid. Studentlitteratur [Swedish society. 800-1720. The Clergy and the nobility of time. Studentlitteratur]. Lund, 2010 [in Swedish]

Grot 2013 - *Grot L.P.* Prervannaja istorija russov: Soedinjaem razdelennye jepohi [The interrupted history of rus. We connect the divided eras], Moscow, Veche Publ., 2013, 184 p. [in Russian].

Grot 2013a - *Grot L.P.* Prizvanie varjagov. Normanny, kotoryh ne bylo [Calling of Varangians. Normans whom wasn't], Moscow, Algoritm Publ., 2013, 368 p. [in Russian].

Merkulov 2003 - *Merkulov V.I.* Varjago-russkij vopros v nemeckoj istoriografii pervoj poloviny XVIII veka. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskix nauk [Varangian-Russian question in the German historiography of the first half of the 18th eyelid. The abstract of the thesis for competition of an academic degree of the candidate of historical sciences] / Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet [Moscow pedagogical state university], Moscow, 2003 [in Russian].

Merkulov 2008 - *Merkulov V.I.* Meklenburgskaja genealogicheskaja tradicija o Drevnej Rusi [Mecklenburg genealogical tradition about Ancient Russia], in: Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN [Works of Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences], 2008, № 7, pp. 8-28 [in Russian].

Merkulov 2013 - *Merkulov V.I.* Nachalo Rusi po germanskim istochnikam (K utocnieniu nauchnoj problematiki) [The beginning of Russia in the German sources (Specification of scientific problems)], in: Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal [Rusin. International historical magazine], 2013, № 1, pp. 42-52 [in Russian].

Merkulov 2015 - *Merkulov V.I.* Ryurik i pervye russkie knyazya v «Genealogii» Johanna Friedricha Chemnitsa [Rurik and first princes of the Rus in the Genealogy by Johann Friedrich Chemnitius], in: Istoricheskij format [The Historical format], 2015, № 2, pp. 54-74 [in Russian].

Paul 2015 - *Paul A.* Roksolany s ostrova Ruegen: Hronika Nikolaja Marshalka kak primer srednevekovoj tradicii otozhdestvlenija rjugenskih slavjan i russkih [The Roxolani from Rügen: Nikolaus Marschalk's Chronicle as an example of medieval tradition to associate the Rügen's Slavs with the Slavic Rus], in: Istoricheskij format [The Historical format], 2015, № 1, pp. 5-30 [in Russian].

Меркулов Всеволод Игоревич – Кандидат исторических наук,
Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Москва, Россия).

Merkulov Vsevolod – Candidate of historical sciences,
Public and scientific project «The Russian-German Historical Seminar» (Moscow, Russia).

E-mail: mail@histformat.com

Правила публикации в журнале

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в наукометрических базах данных РИНЦ, Scopus и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

Порядок сдачи материала:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения – 0,5 п.л., рецензии – 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию (за исключением статей докторов наук, членов редколлегии журнала, а также оригинальных статей). Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Требования к оформлению материалов:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc .docx .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК)

2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п.2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание – по левому краю; первая строка – отступ 1,25 см; межстрочный интервал – одинарный; шрифт – Times New Roman; размер – 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» – оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях – транслитерировано, место издания – переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в журнале. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2015, № 3

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 28.08.2015

Формат 210x297

Электронный файл PDF

Гарнитура «Palatino Linotype»

* * *

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей, не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Email редакции: mail@histformat.com

Официальный сайт: <http://histformat.com/>

© Исторический Формат, 2015

ISSN 2411-9415